

Олег Яненагорский

Остров неясных смертей

Нижний Новгород, 2024 г.

От автора

*И смерть — предел всего,
и мы идём пустыней,
живя тревогою земной.*
Альфред Теннисон

*Мы... одинокими птицами... собравшимися
один-единственный раз, дабы проникнуться
назидательным зрелищем ничтожества жизни,
медлительности дня и бесконечной длительности
времени, мы, дорогие *Ευμπαράεχρονот*¹,
не верящие ни игре радости, ни счастьем глупцов,
мы, кто ни во что не верит, кроме несчастья...*
Серен Кьеркегор «Несчастнейший»

В моём рассказе не будет захватывающих погонь на арабских скакунах, гонок на супермашинах с пронзительным визгом автомобильных шин. Какие погони на одинокой скале? Не будет уличных драк и спортивных боёв. Не будет рассказов и показов красивых схваток, как в американских фильмах... Таких, когда на крышах небоскребов герои на потеху публики долго дерутся руками, ногами или на мечах. И не будет сцен о том, как «хорошие парни» красиво умирают, а их друзья, роняя дорогие мужские слёзы в стиле «а la молодой Рональд Рейган», клянутся отомстить врагам. Не будет оглушительной пальбы и прочих атрибутов повестей и фильмов в жанре «экшен» и «шпионский детектив». Так, пара негромких выстрелов да один взрыв. Не будет никакой мистики — ибо смерть всегда материальна. Но поскольку жизнь не обходится без секса, то будет «чуть-чуть» про секс между мужчиной и женщиной... Без извращений.

Поэтому некоторые читатели сразу могут отложить книгу и забыть про неё. О чём же я хочу рассказать? О группе российских туристов, оставшихся на одиноком острове в Юго-Восточной Азии без теле- и радиосвязи с миром, о трупе в бассейне и наполовину пустой бутылке колы, о коротком полёте вниз головой с высокой скалы, о плавании с аквалангом и ¹ *Ευμπαράεχρινот* — «умирающие вместе» (дополнение публикатора).

неожиданных находках. Будет рассказ о том, что в жизни часто существует бездонная пропасть между тем, что «кажется», и тем, что «есть на самом деле». Может быть, так и надо было назвать повесть — «Рассказ о пропасти»?

Это будет рассказ о жизни, смерти и любви, о том, как порой незначительные слова и малозначительные поступки, а также совершенные и несовершенные преступления могут резко изменить жизненный путь конкретного человека. О случайностях в нашей жизни, которые влекут непредсказуемые последствия... И о том, что смерть иногда обостряет поиски смысла жизни и желание жить. А загадочные смерти на том острове происходили с удручающей регулярностью, и надо было что-то делать... по мере наших сил и возможностей.

Мой друг, первым прочитавший рукопись, сказал: «Классический «английский детектив» — много диалогов, а действие развивается медленно и вдумчиво». Наверное, он всё же пошутил — какой «английский детектив», если на острове была только группа российских туристов, да еще обслуживающий персонал отеля, как будто специально набранный со всей Юго-Восточной Азии. Обо всём, конечно, не расскажешь. Некоторые моменты я для себя так и не прояснил. Например, до конца не был уверен, что богатый любовник дал Бажене деньги на дорогой отдых в экзотическом месте только для того, чтобы она просто временно исчезла с глаз и он бы имел возможность утихомирить ревнивую супругу. Мне кажется, что у него были надежды и на «другие варианты».

Я не знаю, что происходило в отеле между обслуживающим персоналом, и с кем спал управляющий Ван. Но в наиболее важных аспектах в рассказе всё отражено.

Все имена и фамилии изменены, все совпадения — совершенно случайны. Умышленно не указываю, какому государству принадлежит остров и его географические координаты. Таких островов много на бескрайних просторах Индийского и Тихого океанов. Позднее посмотрел на карте — сколько там морей? И очень удивился — много. Я даже не стал указывать время года, чтобы умные люди не смогли определить период событий.

Глава первая «Рай на реке Квай»

Женщина опасна для каждого рая.

Поль Клодель

Занесло меня в эту историю с несколькими неясными смертями на тропическом острове совершенно случайно. Хочу сразу о себе кое-что рассказать, да и о других участниках этой печальной истории упомянуть надо, иначе не понятно будет, кто и как умирал, кто кого и за что убивал.

Человек я «почти здоровый» и одинокий, на пенсию вышел рано, потому что имею «северный» стаж. Пенсия у меня не большая, но и не маленькая, по российским меркам, кое-какие сбережения есть, так что я не бедствую, да и дети иногда помогают. Дочь туристическую путёвку подарила — сначала поездка в Таиланд, а потом морское путешествие на удаленный остров. Конечно, и она бы не смогла полную стоимость заплатить, но туристический сезон в Юго-Восточной Азии тогда ещё не начался и скидки были «очень серьезные». Да и после очередной пандемии не то птичьего гриппа, не то «коровьева бешенства» меньше стало туристов из Европы и США. А «эпоха ковида» с полным прекращением туристических потоков тогда еще не наступила...

В общем, можно сказать, что живу в своё удовольствие, иногда путешествуя за рубежами России. А ещё — после выхода на пенсию — поучиться решил на старости лет и поступил в аспирантуру по философии. Понятно, что учение философское уже не создам, школу научную не организую, но серьёзное обучение как средство от старческого маразма вполне приемлемо. Все же лучше, чем кроссворды разгадывать или в домино с другими старичками играть.

Путешествие моё началось в Бангкоке, самое сильное впечатление произвела статуя лежащего Будды в храме Ват Пхо. Длина Будды 46 метров, а высота — 15! Вся покрыта сверху настоящим золотом, а глаза и ступни покрыты перламутром. Зрелище! Иногда я серьёзно подумываю, что в недавнем прошлом на Земле процветала иная цивилизация, а мы лишь являемся её случайными и нерадивыми наследниками. Но даже там, глядя на огромную статую Будды, я так и не понял глубинного смысла его фразы: «Желания есть источник боли».

Потом была поездка на реку Квай. На этой речке я и познакомился с супружеской парой — Аллой Петровной и Николаем Владимировичем Сидоровыми, а также с Александром Александровичем Петровым. В ресторане на реке Квай мы сидели за одним столиком. А уж затем вместе попали на одинокий остров в тропическом море. Туда нас на туристической яхте забросили на неделю. Но так уж получилось, что не все живыми в Россию вернулись с того острова.

Но я опять забегаю вперёд. Сначала про «Рай на реке Квай». В глубокой юности читал роман «Мост через реку Квай», всё забыл, кроме названия, — а когда рекламу увидел про путешествие, то и название заново вспомнилось. Одним словом — поехал. Исторический мост через реку Квай меня очень разочаровал — мостик, а не мост. Может быть, мои взгляды испортили мосты через великие сибирские реки? Но на том мостике вдруг в мыслях проявились слова: «А может, не того полковника зарезали»? Наверное, какое-то отношение к роману они имели, иначе откуда такие ассоциации?

«Рай на реке Квай» — этот хваленый рекламой отель — несколько деревянных домиков на воде и на берегу и ресторан — на понтонах, покрытых досками. Ресторан небольшой — пара десятков столиков. Каждый столик на четверых рассчитан, но можно было и сдвигать их для больших компаний.

Вот там за ужином я и познакомился с Сидоровыми и Сан Санычем Петровым. Сидоровы тоже пенсионеры, но постарше меня на несколько лет. Алла Петровна — дама «с повышенной окружностью талии» и большим количеством косметики на лице. Глядя на неё, я вспомнил когда-то прочитанную фразу: «Для того чтобы похудеть, нужно есть понемногу, но часто». Похоже, что Алла Петровна, пренебрегая первой частью, особо усердно выполняла вторую половину этого правила. Зато Николай был худым, точнее сказать — тощим. Кстати, не раз видел такие супружеские пары... и у меня никогда не было сомнений, кто там «семейный вампир».

Позднее узнал, что в «лихие девяностые» Сидоровы на чём-то сделали «хорошие деньги», потом умело вложили их в коммерческую недвижимость, а сейчас живут на ренту и проценты по банковским вкладам. Не сказать, что очень богатые, но не бедные — это точно. Оказались они людьми «хорошо пьющими» во всех смыслах этого выражения и поэтому иногда слишком разговорчивыми. Я за ужином больше помалкивал, как и остальные мужчины, потому что перебить Аллу Петровну было очень трудно... Ибо она одна бутылку розового мартини за вечер «уговорила» и вещала без перерыва. Поэтому за время ужина я узнал о том, какие у нее снохи-стервы, как она в Париже на выставке кошек была, чем хороши препараты клонидиновой группы для снижения давления, а также о состоянии здоровья близких родственников Аллы Петровны и ее политических взглядах...

А вот Сан Саныч показался мне персонажем более интересным. В 80-х годах прошлого века закончил, по его словам, МГИМО² и отправился на работу во Вьетнам, а потом в Лаос. Да так и застрял на Востоке... Сейчас владеет маленькой туристической фирмой в Бангкоке, организует индивидуальные и мини-групповые туры по Юго-Восточной Азии. Что-то у него

2 МГИМО — Московский государственный институт международных отношений.

сорвалось из ранее запланированного, вот он и взялся за краткий тур для Сидоровых — доход не ахти какой большой, но и лишними деньги не бывают. Хотя в свете последующих событий так и не развеялось у меня впечатление, что у Сан Саныча могли быть и другие мотивы... кроме заработка и отдыха за чужой счет. Может быть, за поездкой на остров еще что-то было? Не знаю — и честно об этом говорю. Как выяснилось в разговоре, Сан Саныч владел английским, немецким, китайский, вьетнамским, тайским языками и еще какими-то местными наречиями. Полиглот!

Я весь вечер потихоньку тянул бокал коктейля — местный ром с ледяной колой, Сан Саныч тоже не злоупотреблял алкоголем, а вот Сидоровы не ограничивали себя. Сан Саныч, глядя на мой полупустой бокал, спросил, почему пренебрегаю местными напитками, уж не болен ли? Я отшутился, сказав, что рядом река и ни к чему мне становиться утопленником раньше положенного срока. Николай захохотал и вспомнил старую фразу о том, что кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Я согласился, но добавил, что иногда пьяному море по колено, но зато лужа — по горло.

После ужина и дополнительного приёма горячительных напитков вспыхнул скандал между Сидоровыми. Впрочем, сначала было всё благопристойно, но алкоголь быстро действовал на супружеские мозги. Повод для вспышки Аллы Петровны был чисто символическим — Николай рассказал анекдот о просьбе мужика колдуну — снять старое заклятие. «Как звучало заклятие?» — спросил колдун. «Объявляю вас мужем и женой», — ответил мужик. Тут Алла Петровна, злобно глядя на мужа, и разразилась... как писали раньше в милицейских протоколах, «грубой нецензурной бранью».

Воспользовавшись ссорой супругов, я попрощался и, сославшись на усталость, пошёл спать. А отдыхающий народ,

наверное, еще до двух часов ночи колобродил в ресторане. Можете себе представить, как громко и трогательно над рекой Квай звучали слова из старой песни: «Зачем он к нам в колхоз приехал, зачем нарушил мой покой...»? И только хлынувший ночью тропический ливень разогнал туристов по домикам. Выражение «Дождь лил как из ведра» ничего бы не преувеличило.

Впрочем, несмотря на все это, отдохнул я хорошо и встал на рассвете. Остальная туристическая публика ещё не поднялась. Я сидел на понтоне, смотрел на речной туман и слушал щебетание птиц. Тишина и покой... хоть медитацией занимайся.

— Рано Вы что-то поднялись, — раздался рядом голос Сан Саныча, — не возражаете, если я рядом присяду.

— Да ради Бога, места тут всем хватит, — ответил я.

— Что-то я вчера даже не успел как следует с Вами познакомиться... А ведь нам ещё на остров вместе ехать.

Мы посмотрели друг на друга, вспомнили повышенную разговорчивость Аллы Петровны и оба усмехнулись.

— Одно понял, что Вы тоже пенсионер, хотя и молодо выглядите. Как удалось так хорошо сохраниться?

— Северный климат останавливает процесс старения... да к тому же я ни алкоголем, ни работой не злоупотреблял.

— А кем работали на Севере? Нефтяник или газовик? Вообще — по профессии Вы кто?

— Увы — «на трубе не сидел» — я усмехнулся. — Не все на Севере нефть и газ добывают. Последние годы — чиновник среднего регионального уровня, а до того чем только не занимался, включая микробизнес. Когда-то — после школы — на заводе слесарем работал и даже на помощника комбайнера учился, но ничего не пригодилось... Да не интересно это всё, лучше расскажите, чем сегодня туристы будут заниматься? Вы ведь здесь не первый раз...

Сан Саныч махнул рукой:

— И не десятый, и даже не двадцатый. После завтрака поедем к горным целебным источникам, по дороге завернём в одну тайскую аптеку. Потом — оздоровительное купание в радоновых бассейнах, затем — сплав на плотах или в спасательных жилетах до этого отеля. И отдых до вечера, а потом возвращаемся на побережье.

— Сплав в жилетах — это как?

Сан Саныч улыбнулся:

— А это проще простого: надуваете жилет, прыгаете в воду и течение реки несет вас к ресторану. Все абсолютно безопасно, но услуга на всякий случай идет на двух плотах — впереди и позади группы сплавляющихся.

— Понятно, спасибо за разъяснение.

— Не за что. На морском побережье могу ночную рыбалку организовать.

— Благодарю. Я не рыбак и не охотник.

— А что так?

— «Когда срываешь былинку, вздрагивает вся Вселенная», — ответил я.

Сан Саныч с уважением посмотрел на меня. Намек он понял, но, видно, редко российские туристы цитируют «Упанишады»³.

— Ладно, пойду побреюсь перед завтраком, — сказал Сан Саныч и удалился.

Оставшись один, я немного повспоминал разговоры за вчерашним ужином, сделал телефоном пару пейзажных фотографий и вернулся в свой домик для утренних процедур.

Добрые отношения с Сан Санычем в то же утро укрепились в тайской аптеке. У входа стоял большой круглый стеклянный

³ Упанишады — древнеиндийские трактаты религиозно-философского характера, которые подытоживают учения отдельных глав четырёх Вед и обычно встречаются в завершающих частях брахман и араньяк. Являются дополнением Вед и относятся к священным писаниям индуизма. Многие упанишады сохранились до наших дней.

аквариум с коричневой жидкостью, а на дне лежали какие-то ветки, корешки и даже маленькие деревянные бруски. Сан Саныч объяснил, что это знаменитый настой из семидесяти семи лечебных трав на крепком алкоголе и что каждый может попробовать его бесплатно. Помощница аптекаря, миловидная таечка лет двадцати, в коротком белом халатике, с кукольным личиком и красивыми ножками, поварёшкой наливала настойку каждому желающему. В одноразовый пластиковый стаканчик входило не много — грамм по тридцать или чуть больше. Одновременно Сан Саныч рекламировал чудодейственные свойства настойки, которой можно лечить чуть ли не сто болезней.

Потом, пока мужики рассматривали аптеку, а дамы выбирали бальзамы, масла и прочие лосьоны, обеспечивающие «вечную молодость» кожи лица, груди и внутренней поверхности бёдер, Сан Саныч подошёл ко мне.

— Может быть, ещё по стаканчику? У меня тут есть «халявные порции», но я злоупотреблять не могу — работа, а Вы-то на отдыхе. Рекомендую купить несколько пакетов травяного сбора — дома на трёх или пяти литрах водки можно каждый пакет настоять и пару раз в день по 50 грамм употреблять. Мощное иммуностимулирующее средство.

— Не откажусь, вкус приятный, — приветливо ответил я. Действительно — таки на отдыхе я или как?

Сан Саныч, видимо на тайском языке, переговорил с помощницей аптекаря, и она принесла нам два стаканчика, ему — со стандартной порцией, а мне — в большом — грамм сто или около того. Я глянул на улыбающуюся помощницу и на Сан Саныча, посмотрел на свою дозу и уточнил:

— Может, заплатить надо? А то разорю аптеку с такой дегустацией.

— Угощаю, — засмеялся Сан Саныч, — у меня этих доз тут

столько за сезон накопилось, что всю группу могу снабдить, да бизнес аптечный не хочу портить. Хозяин — мой давний знакомец, иногда делает мне настойку на очень редких лечебных травах. Женьшень⁴ по сравнению с ними — как баночное пиво против коллекционного коньяка. Ну, давайте выпьем да и на ты перейдем.

Чтобы закончить рассказ о тайской аптеке, скажу, что я купил три пакета этого чуда-сбора из семидесяти семи трав и перед выходом получил ещё грамм пятьдесят или шестьдесят настойки. Сан Саныч пояснил, что это моя «премия» от аптекаря за покупку целебного сбора, и пошёл к супругам Сидоровым, которые уже нетерпеливо махали ему с крыльца. В результате употребления очередной порции мне стало «совсем хорошо и бодро».

Вы, конечно, можете спросить, к чему все эти подробности и имеют ли они отношение к гибели наших туристов на том проклятом острове? Не могу однозначно сказать, что имело или не имело отношения к убийствам и смертям, но, размышляя над поведением Сан Саныча на острове, я вспоминал всё: и наши разговоры на реке Квай, и употребление настойки в горной аптеке, беседы на самые разные темы в туристическом автобусе. Может быть, зря я ему тогда свой псевдоним сказал? Уточняю, что псевдоним не агентурный, а литературный. Нет у меня агентурных псевдонимов...

Кто знает, как могла бы сложиться ситуация на острове, если бы не знакомство Сан Саныча с моим литературным творчеством, отражающим некоторые аспекты личности автора? «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» — хорошо сказал великий российский поэт и геополитик. Я его часто цитирую.

По дороге на лечебные источники Сидоровы, сидевшие в

⁴ Женьшень («Корень жизни») — лекарственное растение семейства аралиевых, растет в Северной Америке, Японии, Китае, России, Корее и Вьетнаме). Считается, что препараты на его основе продлевают жизнь и молодость организма.

автобусе впереди нас, ссорились из-за аптечных покупок Аллы Петровны, а мы с Сан Санычем разговаривали об истории российско-тайских отношений и об истории вообще, а также о литературе. Тогда-то я ему и сказал, что пишу рассказы под псевдонимом, а иногда даже публикую их.

Купание в радоновых источниках, посещение водопада и сплав в спасательных жилетах по реке Квай хорошо описаны в туристических буклетах. Поэтому всех интересующихся отправляю к бумажным и электронным справочникам, поскольку к нашей истории это уже точно не имеет никакого отношения.

На следующий день после возвращения с реки Квай, рано утром, мы встретились в морском порту Паттайя⁵, чтобы на яхте отправиться в морское путешествие к острову. Когда я приехал, Сан Саныч и Сидоровы стояли на причале. Мы уже были «группой» и держались вместе. Там же было ещё несколько человек — по внешнему виду «наших». Наверное, со мной многие согласятся — российских туристов за рубежом так же легко узнать, как раньше узнавали советских.

⁵ Паттайя! — курортный город на юго-востоке Таиланда. Расположен на восточном побережье Сиамского залива, примерно в 165 км к юго-востоку от Бангкока.

Глава вторая

Утро первого дня.

Морское путешествие на маленькой яхте

*Вот целый год мечтаешь о море,
а потом приезжаешь, смотришь на него
и не знаешь, как оно всё поместится в сердце.*

Мэрил Стрип

Ещё утром на причале я начал присматриваться к тем, кто вместе с нами должен был отправиться на остров. Моторная яхта была небольшой, но и пассажиров было не много. Пока собирались попутчики, к нам подошла продавщица шляп, солнечных очков и прочих мелких предметов для отдыхающих. Многие, наверное, знают этот тип разносчиков — голова и шея укутаны платками в яркую красно-белую клетку, две корзины, плетёные из молодого бамбука, висят на бамбуковом же шесте. Я купил себе большую оранжевую шляпу типа «сомбреро» — пригодится на острове. Голову надо беречь не только от перепоя, но и от перегрева.

Если бы кто-то в этот момент посмотрел на меня со стороны, то увидел бы пожилого «джентльмена» (мне реально — слегка за шестьдесят, но, когда побрит, выгляжу моложе), рост 167, вес — «хорошо за семьдесят» — с животом, который ещё можно втягивать перед моментом фотографирования. Усы седые, голова с короткими волосами, признаков облысения на темени не видно. И, конечно, очки на носу, потому что с детства плохое зрение. Когда я их снимаю — видны не загоревшие участки кожи под глазами. Не красавец и не урод, совершенно заурядная внешность. С юности был таким. Из сегодняшних достоинств можно назвать только отсутствие морщин на животе, наплевательское отношение к своей внешности и к модным прикидам.

Это совершенно не означает, что я не моюсь, не стригусь, не бреюсь и одеваюсь в тряпье. Просто не задумываюсь над каждой морщиной «на морде своего лица» или лишним килограммом веса. Меня вполне устраивают джинсы и футболка, после того как сорок лет носил светлые сорочки с галстуками тёмных расцветок и костюмы консервативного кроя.

Несколько слов о том, что не определяется по внешности. Я могу неплохо говорить, но ещё лучше умею слушать. Вслушиваюсь в сказанное и в несказанное. Часто легко могу отличить правду от лжи, но бывают и ошибки... Согласен с мнением, высказанным одним современным российским фантастом: «Возраст не в теле, он где-то на глубине души». Где-то там — на «Линии грез».

С молодости часто видел чужие страдания, но не всегда их чувствовал, а часто — даже не делал вид, что сочувствую. И сам причинял страдания, но не по злобному умыслу, а по необходимости... и «так складывались обстоятельства».

Что еще? Я пытаюсь отделить реальность от иллюзий, истинное от ложного. И в этих попытках многое «вижу насквозь и на полметра глубже». Но иногда не замечаю очевидного. И тогда только один шаг отделяет от очень серьезных ошибок. Как говорится, интуиция сбила его с правильного пути.

Впрочем, о своих ошибках я уже говорил. Пожалуй что, для первого знакомства информации хватит.

Моё внимание привлекла красивая молодая девушка, на вид лет 25-30, с копной тёмно-русых волос и красивым ровным загаром. Сан Саныч мгновенно познакомился с ней и через минуту представил нас друг другу. Звали её Ольгой. Белые шорты прекрасно смотрелись на стройных ногах, а под бежевой кофточкой угадывалась хорошо развитая грудь. Чем она меня привлекла? Очень была похожа на молодую Жаклин Кеннеди — а мне всегда такой тип женщин нравился. Сейчас не многие

помнят, что «Джеки» была эталоном стиля и женственности, гордостью американской нации, на которую равнялись женщины 60-х годов XX века. Современники Жаклин Кеннеди писали, что даже цветные фотографии и киноплёнки не передавали полностью обаяние этой женщины.

А-а-а... да что уж тут скрывать — и «Джеки», и Ольга были похожи на мою первую юношескую любовь... вот поэтому я сразу и обратил на нее внимание. Глядел и словно возвращался в свою юность. Ольга посмотрела на меня совершенно равнодушно и вежливо улыбнулась с почти «американским оscalом». На том берегу Атлантики у англосаксов это тоже обозначает улыбку.

Второй попутчицей оказалась Инна, маленькая хрупкая женщина лет сорока или сорока пяти, бледная, с рыжеватыми волосами, одетая в блекло-синий брючный костюм. Симпатичная? Может быть, но не в моём вкусе. Кроме того, её суетливость, раздражительность и «недовольство всем на белом свете» производили не очень благоприятное впечатление. Инна всем быстро и навязчиво рассказала, что её муж — «очень богатый красноярский бизнесмен», сам выехать на отдых не смог — «важные переговоры с китайцами». Но у меня сразу родилось подозрение, что муж отправил жену на остров, чтобы самому пару недель передохнуть в одиночестве. Разговоры после знакомства Инна начала с вопросов, кто сколько отдал за отдых на острове, и очень расстроилась, когда узнала, что кто-то заплатил за тур меньше, чем она.

Уже в баре на яхте Алла Петровна, «добрая душа», оживившаяся после второго или третьего стаканчика рома с колой, посоветовала Инне сразу после возвращения в Красноярск «разобраться» с продавцом тура.

— Я бы им всем такое устроила, — сварливо и агрессивно вещала Алла Петровна...

Но Инна не собиралась для разборок с турагентством ждать

возвращения — она заявила, что как только доберётся до острова, то сразу позвонит и «всем покажет»...

Мысленно я сразу же решил подальше держаться и от Аллы Петровны, и от Инны. Такие женщины отдых могут испортить любому, даже не намереваясь это делать специально. Третьей была Бажена — чрезвычайно худая крашеная блондинка в красной футболке и синих джинсах. Именно из-за худобы тогда я не смог определить её возраст. Она оценивающе осмотрела всех мужчин на причале и лишь потом перенесла внимание на женщин. «Список целей в голове формирует», — неприязненно подумал я. В прежние годы на отдыхе я уже сталкивался с таким типажом.

Перед нами на трап яхты поднялся крепкий мужчина, на вид лет сорока и ростом выше 170 см. Одет был в джинсовые брюки и в тенниску с коротким рукавом, открывающую очень развитую мускулатуру рук. Крепыш, однако... Короткие волосы модной стрижки придавали ему шарм. Тип — «мачо», сформулировал я свое первое впечатление. Ольга, по-прежнему стоявшая рядом с Сан Санычем, посмотрела на него с явной заинтересованностью. Сан Саныч тоже перехватил этот взгляд.

«Спортсмен? — мелькнула у меня мысль. — И если да, то какой вид спорта? На штангиста, борца или боксёра не очень похож. Может быть, биатлонист?» Спокойный и молчаливый, с офицерской выправкой. Такие нравятся женщинам, которые нуждаются в «крепком мужском плече». Через час — уже на яхте — мы познакомимся, его звали Виктор.

Ещё двое попутчиков не явились к отплытию, по телефону Сан Санычу связаться с ними не удалось, и капитан, прождав час, отдал команду на отплытие. Мне показалось, что никто из пассажиров этой задержки не заметил, потому что, осмотрев свои каюты, все устремились в бар.

На выходе из порта, когда ещё была доступна сотовая связь, я

стал невольным свидетелем телефонного разговора «крепыша» Виктора. Он меня не видел из-за рубки, но слышимость была очень хорошей и даже слова собеседника Виктора на том конце радиоволны я вполне разобрал:

— Может быть, никто не приедет... отдыхай...

— Как не приедет? — спросил Виктор. — А я-то тогда там зачем? Яхта уже отошла, её не развернуть.

— Отдыхай и всё же попробуй что-нибудь узнать. Есть другая информация...

— Подожди, — сказал Виктор, — наушники подключу.

Продолжения разговора я уже не слышал. Море открывалось передо мной во всей безбрежности, от которой у меня — обычного городского жителя северных равнин — захватывало дух, вызывая восторг приключений. Это, как много лет назад, кружило голову, как первая юношеская любовь. Легкие волны накатывали на нос убыстряющей ход яхты, а блики южного солнца отражались на всех блестящих деталях нашего маленького кораблика.

После того как порт и город скрылись из глаз, я тоже спустился в судовой бар. Там собрались все, кроме Ольги, и уже взялись за алкоголь. Супруги Сидоровы опять пили ром со льдом, Сан Саныч и Виктор с видимым удовольствием тянули какое-то светлое пиво. Оба сидели лицом к дверям бара, а за спинами — глухая перегородка. «Случайность? — подумал я. — Или привычка контролировать вход? Бывают люди, которые всегда умело выбирают себе нужные места, даже если перед этим они были заняты.

Инна сидела с бокалом апельсинового сока, а Бажена — с каким-то сложным разноцветным коктейлем, украшенным ломтиком неизвестного мне фрукта. Своим приходом я прервал рассказ Сан Саныча.

— Что будете пить, сэр? — обратился ко мне судовой бармен

с ярко выраженной азиатской внешностью. Чтобы понять эту фразу, хватило даже моих скудных познаний в английском.

— Красное сухое есть? — спросил я тоже на английском.

В ответ бармен произнёс длинную речь, в которой я сначала различал названия разных стран — Франция, Италия, Германия, а потом совсем запутался.

— Сан Саныч, помоги, — воззвал я к нашему полиглоту, — моих познаний уже не хватает, объясни маэстро, что мне нужен «Медок» из Бордо. А если нет — уточни, пожалуйста, есть ли далатские вина.

— Да я смотрю, у тебя губа не дура, — засмеялся Сан Саныч, — не каждый про далатские вина знает⁶.

Но «Медок» на борту был, и вскоре я держал в руке достаточно вместительный бокал, наполненный на две трети.

— Извините, что прервал вашу беседу. Если не секрет — о чём шла речь?

— Сан Саныч рассказал об острове, на котором мы будем отдыхать, — ответила Алла Петровна.

— Да, — подтвердил Сан Саныч, — на остров взглянуть будет интересно. О нём сейчас много пишут и говорят. Раньше это была частная закрытая резиденция какого-то гонконгского финансового магната — забыл, как его звали. А после его внезапной и насильственной смерти резиденция была продана наследниками известной международной сети, и там сделали престижный отель. Сам остров арендован на 49 лет. Российские туристы едут туда второй или третий сезон, и все довольны. И это несмотря на отдалённость острова от побережья — морем идти около шести или семи часов, в зависимости от скорости судна, от силы ветра и степени волнения на море. Впрочем, через несколько часов всё сами увидите.

⁶ Традиции вьетнамского виноделия были заложены в Индокитае ещё французами. Далатские вина — гордость провинции Далат и всего Вьетнама. Производятся по французским и итальянским технологиям на центрально-вьетнамском плато Тайнуэн.

Затем начались общие воспоминания, кто где бывал и отдыхал, какой был сервис и особенности экзотики — обычные разговоры бывалых туристов. Алкоголь быстро развязал языки, и лишь Виктор был сдержан, да я предпочитал больше молчать, хотя мог бы многое рассказать о своих путешествиях в пятнадцать зарубежных стран.

Слушая и незаметно приглядываясь к сидящим за столом, я пытался составить первое впечатление и позднее сравнить — угадал характеры людей или нет. Нормальное поведение нормального литератора — вдруг что-то из наблюдений когда-нибудь в творчестве пригодится.

К моему сожалению, Ольга в баре так и не появилась. Может быть, она постояла на корме, а потом ушла в свою каюту? А жаль — посмотреть на красивых женщин в моём возрасте — это уже удовольствие.

Яхта быстро шла по волнам южного моря к далекому и, как оказалось позднее, смертельно опасному острову.

Глава третья Полдень первого дня. Тридцать секунд для первого впечатления

*Женщину мало смущает то, что у неё нет
некоторых высоких понятий, что она пуглива и
не предназначена для важных дел;
она прекрасна и пленяет — этого достаточно.*

Иммануил Кант

Сначала несколько слов скажу об острове, на котором нам предстояло провести неделю отдыха. Он представлял из себя торчащую из моря довольно большую одинокую гряду с несколькими вершинами. Внизу по окружности острова была узкая полоска пляжа с крупным песком. Широкий причал (или правильно его надо называть пирс?) на вбитых в дно бетонных сваях уходил в море метров на двадцать. С одной стороны к пирсу были пришвартованы небольшой катер, пара вместительных весельных лодок, желтый катамаран и три гидромотоцикла неизвестной мне марки. С другой стороны к пирсу причаливали яхты и большие катера. Неподальку от пирса, у подножия скалы, был оборудован большой стеклянный лифт, ведущий на вершину, и там же начиналась лестница, вырубленная в скале и ограждённая стальными тросами. Она несколькими пролётами подымалась к отелю и почти огибала скалу.

Отель был расположен на двух уровнях. На нижнем — в середине острова среди выступов скал — была терраса и большой бассейн с морской водой, которая закачивалась мощными насосами. Рядом с бассейном — несколько тентов и шезлонги, а также маленькая открытая спортивная площадка, теннисный корт, обнесённый зелёной пластиковой сеткой, и тренажёрный зал, вырубленный в скале. Второй бассейн — с пресной водой — располагался за скалой в нескольких метрах от дорожки,

ведущей к жилым помещениям обслуживающего персонала. Рядом с ним — с десяток шезлонгов и столиков, полукругом были высажены в кадках большие пальмы. Красивое место, но его было видно не со всех сторон.

Наверху, на южной стороне, были построены 16 жилых апартаментов (или правильно назвать их бунгало?). Это были отдельные одноэтажные домики, стоящие друг от друга метрах в трёх или четырёх. Между домиками был посажен кустарник и разбиты небольшие цветочные клумбы. Апартаменты полукругом охватывали третий бассейн, который тоже наполнялся пресной дождевой водой. Домики были соединены между собой широкой крытой галереей, которая заканчивалась у входа в ресторан. От него другая крытая галерея уходила к пяти роскошным двухэтажным виллам (каждая со своим большим бассейном), стоявшим друг от друга примерно в десяти метрах. При тропических дождях крыша над дорожками нужна обязательно.

У меня сложилось впечатление, что раньше — ещё когда островом владел убиенный позднее гонконгский финансист — здесь жила часть охраны и лица, сопровождавшие почётных гостей молодого хозяина. А те, без сомнения, располагались в виллах. И, если я правильно понял, стоимость проживания там была не по карману никому из нашей тёплой компании.

В закрытом одноэтажном ресторане с большими окнами могли свободно разместиться человек сорок или пятьдесят. Между рестораном и бассейном был расположен открытый бар под черепичным навесом, стояло пять или шесть деревянных столиков на резных ножках. Возле бассейна размещались передвижные зонты и шезлонги, а далее, метрах в тридцати от них, была устроена небольшая танцевальная площадка со сценой. Как потом объяснил управляющий отелем, перед ней — в случае необходимости — ставили лёгкие кресла в нужном количестве.

На западной стороне острова, под прикрытием одной из вершин, над высоким скальным обрывом, были оборудованы две большие ванны (или два маленьких бассейна?) с сидениями и лежаками — для медитации на уходящее солнце. Все хозяйственные постройки и жилые помещения для персонала находились на более высокой северной стороне острова, но и они были прикрыты скалами. Со стороны отеля их было почти не видно, за исключением мачты ветроэлектростанции и отдельно стоящей вышки связи. Там же, в углублении скалы, был огромный резервуар для дождевой воды. Позднее я узнал, что во время тропических ливней, когда резервуар переполнялся, лишняя вода сбрасывалась в море через расщелину в скале, и получался довольно красивый, хотя и маленький водопад.

Вообще, мне показалось, что выдающийся архитектор все постройки спроектировал с большим искусством, учитывая природный рельеф и предусмотрев посадку разнообразных зелёных насаждений, включая пальмы и какие-то хвойные породы. За несколько лет их корневая система, засыпанная грунтом, укрепилась в расщелинах скал, и деревья выдерживали сильные ветра. Всё было сделано очень качественно, и постройкам не страшны были тайфуны, которые часто бушуют в этих широтах.

Да, чуть не забыл — на острове кроме электрического освещения, питаемого за счёт солнечных батарей и ветроэлектростанции, было множество самых современных светодиодных фонарей. Они были размещены на лестнице, ведущей от пирса к отелю, на деревьях и беседках, на крышах и балконах домов и вдоль галереи, ведущей к ресторану. Всё ограждение на скале возле отеля и внизу на террасе было буквально утыкано различными светильниками. Они же были вмонтированы в дно бассейнов и окружали их по бортам. Светодиодные светильники были везде — проблем с освещением территории на острове не было.

Домики для туристов были почти все одинаковые по размерам и планировке и отличались только внутренним оформлением. Знаю это, потому что позднее заходил в некоторые. Они имели по два входа — один с торца домика в небольшую прихожую. Из неё дверь вела в довольно большую комнату — метров тридцать или чуть больше. Справа у одной стены было смонтировано большое гардеробное отделение с раздвигающимися дверцами, а рядом за отдельными панелями были спрятаны небольшой переносной сейф, холодильник и бар, а также откидывающаяся полка для ноутбука и принтера. Слева, у другой стены, стояла огромная кровать, с двумя небольшими прикроватными тумбами, а над ними — бра в восточном стиле. Третья стена была, по сути, одним большим окном с дверью, выходящей на балкон, с которого открывался вид на бассейн. Возле этой стены стоял письменный стол и небольшое крутящееся кресло. При необходимости вся стена закрывалась большой и плотной тёмно-коричневой шторой.

В середине моей комнаты стояли стеклянный журнальный столик овальной формы и три низких мягких кресла. На потолке висела большая, но соизмеримая с размерами комнаты, хрустальная люстра, а на полу лежал толстый мягкий ковёр с цветочным орнаментом и восточной расцветкой. Стены были украшены зеркалами в резных рамах и деревянными панно. Определить происхождение резьбы по дереву я бы не взялся. Возможно, Китай или Таиланд... Но однозначно — Юго-Восточная Азия. Несмотря на смесь европейской мебели с азиатским оформлением, интерьер не вызывал раздражения. На письменном столе стояли два подсвечника из нефрита и золоченой бронзы. Глянув на них, я мысленно, но ехидно, сделал пометку — «в стиле позднего Фаберже».

В ванной комнате площадью пятнадцать-шестнадцать квадратных метров размещалось вполне современное

оборудование: большая душевая кабина, ванна, унитаз, биде, умывальник, туалетный столик, открытая тумбочка с набором полотенец и разных салфеток, зеркала, светильники, фены.

Теперь вы вполне можете представить, на какой «сцене» разворачивались драмы и трагедия... точнее сказать, несколько трагедий.

Когда лифт поднял нас с берега на вершину, перед рестораном мы увидели отельную прислугу, выстроившуюся в ряд: официанты, повара, горничные, портье, бармен и прочие, и прочие, обязанности которых я не знал. Все были одеты в фирменную одежду красноватого цвета с желтыми вставками. Впереди стоял управляющий — молодой вьетнамец, одетый в легкий светло-голубой костюм европейского покроя. Он приветствовал нас на очень хорошем русском языке. То, что русский не был ему родным, выдавала только мягкость и мелодичность произношения. Управляющий сообщил, что его зовут Данг Минь Ван и что многим тяжело запоминать и произносить это имя, поэтому он не обижается, если русские его зовут Иван, Ван, а также Ваню, а французы — Жан.

«Ну да, ну да, как же, — я мысленно два раза хлопнул в ладоши. — Конечно, именно русские и называли тебя Ваню. Наверняка тут побывал до нас какой-нибудь грузинский мини-олигарх».

Между тем, Ван ещё раз напомнил, что нам и так было хорошо известно — режим «всё включено», нет никаких ограничений на питание и напитки, выбор которых очень богатый. Тайский массаж и другие услуги тоже были бесплатными. «Ещё один филиал Рая», — я хмыкнул молча и, поправив очки, стал с любопытством оглядываться.

Управляющий представил каждого сотрудника, начиная с шеф-повара, сообщив, как его зовут и чем он занимается, но я тут же забыл все экзотические восточные имена. Обслуживающий

персонал, по знаку Вана, склонил головы в традиционных азиатских поклонах и разошёлся.

Возле открытого бара за столиками сидели те, кто покидал отель на прибывшей яхте. Матросы, переносившие наш багаж, забрали их вещи и отправились к лифту, а мы немного поболтали с отъезжающими о том, какой здесь отдых и что интересного. Я обратил внимание на очень симпатичную и ухоженную женщину лет сорока на вид. Она о чём-то спросила капитана. Тот в ответ отрицательно покачал головой и ответил короткой фразой. Повернувшись к бару, я заметил, за этой сценой из-под навеса наблюдал и Виктор. Второй раз она же привлекла мое внимание вскользь брошенной фразой: «У нас тут пятьдесят оттенков солнечного цвета». «Оригинально, — подумал, — есть в этой фразе дополнительные смыслы».

Через полчаса яхта ушла. Она должна была за нами вернуться через неделю. Мы помахали «во след» и пошли в свои домики, поскольку все формальности с паспортами не требовали нашего участия и уже были закончены, а вещи перенесены. Тут-то и выяснилось, что не все из предыдущего заезда отправились вместе с яхтой. На острове осталась привлекательная женщина, на которую я уже обратил внимание, когда она разговаривала с капитаном яхты, и молодой паренек из «бывших до нас».

Перед обедом все собрались у бара возле бассейна — побаловаться аперитивчиком. Выбор напитков был действительно великолепным. Бармен (он же — один из официантов), молодой, невысокий и довольно шуплый на вид вьетнамец, легко болтал на английском и французском языках и даже знал несколько слов на русском: водка, ром, вино, текила, коньяк, пиво, шампанское, коктейль и «давай ещё по одной».

Сан Саныч, как опытный массовик-затейник из профсоюзных санаториев былых времён, взял на себя дополнительную организацию всеобщего знакомства. Он предложил

присутствующим в течение 30 секунд рассказать о себе. Схема представления была простой — имя и фамилия, страна и город, из которого человек прибыл, род занятий или профессия... ну и всё остальное — по желанию человека.

— Бейджиков у нас тут нет, рано или поздно за неделю все, конечно, перезнакомятся, но этот метод позволяет быстрее сплотить «команду» отдыхающих, — широко улыбнувшись, закончил своё выступление Сан Саныч. Послышались голоса одобрения, а я, не надеясь на память, незаметно включил на телефоне записывающее устройство. Вот эта аудиозапись и позволяет мне теперь почти дословно воспроизвести самопредставление наших туристов. Про Сан Саныча уже рассказывал, поэтому не буду повторяться, хотя он, для примера, выступил первым и уложился в 29 секунд. Я специально засёк время.

За Сидоровых выступала Алла Петровна. Он сообщила, что супруги живут в Тюмени, раньше занимались бизнесом, а сейчас на пенсии. Их цель — отдых, массаж и другие оздоровительные процедуры, способствующие снижению веса. При этих словах несколько взглядов скрестились на Николае, который, как я уже упоминал, был довольно худым, если не употреблять слово «тощий». У некоторых на лицах промелькнули слабые улыбки. Николай о себе добавил немного, хотя говорил так энергично, что расплескал виски из бокала себе на брюки. Видимо, сказывалось выпитое на яхте... Мы услышали, что когда-то он трудился инженером на заводе, потом заведовал кафедрой, и что любит рыбалку. У Сидоровых на представление ушло больше двух минут.

Ольга сообщила, что её фамилия Крутова, живет в Москве, раньше работала в крупном банке, недавно очень сильно переболела гриппом и пневмонией и сейчас должна восстановить здоровье на морских курортах в тёплых водах. Это — её основная задача, а всё остальное — как получится.

«Молодец, — подумал я, дослушав речь Ольги, — кратко и по сути. Интересно — она на свои деньги приехала? Или спонсоры есть?»

Виктор Косов, тоже очень кратко, я бы сказал, по-военному, доложил, что ему сорока еще нет и что сейчас он владелец и директор екатеринбургского агентства маркетинговых исследований. Все женщины с интересом взглянули на Виктора, и это отметил не только я, но и Сан Саныч.

Инна Старикова в полминуты отведённого времени, конечно, не уложились, поскольку начала рассказывать, какой большой бизнес у них с мужем в Красноярске и по всей Сибири и что скоро начнётся развитие в Китае, вот тогда все конкуренты слезами умоются... Что сама она ведёт здоровый образ жизни, алкоголь, никотин, наркотики, сахар и мясо не употребляет, ибо «это варварство — в современных условиях убивать животных ради пропитания»...

Скука читалась на лицах присутствующих, видно, многим был знаком такой тип жены бизнесмена и вегетарианки. Некоторое оживление мелькнуло лишь тогда, когда Инна с загадочным видом сказала, что она любит стихи, пишет экспериментальную прозу и готова как-нибудь выступить на своём творческом вечере, если её попросят.

«Спаси и сохрани, — мелькнуло у меня в голове, — и меня, и вечер». Ведь с острова не сбежать. Хотя можно крепко выпить и уснуть. В этот момент Сан Саныч предложил сегодня же вечером и устроить «встречу с поэзией», на которой каждый из присутствующих прочитает одно или несколько стихотворений. Народ ответил недружными возгласами согласия. Я промолчал, но тут появились новые мысли.

«А что... неплохо для продолжения знакомства, — подумалось мне. — «Скажи мне, какие ты любишь стихи, и я скажу кто ты»».

Бажена Бубей, худая, как узник концлагеря или модная фотомодель, манерно поведала, что она по специальности социолог и после окончания университета работает в правительстве.

Тут возле барной стойки хлопнула пробка от шампанского, и я не расслышал название области — то ли Самарской, то ли Саратовской, — где работала Бажена. Сейчас в каждой области — «своё правительство» и «свой парламент», а также — «белый дом». Слава Богу, что хоть пока нет своих «капитолиев» и «ватиканов». Впрочем, это совершенно неважно для моего рассказа.

Потом с улыбкой, которую сама Бажена, наверное, считала «томной», а я бы квалифицировал как блядскую, поведала нам, что она не замужем и что ей нравятся мужчины, которые старше неё.

«Ну, точно, — мысленно хмыкнул я, — составила список мужиков, ранжировала его и вышла на «тропу охоты»». Как говорил один советский сатирик: «В хороший сезон двух-трёх мужей взять можно».

Тут справа мне послышалось тихое, но очень ехидное замечание Ольги: «Пожилых мужчин она любит за то, что у них слабое зрение». Слегка повернув к Ольге голову, я также тихо сказал: «Добрая фея отличается от злой ведьмы только настроением». Она лишь фыркнула в ответ.

Надо ещё упомянуть, что на яхте Бажена не ограничила себя в поглощении алкогольных коктейлей и выпитое сейчас очень сильно сказывалось на её поведении.

Самым молодым в нашей компании был Костик, довольно упитанный юноша на вид лет двадцати, известивший, что он студент и учится в Питере на факультете рекламы и связей с общественностью, любит хип-хоп и электронную музыку, а также песни Айлиш. Как-то сразу было понятно, что это

сынок богатых родителей — вряд ли у самого студента были деньги на оплату дорогого тура в моря Юго-Восточной Азии, а Костик «гостил» тут уже то ли вторую, то ли третью неделю. Мне показалось, что для парня, которому исполнилось двадцать лет, имя «Костик» звучит уж как-то сильно по-детски. Можно было бы назваться Константином или хотя бы Костей. «Что ты придираешься к парню, — мысленно одёрнул я себя, — меряешь по своим годам... Это тебя в его возрасте уже называли Олегом Петровичем». И вдруг мелькнула мысль — а что же Костик, указав факультет, университет-то или институт не назвал?

Когда начала выступать Надежда Владимировна — дама, которая осталась на острове, — мне что-то почудилось и я попробовал разглядеть её лицо получше, но не получилось. Надо сказать, что зрение у меня плохое, а очки были слабые. Я сидел далековато и поэтому лицо Надежды толком не разглядел. Но выслушал её очень внимательно — слух-то у меня до сих пор отличный. Надежда сообщила, что она живет в Москве, много лет занималась журналистикой, пиаром, «и прочее», а сейчас — фрилансер и пишет книгу воспоминаний о встречах с «разными видными фигурами». На остров приехала, чтобы никто и ничто не отвлекали от написания книги.

Для себя я решил, что позднее обязательно надо поближе взглянуть на Надежду — интересно же посмотреть на «свободное копьё» современной отечественной журналистики. И сколько же денег надо зарабатывать фрилансерам, чтобы писать книги на дорогих курортах в тёплых морях? Она, как и Костик, тоже вторую неделю жила на острове. И говор её не был «чиста московским»... Кого же она мне напоминает? Я мысленно прикидывал, с кем из знакомых можно сравнить Надежду?

Дошла очередь и до меня. Свои тридцать секунд я использовал максимально, сообщив, что недавно перешагнул

шестидесятилетний рубеж, на пенсии уже пять лет, дети взрослые, учусь в аспирантуре по философии, потихоньку пишу диссертацию на тему «Аксиологические аспекты хобби и иных форм творческой занятости», люблю книги, красное вино и хороший коньяк. На острове намерен сначала «ничего не делать», а потом как следует «хорошо отдохнуть».

Слова «философия», «аспирантура» и «диссертация» у присутствующих вызвали оживление и усмешки. Инна спросила, не поздно ли учиться после шестидесяти? К таким вопросам я давно был готов и, не задумываясь, уточнил, что и учёбу, и диссертацию рассматриваю как средства торможения будущего старческого слабоумия, сиречь, деменции и маразма, и что это лучшее занятие и времяпрепровождение для старых импотентов.

— И вообще, — добавил я, — определение возраста зависит от позиции — можно сказать, что тебе седьмой десяток идёт, а можно утверждать, что только первая сотня. И все это будет чистой правдой.

В этот момент в дверях ресторана появился шеф-повар и торжественно провозгласил, что обед готов. И он — обед — был великолепен. Отдых начинался прекрасно...

Глава четвертая

День первый. Послеобеденные разговоры с ленинградским вьетнамцем

Как знать, где найдешь золото, а где жабу?

Вьетнамская пословица

*Я всё равно ни о чём не жалею —
хотя бы потому, что это бессмысленно.*

Эльчин Сафарли

Свободным временем после обеда каждый распорядился по своему усмотрению. Одни пошли отдыхать в свои домики, другие — осматривать остров и купаться в море или в бассейне. Сан Саныч, Надежда, Виктор и Ольга собрались покататься на гидромотоциклах. Я постоял с ними на причале, с удовольствием посмотрел на женские фигуры в красивых купальниках и вернулся к отелю.

Возле ресторана встретил Вана и решил выяснить, откуда у него такое хорошее знание русского языка... и вообще познакомиться поближе. Мы присели под навес у бассейна, я попросил бармена принести мне бокал красного сухого.

— Рекомендую Вам попробовать наше знаменитое яблочное вино «тао мео», — сказал Ван. — Оно обладает сладким вкусом с примесью горькости и резкости, как у нас говорят, «ароматом гор». Очень благотворно влияет на сердечно-сосудистую систему.

— Ван, ты говоришь как врач, а не как управляющий отелем, — с удивлением заметил я.

Ван, чуть помедлив, ответил:

— К сожалению, мне не пришлось стать врачом — только три курса закончил в Минском медицинском институте. Потом, как у вас говорят — по семейным обстоятельствам, вынужден был оставить учёбу.

— Ты так хорошо русский язык в Минске выучил? — моё удивление ещё больше возрастало.

— Нет, не там... Я ведь в Ленинграде родился и там же школу закончил. Мой отец учился, а потом и работал в Ленинградском высшем военно-политическом училище противовоздушной обороны имени Ю. В. Андропова — это современное название. Дома... на Родине... он был зенитчиком, воевал с американцами, потом в СССР учиться направили, мама к нему позднее приехала.

Вот это была неожиданность — встретить ленинградского вьетнамца посреди тропического моря.

— Слушай, а сколько же тебе лет?

— Уже больше сорока — я в 1977 году родился.

— Ну тогда понятно, откуда такой прекрасный русский язык — советская школа в Ленинграде! А что потом?

— А потом в СССР началась перестройка, которая закончилась распадом вашей великой страны... Моя семья сначала переехала в Белоруссию, а потом мы вернулись во Вьетнам. Я устроился в туристическую фирму — знание русского языка помогло, потом решил делать карьеру в отельном бизнесе. Закончил бизнес-школу, а недавно — Академию HoReCa⁷. **Были стажировки во Франции и в Великобритании.** Месяц назад руководство фирмы назначило меня сюда управляющим. Если хорошо себя зарекомендую в течение года — перейду на следующую ступень.

— Однако, крутые повороты в твоей судьбе. Но я бы на вид тебе больше тридцати лет и не дал...

— Европейцы, в том числе и русские, часто ошибаются, определяя возраст вьетнамцев и вообще азиатов. У вас другие возрастные понятия. Простите, — сказал Ван с неизменной улыбкой, — мне надо идти — дела требуют моего внимания. Надеюсь, что Вы прекрасно отдохнёте в нашем отеле.

— Да, конечно, иди, — спохватился и я, — бизнес есть бизнес. Но ты меня крепко удивил. Ладно, ещё не раз поговорим — о жизни, бизнесе и отдыхе.

Мы действительно ещё не один раз поговорили с Ваном... но уже о смерти.

⁷ HoReCa — сокращение от первых букв слов Hotel, Restaurant, Café/Catering (отель, ресторан, кафе), в целом — индустрия гостеприимства.

Глава пятая

Вечер первого дня. «Встреча с поэзией» и другие не плотские развлечения

*Не тот поэт, кто врет о многом,
но тот, кто пишет чистым слогом,
умеет здраво рассуждать.*

Янкович де Мириево⁸

*Главный плюс алкоголя — под его воздействием человек
не в состоянии держать маску. Начинает говорить душа...*

Сергей Есенин

Ещё во время обеда Ван всем объявил, что вечером для более тесного знакомства он, как представитель принимающей фирмы, по предложению Сан Саныча, организует коктейль-вечеринку. И когда тот успел договориться с управляющим? Или, зная нравы индустрии гостеприимства, и не сомневался, что так будет? А мы решили совместить её с «вечером поэзии».

После ужина достопочтенная публика собралась возле бара. Учитывая коктейльный вариант вечеринки, эстрадой для поэтического вечера решили не пользоваться — просто официанты, по указанию Вана, столы и стулья полукругом поставили возле бара.

В самом начале я включил диктофон на своем телефоне — любопытно же, кто какие стихи будет читать. Потом внимательно послушаю... Для составления психологических портретов это многое даёт... Так же, как и анализ нарядов и украшений. Поверьте на слово... как литератору. На пристани, во время дневного знакомства за 30 секунд и потом, во время поэтической вечеринки и на танцах, я незаметно присматривался к женщинам, хотя и не делал никаких попыток познакомиться поближе или начать легкий флирт. Но женщины замечают или

⁸ Фёдор Иванович Янкович (де Мириево) (1741–1814) — [сербский](#) и российский педагог, член Российской Академии (с 1783 г.).

чувствуют эти взгляды на себе. О, дочери Евы! Впрочем, «И если всё от Бога в этом мире, то, может, Бог мне даст желание греха?» Так легкомысленно я решил тем вечером — «будь что будет!». В конце концов, скучающие на отдыхе готовы на все...

Алла Петровна вырядилась в откровенные прозрачные тряпочки, едва прикрывавшие её оплывшее тело. Но уши оттягивали тяжёлые золотые серьги с довольно крупными бриллиантами, а на толстых пальцах красовались массивные перстни с изумрудами и рубинами.

Я вам прямо скажу, что украшения могут другим сообщить о вас больше, чем стандартная служебная характеристика. Даже если это просто обезличенная золотая побрякушка, «нафаршированная» бриллиантами.

Платье Ольги было странного кроя. Будто она просто обернула себя куском тонкой, едва мерцающей материи, уложив всё мягкими складками. Шея и плечи были полностью открыты. При каждом движении ткань переливалась, натягивалась и колыхалась, ненавязчиво подчёркивая соблазнительные формы молодой женщины. На шее у неё были две тонкие золотые цепочки. На короткой висела подвеска из белого золота или платины в виде стилизованной буквы «О», а с длинной свисала очень вытянутая, продолговатая капелька из того же металла, с шариком на конце. На запястье левой руки был разомкнутый браслет, концы которого украшали круглые белые жемчужины, а на пальце правой руки одно кольцо — тонкий ободок с большой белой жемчужиной неправильной, но интересной формы.

Позднее, почти случайно, мне пришлось услышать фрагмент разговора Надежды и Аллы Петровны по поводу украшений Ольги на коктейльной вечеринке. Надежда сказала: «Это работа ювелирного дома «ШомЭ»⁹. Я почти такой же набор видела в Париже на выставке. Серия лимитирована, и комплект, если не говорить слово «дорого», стоит очень и очень недешёво. Похо-

⁹ *Chaumet* — королевский ювелирный бренд с Вандомской площади (Париж, Франция), на протяжении двух веков олицетворяет парижский шик. С 1780 года его ювелирные изделия можно считать синоним парижской элегантности.

же, что не бедная девушка Оля, если это не подарок богатого любовника». А при каких обстоятельствах слушал эти слова, расскажу позднее.

Я тогда сделал вывод о том, что молодость Ольги еще не завершилась и она хорошо смотрелась на фоне Надежды, Инны и Бажены, хотя последняя, как мне показалось, была моложе Ольги.

Но сначала моё внимание привлекла именно Бажена. Во время долгого перелёта Москва — Бангкок, от вынужденного безделья и скуки, я пролистал рекламный каталог с фотографиями женских и мужских украшений и получил представление, что было ультрамодным в этом сезоне. А вообще-то ювелирные украшения мне интересны с молодости — когда-то в родном городе я дружил с ювелирами и видел, как идея, набросанная карандашом на измятом листе бумаги, между двумя-тремя затяжками папиросы, позднее превращается в законченное изделие. Правда, работали тогда мои друзья в домашних мастерских, украшения делали из мельхиора и серебра, а за поделочными камнями сами ходили в Уральские горы. Но какие у них были работы!

Бажена втиснулась в узкое зелёное платье, почему-то напомнившее мне по цвету змеиную кожу. И в лице её тут же проступило что-то от крупной особи пресмыкающейся. На ней была дорогая бижутерия, и, по замыслу, украшения, видимо, должны были придать ей гламурные нотки, изящность и элегантность, показать роскошь и шик. Но мне чудилась в обилии украшений какая-то дисгармония, если не сказать — безвкусица. Сформулировать словами, в чём именно это проявлялось, я бы, наверное, не смог. А может быть, всё дело было в моих консервативных взглядах на женские украшения? Мне кажется, что несколько цепей и цепочек разного размера на одной шее — это явный перебор. Особенно неуместным показался мне кулон

в виде навесного замка жёлтого цвета, свисающий на длинной цепочке до ложбинки у груди Бажены. Почему-то вспомнилась дурная традиция влюблённых навешивать замки на решётки и другие ограждения мостов и мостиков, а ключ бросать в воду. Видел я однажды в Екатеринбурге на мосту у «Плотинки»¹⁰ сотни навешанных замков с гравированными романтическими надписями. И один из них поразил меня — замок был ржавым... Символ ржавой любви?

На что Бажена намекала своим кулоном-замком? Что её сердце и душа закрыты? Или она вообще никогда не думала о символике украшений?

Платье Надежды оказалось самым традиционным — в пол, глубокого синего цвета, вполне прилично открывающим её загорелые руки и крепкую шею. «Не спорили» с платьем золотые серьги в виде двух довольно длинных цепочек, не доходящих до плеч, которые держали крупные чёрные жемчужины. Левую руку украшало фигурное кольцо с большой черной жемчужиной в середине и четырьмя маленькими бриллиантами. Я смотрел на Надежду практически со спины, и лишь рука с бокалом была хорошо видна.

Что-то легонько ворохнулось в моей памяти... Черный жемчуг, черный жемчуг... Делает неотразимой каждую женщину, придавая уверенности в себе и притягивая внимание к хозяйке. У слабых натур вызывает восхищение вперемешку со страхом или трепетом. «Черный жемчуг, черный жемчуг, черный жемчуг переехал мою маленькую жизнь». Нет, в той песенке, кажется, были другие слова...

Итак, это украшения зрелых и состоявшихся дам, помогают им раскрыться полностью. Женщина чувствует себя почти ведьмой, хладнокровно оценивающей любую ситуацию. Надежда сама как крупная черная жемчужина... Чем же она меня заинтересовала? Надо найти ответ на этот вопрос. Впрочем,

¹⁰ «Плотинка» — это плотина городского пруда на реке Исеть в центре Екатеринбурга.

какая дурь в голову лезет. Черная жемчужина не «черная вдова». Интересно, ее мужья еще живы? Сомнений в том, что муж был не один, у меня даже не возникало. Такие дамы идут по мужским сердцам и портмоне уверенной походкой.

У Надежды был хороший вкус или опытный советник. Красота ее пока не поддавалась напору зрелости. В тот вечер, не кривя душой, я вполне мог бы назвать ее очень красивой женщиной. Но видел ли я ее где-либо раньше — так и не смог понять. Кого же она мне напоминает? Я мысленно прикидывал, с кем из знакомых можно сравнить Надежду? Но толковых мыслей или воспоминаний не было. Ладно, Бог с ней... Ни к чему мне эти заморочки не очень трезвого сознания.

Инна очень удивила меня своим серебряным гарнитуром с чароитом — красивые круглые серьги, кольцо и два ручных браслета. И платье оказалось ему под стать — лёгкое, летящее, с крупными цветами по подолу. Оно одинаково хорошо смотрелось бы и днём на залитой солнцем набережной, и вечером при свете электричества. Я сказал Инне искренний комплимент по поводу её украшений. Она ответила, что это авторская работа известного красноярского ювелира, сделанная в одном экземпляре по заказу мужа на двадцатилетний юбилей супружеской жизни.

— «Из тёмно-фиолетового как бы прорываются таящиеся в нём катастрофы, но стоит его хоть чуть высветлить, как мы тотчас начинаем видеть его благочестие». Кажется, так писал Иоханнес Иттер¹¹ в своей работе «Искусство цвета»? — спросил я у Инны. Мне показалось, что при слове «катастрофа» Инна чуть вздрогнула и изменилась в лице, но, может быть, это была только игра света, теней и порыва морского ветра, качнувшего ветви деревьев.

11 Иоханнес Иттен — швейцарский художник, крупнейший исследователь цвета в искусстве и один из ведущих преподавателей знаменитого Баухауза, самой влиятельной школы прикладного искусства, дизайна и архитектуры XX века. За четырнадцать лет своего существования она произвела художественную революцию, стала тем местом, где художники и ремесленники разных стран пытались переосмыслить мир.

— Простите, — сказала Инна и отошла от меня. И даже в этом коротком «простите» прозвучали какие-то тревожные нотки.

«Может быть, она в пограничном состоянии? — подумал я. — Хотя где чёткие грани между нормой и патологией? И основной вопрос бытия остаётся без ответа — всем ли женщинам надо демонстрировать свой ум, память и широту кругозора?»

Мужчины были одеты гораздо проще. Николай — в мятых светлых брюках и в белой рубашке с коротким рукавом. Для его впалого живота не хватало дырок на жёлтом кожаном ремне.

Сан Саныч был в белом костюме и светло-голубой сорочке без галстука. Впрочем, пиджак он сразу снял — хотя дневная жара спала и с моря дул ветерок, но в пиджаке всё равно было бы жарко.

Виктор явно предпочитал спортивный стиль. Он был в джинсах и тёмной хлопковой тенниске с коротким рукавом и небольшим воротником.

На Костика я почти не обратил внимания — какие-то брендовые шмотки с ядовитой расцветкой. То ли в длинных шортах, то ли в коротких брюках. Рубаха расстёгнута почти до пупа, обнажая безволосую грудь. Что были за бренды? Да я не смогу их назвать даже под угрозой смертной казни. Далёк, далек я от молодёжной моды, как комета Галлея от Земли.

Если бы на этой вечеринке я присуждал призы за элегантность, то первые три места среди женщин достались бы Надежде, Ольге и Инне. А среди мужчин — однозначно Сан Санычу и Виктору. Все остальные не могли составить им конкуренции.

Я был в лёгких кремовых брюках и тёмной шёлковой рубашке с короткими рукавами. Ни на кого производить впечатление внешним видом не собирался — главное, чтобы было удобно и не жарко. Был, конечно, диссонанс в нарядах мужчин и женщин. Но что поделаешь? Джентльмены не захватили на отдых свои фраки и смокинги, а дамам как-то надо продемонстрировать

привезенные наряды. А на Сан Саныче смокинг смотрелся бы привычно и элегантно.

Коктейльная вечеринка позднее чётко разделилась на две неравные части — поэтическую и танцевально-алкогольную, и честно скажу — алкоголь помешал запомнить все детали второй части. Увы, хотя и очень редко, случается со мной такое... Напился... бывает... каюсь. Поэтому расскажу сначала о поэтической части, которую запомнил гораздо лучше.

С декламацией решились выступить не все. Заявились Инна, Бажена и я. Сан Саныч сказал, что он подумает и позднее решит — выступать или нет. Виктор сказал полушутя, что он помнит только матерные стихи. Остальные уведомили, что они будут «благодарными слушателями».

«Встречу с поэзией» начала Инна, но то, что она прочитала, вызвало, как минимум, недоумение.

— Это стихи одной хорошей поэтессы... я фамилию авторки забыла... Это крик израненной души, — с надрывом сказала Инна, а потом с чувством продекламировала:

*Чего не захочешь, того не будет —
врут мне в лицо...
ребята, товарищи, граждане, люди,
в конце концов,
это ли не театр, заговор фантомасов,
сценическая брехня?
на меня наматывают ошмётки мяса
среди белого дня
и говорят: для твоей же пользы,
давай помогай,
принимай непринуждённые позы,
не дыши, не моргай...*

Потом что-то еще было про «обновленную тварь», «выпаривание хлора и калия из мышц этой несчастной», «злую тоску» и «чёрт ещё знает что». Это все слова из «стихотворения», которое нравилось Инне. Рифмы были явно надерганы у компьютерного «помощника поэта». «Моргай-кончай-помогай» для меня «чересчур поэтично», тошнить начинает.

Публика, ошарашенная такой «поэзией», молчала. Видимо, этот «крик» всех достал до нутра. «Жаль, что эту «израненную душу» не добили на месте... сразу после этого сочинения. Завтра попрошу у Инны текст сего «шедевра» поэтической мысли и напишу злую пародию», — подумал я. И снова вспомнил про пограничное состояние между нормой и патологией. Под очень жидкие аплодисменты Инна села на своё место.

Сан Саныч тонко чувствовал обстановку и, видимо, решил действовать на контрасте. Он допил свой коктейль «Крёстный отец»¹², встал, откашлялся и сказал:

— Я прочитаю вам в русском переводе стихи Хо Ши Мина, или, как его иногда называли, дядюшки Хо. Он был видным деятелем Коминтерна, основателем Коммунистической партии Вьетнама и Коммунистической партии Индокитая, первым президентом Демократической Республики Вьетнам и создателем «Вьетконга» — Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Хо Ши Мин долгое время сидел в тюрьме по политическим мотивам и там писал стихи. На вьетнамском языке они, конечно, звучат по-иному. Но вряд ли кто-то, кроме Вана, сможет их понять. Прочитаю два стихотворения на русском и одно — на вьетнамском.

«Сан Саныч, — мысленно возопил я, — ну кому ты тут рассказываешь про Хо Ши Мина, Коминтерн и Вьетконг? Они же все — кроме Сидоровых — выросли после распада СССР, ни в школе, ни за её пределами, в принципе, слов таких слышать не могли. Это мы с тобой — «осколки Великой эпохи Великой

¹² Коктейль «Крёстный отец» — шотландский виски, ликер Амаретто, лед в кубиках.

империи», а они — «поколение, отравленное пепси». И... кроме того... на дорогом курорте читать стихи дядюшки Хо, держа в руке бокал с «Крёстным отцом»? Очень оригинально!»

Сан Саныч очень умело и с чувством прочитал стихи, чем опять меня изрядно удивил: «Молодец! Не только Шекспира может на английском».

ГОЛОС ФЛЕЙТЫ

Мелодия флейты всё нежней и выше,
В ней страсть, забвенье и печаль.
За тысячи ли на высокой крыше
Любимая смотрит тоскливо вдаль.

ЛУННАЯ НОЧЬ

В тюрьме не сыщешь роз и вина.
Лишь ночь одна благовоньем полна.
Колдунья луна глядит сквозь решётку
И узнику шлёт вдохновенье она.

Потом он прочитал четверостишие на вьетнамском. Мы ничего не поняли, но громко хлопали. Потрясённый Ван с большим уважением поклонился Сан Санычу и долго жал ему руку. «Ну, всё, — подумал я, — теперь Сан Саныч у Вана в большом авторитете. Надо будет это учесть — вдруг пригодится для чего-нибудь».

Чьи стихи читала Бажена, я не понял, — может быть и свои. Но они мне не понравились, тем более что «во хмелю» она читала их с дурным завыванием и театральным заламыванием рук.

В ночь уходили сонные вагоны...
В такую темноту — не до погони.
Двух человек навек разъединял
Холодный и безрадостный вокзал.

Паук обиды ткал свои узоры,
Вплетая в них обрывки разговора...
...Так ЛЮБИШЬ, драгоценный?
Ну что ж, прими
Подарочный набор
МОЕЙ ЛЮБВИ...

«И на эту хрень напишу пародию», — твёрдо решил я, глядя на кривляние Бажены. Тут ощутимо дунул ветер с моря — и, видимо, он принёс мне следующую мысль: «И про Бажену стих сложу — а вот... уже и первая строка есть: «В зелёном платье на ветру змея качалась по утру.» Хотя сейчас вечер, но рифмы нет...»

Но в этот момент услышал голос Сан Саныча:
— Олег Петрович, Ваша очередь.

Я поставил бокал на столик, встал и произнёс:

— Прочитаю стихи моего друга Иннокентия Сентябрьского, написанные в разные годы. Некоторые из них — это подражание Омару Хайяму, другие — лирические, выражают настроение автора. И начал...

В том кувшине — отравы, а в этом — лекарство...
«Пей, — Хайям написал, — ибо третьего нам не дано...»
Но в обоих кувшинах игриво плескалось вино...
Жаль... что третьего нам не дано...

Николай захлопал в ладоши, потом взял стакан с ромом и с большим воодушевлением воскликнул:

— А... стихи... в виде поэзии... я к ним хорошо отношусь!
«Пей, Хайям написал!» Браво!! За это надо выпить!!!

Все засмеялись и пригубили свои коктейли.

Я тоже воодушевился, приложился к своему бокалу, в котором ещё оставался «Короткий медовый месяц»¹³, и сказал:

— Учитывая, что тема вина пошла хорошо, перейдём к гуриям, а потом к любовной лирике.

В стакане плещется рубин хмельной,
И гурия лицо моё целует...
Создатель мне прощение дарует...
Когда в конце пути... поникну головой...

Многие одобрительно захлопали.

— И в завершение — любовная лирика на морскую тему, — провозгласил я и прочитал:

В волнах исчезнет отраженье
Узоров пены и песка...
В мечтах не будет повторенья...
Но облик твой... но ты одна...
В стихах моих... застынут на века...
И волны памяти омоют...
Забытые любовью берега...

И тут я поймал на себе (или почувал?) заинтересованные взгляды Ольги, Надежды и Бажены. Настроение у всех улучшалось с каждой минутой и с очередным коктейлем. Полагаю, что ажиотажу и успеху поэтического турнира сильно способствовали алкогольные напитки разной крепости. Потом я так и не мог припомнить, кто что пил и в каком количестве.

¹³ Коктейль «Короткий медовый месяц»: коньяк, лимонный сок, кофейный ликер и медовый сироп.

Под влиянием общего настроения даже Виктор расчувствовался и прочитал чьи-то строки:

В чужом стакане крепче брага,
Грудь больше у чужой жены...
Когда до пропасти полшага,
Друзьям мы больше не нужны...
И понял я одну из истин —
Что грязь везде найдёт свинья...
Не хватит пуль — стрелять по крысам,
Что убегают с корабля...

«Читает с чувством, — отметил я про себя, — есть личностное отношение к стихам. Как-то связано с биографией? Эмоционально выражена строка про крыс и пули».

Николай неуклюже вскочил со стула и заявил, что сейчас он прочитает «басню с матом», но Алла Петровна резко посоветовала мужу сесть и заткнуться. При этом она так дёрнула его за брюки, что Николай с шумом грохнулся на стул.

Расхулиганившись (коньяк уже оказывал на меня своё «благодетельное» воздействие), я прочитал ещё два стихотворения:

В журнале философском как-то ночью
Статью прочёл «Языковые игры» —
Про «дар богов» и «смыслов порчу»,
Про «космос, обступивший человека»,
Что игры те уж длятся многие века...

Вопрос серьёзный поднят был в статье,
(И автор умный улыбался жизни криво —
Сквозь текст глядела многолетняя тоска),
Но мысль моя, шалунья, прыснула игриво:
«А будет ли игрой, когда язык касается соска?»

Оживлённые аплодисменты всех присутствовавших были мне наградой, только Инна никак не прореагировала — она сидела какая-то вся встревоженная. Может быть, ей внимания не хватало, а может быть, до мужа дозвониться не смогла и теперь волнуется? Отключил мужик телефоны, а потом скажет, что в красноярской тайге связи не было. Тайга большая...

В завершение я прочитал шутивное стихотворение про скромность:

Мы столкнулись с ней лишь вчера...
Косо глянули друг на друга...
И промолвил я... не шутя:
Проходи-ка ты мимо, «подруга»...
«Смерть от скромности» — ты не моя...

Зря я это сделал. Не надо было на ночь про смерть вспоминать. Есть вещи и ситуации, о которых лучше не шутить. Чревато это... Хотя, может, пока и не для себя. Нет, я не суверен, но иногда мысли материализуются совсем не так, как мы бы хотели. Тем более мысли о смерти. Первая трагедия произошла уже через несколько часов...

Глава шестая

Вечер первого дня. Несколько слов об аксиологии

*Категорически не допустима
постановка наводящих вопросов...
Из методических рекомендаций
по подготовке скрытых опросов*

*В нас ложь и правда сжились тесно,
Сам черт порой не разберет,
Кто врет, что говорит он честно,
Кто честно говорит, что врет.*
Марк Твен

Послеокончания «встречи поэзией» всеми присутствующими было принято решение о том, что коктейлей больше не надо и каждый теперь будет употреблять то, что хочет. Поскольку бар был великолепным, то мы пили вино, ром с колой и без нее, текилу, мартини, коньяк и что-то ещё... И танцевали возле бассейна под медленную музыку. Бажена, пригласив меня танцевать, тесно прижималась худым телом и, что-то шепча про любовь к поэзии, смотрела широко раскрытыми глазами, кокетливо наклоняла голову, без нужды трогала свои волосы.

Как-то сами собой вспомнились блоковские строки, которые я читал ещё в десятом классе:

Милая девушка, что ты колдуешь
Чёрным зрачком и плечом?
Так и меня ты, пожалуй, взволнуешь,
Только — я здесь ни при чём...

«Девушка глупая в платье зелёном, — мысленно стихами начал добавлять классика, — фокусы эти знакомы давно». Но

потом сбился и стал сам у себя уточнять — насколько давно? Уже, наверное, больше сорока пяти лет. И, окончательно потеряв поэтический настрой, продолжил мысленно суровой прозой: «Ты ещё не родилась, а «дочери Евы» уже давно тренировали на мне свои ужимки. Дело, конечно, не в тебе... Дело во мне... и мне нравятся красивые и умные». Вот такой монолог звучал тогда в моей голове под влиянием выпитого.

Но внешне я оставался вполне галантным кавалером, дабы не наживать ненужных врагов в лице обиженных женщин. Ибо разъярённая женщина хуже, чем разъярённая общественность.

Краем глаза я видел, как Сан Саныч танцует с Надеждой, а Виктор — с Ольгой, и подумал: «Пары начинают складываться? Ничего удивительного — люди все взрослые и наверняка не растерявшие сексуальный пыл и опыт».

Позднее пригласил на танец Инну, но она отказалась, сославшись на усталость. Посмотрел на неё внимательно, и снова мелькнула мысль: «Где та грань, которая отделяет нормального человека, заботящегося о своём здоровье, от человека, одержимого здоровым образом жизни?»

Ничуть не огорчившись после отказа Инны, я сходил к себе в домик, принял холодный душ, чтобы привести голову в порядок, высушил волосы феном и через несколько минут вернулся в компанию.

Первым, кто попался мне на глаза, был Костик. И снова вспомнилось, что он не сказал, в каком университете учится... «Эту занозу надо вытащить из сознания», — твёрдое намерение сформировалось само собой.

— Костик, мы с тобой ещё не пили за знакомство, — радостно крикнул я издали и приглашающе махнул рукой, — иди сюда, присаживайся, ликвидируем этот пробел в наших биографиях.

Он захватил свой ром с колой, и мы присели за свободный крайний столик. Подняв очередную рюмку коньяка, я самокритично решил, что в общем-то сегодня мне уже

хватит и эта будет последняя. Вскоре легко выжал из Костика информацию, что он учится в Петербургском университете аэрокосмического приборостроения.

— Да разве там есть факультет рекламы и связей с общественностью? — удивился я.

Костик заверил, что есть такой факультет.

— А кто там декан, — продолжал я расспросы.

Костик смутился и сказал, что не помнит. Честно скажу, это меня удивило ещё больше. В принципе, студенты не обязаны знать руководство вуза дае по фамилиям, но обычно всё-таки помнят деканов своих факультетов.

— Костик, а ваш факультет точно на Большой Морской расположен? — уже вполне осознанно сформулировал я контрольный вопрос.

Костик опять замялся, и я «поспешил ему на помощь», сыграв совсем пьяного (что, впрочем, было уже очень легко):

— Хотя что это я спьяну путаю... у нас же все гуманитарии в корпусе на Суворовском учатся... — и доверительно, с широкой пьяной ухмылкой поведал: — Я ведь, Костик, в этом университете аспирантуру заканчивал. А на Большой Морской только документы оформлял.

Надо сказать, что была в моей биографии действительно и такая удивительная страница — заочная аспирантура по конституционному праву в университете аэрокосмического приборостроения. Господи, где я только не учился в своей жизни! Но к рассказу о событиях на острове это не относится.

Костик облегчённо подтвердил, что именно на Суворовском проспекте он и учится.

— Ну, давай выпьем за альма-матер¹⁴.

Костик с видимой радостью на лице согласился, мы чокнулись и выпили.

¹⁴ Альма-матер — старинное неформальное название учебных заведений, обычно университетов.

«А теперь, милый мальчик, — мысленно приказал я, — получи-ка в лоб ещё один контрольный вопрос».

— Слушай, Костик, кто сейчас вам основы аксиологии¹⁵ преподаёт? — заплетающимся языком спросил я. Но тут Костик мастерски вывернулся:

— Не знаю. Нам это ещё не читали. Может быть, на следующем курсе начнут? Но сейчас ни думать, ни говорить про учёбу не хочу. Я, пожалуй, пойду потанцую. Рад был с Вами ближе познакомиться.

Он поднял бокал, шутливо отсалютовал и, по-моему, несколько поспешно, удалился. Не стал я смотреть Костику вслед — даже пьяные люди иногда хорошо чувствуют взгляд в спину.

Наклонив голову и вдохнув аромат коньяка, я отчётливо сформулировал свои мысли: «Здесь что-то не так. Да, студент может не знать фамилию декана. Но он не может забыть адрес, по которому расположен его учебный корпус. Допускаю мысль, что после моей аспирантуры в университете многое переменялось и даже мог появиться гуманитарный факультет на Суворовском проспекте. Но что стоило Костику поправить меня и внести уточнения? А если для проверки мной была бы названа Садовая улица? Но самое главное — аксиологию студентам рекламных факультетов не читают... Аксиология только для философов. Здесь что-то не так... Меня всегда настораживает ситуация, при которой образ не соответствует сути, когда за словами открывается ложь — маленькая или большая, умышленная или возникшая по недоразумению. Как говорил известный кинозлодей? «Маленькая ложь рождает большое недоверие». Впрочем, кинозлодей имел совершенно реальный прообраз. Или надо правильно говорить — «зловещий прототип»?

¹⁵ Аксиология — теория ценностей, раздел философии, изучающий вопросы, связанные с природой ценностей, их местом в реальности и структурой ценностного мира, то есть о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности.

Глава седьмая Поздний вечер первого дня. Коварство незнакомых коктейлей

*Да что вы говорите?
Танцевала на столе? Я?!
В трусах? Да вы рано ушли...*
Из рассказов Фаины Раневской

*Алкоголь не помогает найти ответы.
Он помогает забыть вопросы.*
Бернард Шоу

Издав себя я смотрел, как Костик приглашает танцевать Ольгу, но она отрицательно качает головой. А вот Бажена, уже изрядно пьяная, пошла с ним на «танцплощадку»... Позднее стало понятно, что это был её «жест»... или сигнал в сторону Виктора, который никак не желал поддаваться чарам Бажены. В наше время все любят посылать сигналы — от политиков до девушек с низкой социальной ответственностью. Впрочем, разница между ними не очень большая.

Глядя на танцующих, я продолжал размышлять: «Из трёх вопросов Костик ни на один не смог ответить. Это надо будет обдумать, но только на трезвую голову». Я уже «поплыл», внимание стало рассеиваться, самоконтроль был заметно утрачен, а восприятие — фрагментарное...

Мы ещё выпили по коньячку с Николаем и Аллой. Видно было, что крепко пьяной Алле Петровне не хватает мужского внимания, что её раздражают женщины — явная зависть к тем, кто был моложе и красивей, чувствовалась в каждом её слове.

Отметил про себя, что Сан Саныч и Виктор, как настоящие джентльмены, почти в равной мере уделяют внимание Надежде, Ольге, Инне и Бажене. Но всё же Надежде и Ольге

его доставалось больше. По-моему, это было нормально — они здесь самые красивые. «Каждому орлу по красивой женщине... счастья всем... даром... ибо «все включено» и пусть никто не уйдет обиженным», — сформулировал я свое пожелание, ощущая сильное воздействие всего выпитого за вечер.

Виктор привлекал к себе повышенное внимание почти всех женщин, однако был весьма сдержан. Он танцевал, но, как мне показалось, не очень охотно. Зато Сан Саныч был в большом ударе. Он ухаживал за всеми женщинами, кроме Аллы Петровны, со всеми танцевал, рассказывал анекдоты и рассыпал комплименты, читал стихи Шекспира на английском и русском...

Где-то — в отдалении от центра сознания — у меня возникли мысли: «Это у него прирожденное чувство, опыт общения или использование засекреченной методики? Аккуратный зондаж границ дозволенного в конкретной компании и в общении с каждым человеком? Попытка помочь в преодолении страха при контакте с незнакомыми людьми? вызвать симпатию и доверие?» Сосредоточиться на этих вопросах я уже не мог.

Инна вообще не употребляла алкогольные напитки, даже слабые коктейли, но зато всем надоедала разговорами о здоровом образе жизни и о том, как она любит своего мужа. С глубокой юности мне не нравятся женщины, трещащие о своей любви к мужу. Гостиничный быт многолетних командировок для пытливого ума дает много пищи.

Но в то же время Инне явно хотелось, чтобы присутствующие мужчины обращали на неё внимание. Надежда очень тонко язвила и посмеивалась над Инной. Знаете, это как из серии «Не понять — то ли похвала, то ли оскорбление». Умна, однако... ценю умных. Как же посмотреть на нее поближе? А еще лучше — поговорить как следует... не торопясь... с чувством, с толком, с расстановкой.

Нет, ну на какой хрен я так напился? В результате многого не увидел, а остальное забыл.

Костика в компании никто не воспринимал всерьёз — и похоже, что он начинал злиться.

Ван вёл себя как гостеприимный хозяин — каждому он уделил должное внимание. По его незаметным знакам бармен прекрасно всех обслуживал и мгновенно подносил новые коктейли и прохладительные напитки.

Пожалуй, это были мои последние конструктивные мысли — «а дальше закружило-понесло». Как там пел Высоцкий? «Я разошёлся, но не ушёл». Если коротко, самокритично и одним словом — «нажрался». Позднее для самооправдания пришлось выдвинуть версию, что виной всему было изменение атмосферного давления над южным морем и усталость прошедшего дня.

Помню, что с большим воодушевлением гневно клеймил англичан, которые ртутью отравили Ивана Грозного и сына его Ивана, оклеветали Стеньку Разина, приписав ему то, чего никогда не было, — утопление в пьяном неистовстве персидской княжны¹⁶. Им же в вину я поставил свержение с престола Императора Павла I — табакеркой в левой висок, а потом еще и немного шарфиком придушили. Но не сами, конечно... Англосаксы всегда действуют чужими руками... иногда — руками русских аристократов. Взять, к примеру, еще убийство Григория Распутина... Вспоминал мимоходом слова Маяковского о том, что «англичанка всегда гадит». Зачем-то спорил с Сан Санычем о том, в чьём же переводе лучше

16 В данном случае Олег ошибается, приписывая англичанам распространение нелепых слухов об утоплении Степаном Разиным персидской княжны. Фактически эту историю сочинил и опубликовал в своей книге голландец Ян Стрейс, случайно оказавшийся в Астрахани в 1760 году. Злая легенда начала жить своей жизнью и потом отразилась в сюжете песни «Из-за острова на стрежень». Но англичане всегда и везде с большим рвением распространяют любую ложь о Руси и России, хотя молчат о своих преступлениях, совершённых в «вечных интересах Англии». Примечание публикатора.

стихи Роберта Бернса. И с большим чувством декламировал: «Мне нужна жена — лучше или хуже...»¹⁷ Видимо, эта песня стимулировала мои воспоминания о жёнах.

Сразу после этого Надежде и Ольге пришлось терпеливо выслушать мой рассказ о том, что один раз в двадцать лет я готовлю уникальное блюдо, но не всем жёнам удавалось его попробовать в этот временной период. Первой жене повезло — я приготовил его в медовый месяц.

— Ну, не успевали некоторые, так уж ничего не поделаешь, — вещал я заплетающим языком, не повезло двум следующим.

После этих слов поймал на себе странные взгляды Ольги и Надежды, попытался сосредоточиться и расшифровать их, но, увы, не получилось. Ольга вроде бы смотрела с неприязнью и каким-то скрытым упреком... «Не понял... но не понравилось».

А Надежда с плохо скрываемой иронией уточнила:

— Может, твоим женам вообще не везло?

— Может быть, — самокритично признался я, потому что иронию чувствую даже в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Инне, с непонятной для самого целью, но на доверительной основе, я громким шёпотом сообщил, что Георг Вильгельм Фридрих Гегель в 1801 году читал свои лекции в Йенском и Берлинском университетах, а потом он женился и «в спокойствии брака» написал своё важнейшее произведение «Наука логики». К чему я это вещал? Убей, не помню! Может быть, воспоминания о жёнах и ненаписанные «Этюды о логике» сыграли со мной злые шутки?

Позднее — через пару дней — размышлял, что, может быть, моё не совсем адекватное поведение в тот вечер напугало Инну? И произошло то, что произошло...

Виктору и Бажене я доказывал, что Гитлер, по воспоминаниям современников, не любил и не понимал шутки, а известный

¹⁷ Роберт Бернс, ПЕСНЯ (Мне нужна жена).

монах заблуждался, утверждая, что Иисус никогда не смеялся¹⁸. В общем, кто без греха — пусть бросит в меня камень за тот вечер.

Перед уходом я провозгласил любимый тост своего друга: «Выпьем за то, что мы живы, здоровы и на свободе», а в ответ на шутки присутствовавших обосновывал его актуальность базовыми ценностями человеческой жизни. Как там у Блока? «И пьяницы с глазами кроликов *In vino veritas*¹⁹ кричат».

Полагая, что вечер вполне удался, я уже действительно собрался «уйти на покой», когда вспыхнул скандал между супругами Сидоровыми. Это они испортили конец вчера. Оба крепко напились, но если Николай был тих и благостен, то Алла Петровна раздражалась всё больше и больше. Полагаю, её злило, что мужики внимание уделяют молодым женщинам, а не ей. У стареющих женщин в голове иногда такое творится, что дьявол вздрагивает от испуга и неожиданности...

Всё завершилось безобразной выходкой — когда Николай шутливо сказал Надежде какой-то комплимент, Алла швырнула в него пустым бокалом, зло обматерила, тяжело поднялась со стула и пошатываясь ушла к себе в домик. Сан Саныч уговаривал Николая, что надо пойти и успокоить жену и что ему на сегодня уже хватит. Николай утверждал, что совершенно трезв и сейчас ещё будет танцевать, а потом — купаться. Но через некоторое время ушёл и Николай. Мы, конечно, не знали, что больше не увидим его живым...

А за час до рассвета над островом прошла короткая гроза — с мощными порывами ветра, россыпью ветвистых молний и проливным дождём. В готическом романе это предвещало бы трагедию со смертельным исходом.

¹⁸ В романе Умберто Эко «Имя розы» хранитель монастырской библиотеки утверждал, что Иисус никогда не смеялся. Библиотекарь монастыря убивал тех, кто пытался добраться до утерянного трактата Аристотеля о комедии.

¹⁹ *In vino veritas* (лат.) — истина в вине.

Глава восьмая

На рассвете второго дня. Первая смерть

*Смерть — это покой, лёгкость...
Жизнь труднее.*

Фраза из какого-то фильма

Одно колесо не покатит повозку.
Чанакья, известный индийский мудрец

На рассвете раздался дикий женский крик. Я решил, что это дурной алкогольный сон моей больной головы, натянув на голову простыню, перевернулся на правый бок и снова уснул.

И снился мне сон, что вчерашняя вечеринка продолжается, но я, сидя за столиком, пью не коньяк, а очень горячий чай. К столику подходит Костик и с наглостью спрашивает: «Чай пьёте?» Я киваю. Костик с ещё большей наглостью уточняет: «Горячий чай?» Снова киваю. Вижу, что на нас с недоумением смотрят все присутствующие. Уже понятно, что Костик нарывается на скандал. Он наклоняется ко мне, сует палец в мою кружку, потом выпрямляется, с торжествующей улыбкой смотрит вокруг и чрезвычайно развязно говорит: «Не чай, а тёплое пойло. Но этот старый мудака большего не заслуживает».

Я подымаюсь со стула и с тихим шепотом: «На, сученок», выплескиваю чай в лицо Костика. Он начинает орать, что ему выжгли глаза, раздаются многочисленные женские крики: «Что Вы делаете? Он же ребёнок! Ты зачем мальчика ошпарил?» Виктор смотрит на меня с презрением, Сан Саныч — с недоумением.

Во сне я ещё успел подумать, что у этого «мальчика» уже борода выросла, и, наверное, трахается, как молодой кролик, но громкий стук в дверь вырвал меня из этого поганого и мутного сна. Послышался приглушенный дверью голос Сан Саныча:

— Олег, вставай. Беда! Николай умер, — голос его был очень

тревожным, и понятно было, что так не шутят. Натянув шорты и футболку, я босым вышел из домика.

Сан Саныч стоял возле двери.

— Что? Где? Когда? — отрывисто спросил я, пытаюсь отделаться от остатков муторного сна.

Сан Саныч показал рукой в сторону скалы, за которой скрывался второй бассейн. Через несколько секунд я подошёл туда. Возле бассейна были Ван, одна из горничных и еще кто-то из обслуживавшего персонала. Вид у них был растерянный. Подтягивались и наши отдыхающее, разбуженные криками и стуком дверей.

Возле торцевой стороны бассейна стоял деревянный шезлонг, рядом с ним — маленький низкий столик. На шезлонге лежала наполовину пустая пластиковая бутылка с колой. А на дне ярко освещённого бассейна — в его более мелкой части — лицом вниз лежало тело Николая Сидорова. На нем были только купальные плавки. И не было никаких сомнений в его смерти...

«Гольй, — подумал я, — значит, после вечеринки где-то разделся... Где? Или у кого?»

Не раздеваясь, я прыгнул в бассейн и по дну подошёл к телу. «Да... мертв... никаких сомнений...» Видимых повреждений на голове и теле не было. И тут я заметил на дне еще какую-то бутылку.

— Ван, Сан Саныч, принимайте Николая, — скомандовал я, наклонился в воду и, схватив за левую руку, потянул к бортику бассейна мёртвое тело. Сан Саныч отреагировал быстро и подошёл, а Ван словно застыл.

— Ван, шевелись, б...ь такая! — я так рывкнул, что женщины, толпившиеся у бассейна, вздрогнули. Но Ван очнулся и бросился помогать Сан Санычу. Тело Николая вытащили и положили на спину возле шезлонга. Я достал со дна бассейна пустую бутылку из-под тайского рома «SangSom Superior», поставил

её на борт бассейна, подтянулся на руках и вылез из воды. Подойдя к лежащему телу, понимая всю бессмысленность своих действий, потрогал сонную артерию, потом поднял правое веко и посмотрел зрачок.

— Он мёртв, — слышался голос Виктора. Оказывается, он неслышно подошёл и стоял рядом со мной. Разогнувшись, я увидел, что тут же по-прежнему стоят Ван и Сан Саныч. Метрах в пяти от них толпились наши женщины, две горничных, повара, бармен, официанты и ещё кто-то. Аллы Петровны и Костика среди них не было.

— Сам вижу, — буркнул я угрюмо, стянул мокрую футболку и, бросив её на шезлонг, закрыл бутылку колы. Потом, посмотрев на Вана, жёстко спросил: — Холодильные или морозильные камеры на острове есть?

Бессмысленный вопрос я умышленно задал сурово. Понятно, что есть на тропическом острове холодильники. Но сейчас для полного счастья нам не хватало только истерик и расслабления присутствовавших.

— Есть, — ответил Ван, — но там продукты...

— Продукты переложить, освободить одну камеру. Тело поместить туда. Дай команду, пусть кто-нибудь принесёт большой пластиковый пакет и какие-нибудь носилки. Тело Николая в этом пакете положить в холодильник. Да шевелитесь вы все! — прикрикнул. — А то замерли, как беременные тараканы при внезапном освещении.

После этого посмотрел в сторону собравшихся на галерее.

— Всё, граждане, расходитесь по своим домикам — ничего интересного больше не будет, — сказал достаточно грубо и зло, — и Алле Петровне скажите, что...

Не договорив, я махнул рукой на мертвое тело и присел на шезлонг. Голова болела, и ничего не хотелось делать и даже думать. Ван, видимо, окончательно обрёл способность действо-

вать — он что-то сказал одному из официантов на вьетнамском, и тот быстро убежал. Через несколько минут на тело Николая вьетнамцы натянули большой чёрный пластиковый пакет для мусора, положили на медицинские носилки и унесли. Люди ещё толпились неподалеку от бассейна и не торопились расходиться, что-то обсуждая приглушёнными голосами.

Воспользовавшись суетой с трупом, я нагнулся, прихватил двумя пальцами за ребристое горлышко бутылку колы и, прикрывая её мокрой футболкой, понёс к себе. Уже почти у самого поворота за скалу почувствовал взгляд на спине. Небрежно и как бы случайно обернувшись, увидел, что Сан Саныч внимательно смотрит на меня. И этот взгляд мне очень не понравился.

«А что уж тут... не удалось забрать бутылку незаметно... и ничего теперь не поделаешь, — думал я, пока открывал дверь, — и надо принять душ».

Глава девятая

Утро второго дня.

О пользе бумажных салфеток и о ненужных размышлениях больной головы

*Не может покоя в стоянке найти,
кто бросил товарищей в трудном пути.*

Саади

*Мудрость и покой —
понятия, заслуженные временем.*

Петр Квятковский

Однако, зайдя в домик, я сначала чуть-чуть «подлечил» голову парой добрых глотков «Хеннеси» из мини-бара. Потом сел за стол, включив лампу, прихватил бумажными салфетками дно и горлышко бутылки и внимательно осмотрел ее. Когда поворачивал сосуд, увидел, что на салфетке выступило коричневатое пятнышко. Заменяв её, вновь покрутил бутылку — и снова на бумаге появилось влажное пятнышко возле горлышка. И тогда я внимательно осмотрел горлышко бутылки, уже примерно понимая, что я хочу увидеть... Так и есть — возле горлышка был маленький прокол. Эх, «не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз». Вот ведь какая разная польза может быть от простых бумажных салфеток...

Хмыкнув, я поставил бутылку в нижний ящик письменного стола и пошёл в ванную комнату.

Долго стоял в душевой кабине под холодными и горячими струями воды, попеременно меняя температуру, но не принял никакого решения. Поэтому размышления продолжались и после того, как, закутавшись в роскошный махровый халат с вышитой золотом эмблемой отеля, я налил ещё полрюмки коньяка и сел в кресло, придвинув его к окну.

И размышлял я о печальном... Ну какого хрена мне надо было хапать эту бутылку, да ещё стараться незаметно утащить её в свой домик? Ведь вполне можно было обойтись без этого. Конечно, ещё и сейчас можно от бутылки избавиться — выбросить в мусорную корзину в домике или возле бара — никто её искать не будет. Да, Сан Саныч видел, как я её забирал. Ну и что? Если спросит, то скажу «на голубом глазу», что автоматические убрал мусор, находясь в состоянии сильного эмоционального волнения после того, как труп Николая достал из бассейна.

Можно бутылку выбросить в море — волны и ветер унесут её чёрт знает куда... Или на пляже песочку в неё насыпать по самое горлышко, размахнуться как следует да и бросить далеко в море... там, где из отеля никто ничего не увидит. И скоро занесёт бутылочку песком или донными отложениями, и никто никогда её не найдёт. А я спокойно буду отдыхать. Что может быть дороже покоя в моем «очень немолодом возрасте»?

Как там древние говорили? «Ничтожная причина может стать основой больших последствий». Или у них звучало по-другому? «Каждая причина производит более чем одно следствие». Голова с похмелья раскалывалась на неровные и острые части, которые, кажется, шевелились и задевали друг друга...

«Вспомни, — уговаривал я сам себя, — что ты хотел делать на этом острове? Неделя спокойного отдыха - купаться и понемногу пить для здоровья красное вино. Может быть, небольшой и необременительный флирт с красивыми женщинами... без вступления в сексуальные контакты. Ничего не читать, ничего не писать — ни одной строчки, отключить телефон, не думать ни о чём... вести почти растительное существование. «Покой и воля»²⁰ при полном отсутствии любых забот... Не надо лезть туда, куда тебя никто не просит. Ни во что не надо вмешиваться, и пусть всё идёт своим чередом».

²⁰ А. С. Пушкин «На свете счастья нет, а есть покой и воля».

Но тот тихий внутренний голос, которым, наверное, иногда говорит совесть, резонно возражал: «А если ещё что-то произойдёт из-за твоего безделья и равнодушия? Может быть, здесь и нет злого умысла, но ситуация очень похожа на умышленные действия. Сами по себе маленькие отверстия в пластиковых бутылках не появляются — тут нужна рука человека, действующая очень аккуратно... и ещё нужен шприц».

А может, всё-таки как-то объяснить Сан Санычу случай с утащенной бутылкой? Мол, бросил футболку случайно на бутылку, а потом по ошибке забрал и футболку, и бутылку.

«Ага, — правильно подумает Сан Саныч, — ну совершенно случайно, не отдавая себе отчёта, взял Олег Петрович свою футболку вместе с чужой бутылкой... И при этом очень аккуратно взял за ребристую пробку, где не могут сохраниться отпечатки пальцев».

Нет, это глупое объяснение никак не списать на моё сильное душевное волнение. Может быть, свалить грех на тяжелое похмелье? Чёрт, как нас подводят иногда необдуманные поступки... и последствия от них бывают хуже, чем от проговорок. Да, и на старухе бывает прореха! Надо поспать часик-другой, может быть, и голова болеть перестанет.

Выпив таблетку парацетамола, привезенного еще из России, я прилег. Засыпалось плохо, но все же сон одолел тревогу. Потому что эта первая тревога была еще очень слабой...

Глава десятая Утро второго дня. Миролюбивые беседы над обрывом

*Верят не тем, кто не врет,
а тем, кто врет уверенно.*

Хаун Трипп

*За внешней оболочкой и тусклой внешностью
у меня скрывается благородная душа и пылкое сердце...*

Из письма пенсионера на сайт знакомства

Проснувшись через два часа, я снова принял контрастный душ, побрился, сел за стол и достал бутылку из-под колы. Потом включил в телефоне фонарик и под ярким освещением еще раз внимательно ее осмотрел. Затем поднес бутылку к настольной лампе и сфотографировал телефоном место прокола.

«Однако, к чему всё это? — мысленно хмыкнул я и одновременно стал думать, куда бы понадежнее спрятать эту бутылочку. Вдруг да пригодится... — У меня раздвоение сознания или борьба мотивов? Да кто ж ответит мне на этот вопрос, если он вслух не задан. Надо принять еще парацетамол, а потом тащиться на завтрак и «на сбор дополнительных сведений».

Еще с вечера у меня была мысль сфотографировать восход солнца над морем. Но после обнаружения трупа Сидорова это намерение просто забылось. Раздумья над случившимся с Николаем ни к чему не привели. Да и не могли привести в условиях дефицита информации. Что я знаю об окружающих? Практические ничего, кроме имен, а у обслуживающего персонала даже имена не смог запомнить.

Выйдя из домика, я сначала пошел в кабинет Вана. Офисное помещение было пристроено к ресторану. Ван с печальным видом

пил какой-то напиток, похожий на чай. Поздоровавшись, как вежливый человек он и мне предложил напиток, но я отказался. Черт его знает, как незнакомые растворы на похмельную голову действовать будут.

— Ван, ты извини меня за утреннюю ругань — не с целью твоего оскорбления так рявкнул... Ситуация, сам понимаешь, какая сложилась.

— Да нет... все нормально... я понимаю... я так растерялся, а как русский мат услышал, так сразу в себя пришел, — Ван улыбался вежливо и растерянно. — Тут еще беда — вышка связи ночью была повреждена — ветер был очень сильным.

«Типичный ответ русского, — подумал я, — «да нет»... Наверное, только мы так выражаемся. «Стой там — иди сюда»». На слова о повреждении вышки я просто не обратил внимания.

— Расскажи, что знаешь про Николая.

Со слов отельной obsługi он сообщил мне, что один из официантов ночью видел Сидорова, сидящего в шезлонге. Рядом на столике стояли бутылки. Николай был в плавках — ночное купание в бассейне официанта не удивило, он уже насмотрелся на русских туристов. Очень ранним утром одна из горничных пошла к ресторану и увидела тело в бассейне, а когда сообразила, что это труп, — закричала.

Что же... очень немного новой информации — подвел я неутешительный итог.

— Ладно, спасибо, Ван. Пойду, погуляю по окрестностям, на пейзажи полнубуюсь, — сказал я и вышел из кабинета управляющего. Заглянув в бар, постоял, покачиваясь с пяток на носки, возле стеклянного шкафа с прохладительными напитками, достал бутылку местной колы, покрутил ее в руках и выпил половину содержимого.

Затем спустился на террасу и увидел Сан Саныча, который проделывал каких-то упражнения — возможно даже из

комплекса боевых искусств. «Видно, вчера он не много выпил, в отличие от некоторых других», — вяло подумал я. Не желая отвлекать его от физзарядки, обошел всю террасу и снова поднялся к отелю.

Я смотрел на море, на облака и на полет неизвестных мне птиц. Одинокие птицы над безмолвным морем... А мы кто? Бескрылые птицы на грешной земле?

Через несколько минут ко мне подошел Сан Саныч. Тут, на краю скалы, и состоялся наш первый серьезный разговор. Ибо пора было определиться в отношениях хотя бы с одним человеком.

— Неожиданное рядом, — нейтральным тоном сказал Сан Саныч.

— Ты про Николая? — уточнил я.

— Да... и про него... и про тебя, — ответил Сан Саныч, — интересный ты человек. Я еще на реке стал к тебе присматриваться.

— И чем же был вызван твой интерес к моей личности — там, на реке Квай?

— Меня всегда люди интересуют. А ты еще и не обычный турист.

— Я? Не обычный турист? Да ты Бога побойся! Что во мне необычного?

— Боюсь, боюсь... Всех богов боюсь. Я, знаешь ли, с туристами много лет работаю — всяких повидал... богатых и бедных, умных и дураков, пьющих и абсолютных трезвенников, болтунов и молчунов. Безопасность моего дела и процветание бизнеса зависит от правильного понимания — кто передо мной в сей момент и как с ним контакт установить, кто будет потом меня везде расхваливать, а кто матом отзывать. А мне дурная слава ни к чему. Начал там — на реке Квай — с тобой говорить... Человек вроде образованный, на контакт легко

идешь, «разговоры разговариваешь», а что ты сказал о себе? Какой для меня результат беседы — что я узнал о тебе?

— Ну, ты еще меня шпионом обзови, подготовленным по секретным методичкам КГБ/ЦРУ для внедрения в Китай, — захохотал я и тут же поморщился. Голова все еще болела, старость — не радость... даже похмелье тяжелее.

— Нет, такой глупости ты от меня не дождешься — видел я тут и шпионов, свободная пресса о многом пишет, в том числе и о разоблаченных разведчиках и агентах. У шпиона всегда хорошая легенда, и в соответствии с ней он себя и ведет. А ты вроде и не скрываешь ничего, но и ничего не говоришь. Нет у тебя никакой легенды, но и о жизни своей не торопишься рассказывать.

— Да с чего бы мне исповедь начинать перед первым встречным?

— Знаешь, как люди на отдыхе расслабляются? Башку с одной рюмки сносит, а иной раз словесный понос от банки пива наступает.

Тут я мысленно с ним согласился — бывают такие ситуации, особенно в российских поездах, когда человек после напряженной работы в отпуск едет — эффект случайного попутчика срабатывает на полную катушку и откровенность не знает никаких границ. Однажды, когда я из Нижневартовска ехал в Тюмень, в Сургуте в купе села семья — муж, жена и трёхлетний ребенок. Он — инженер одной нефтегазовой фирмы. Выпил при мне бутылку легкого пива, начал разговор... и три часа не мог остановиться. Жаль, что я не промышленный шпион, — всё бы узнал бесплатно.

— А-а-а... так вот чем в горной аптеке забота твоя обо мне была вызвана. Сколько я тогда той доброй настойки зараз на грудь принял — грамм двести или больше? Ну и... получил ты желаемый результат?

— Получил! Ты же рассказал в автобусе, под каким литературным псевдонимом публикуешься.

— И что? Тайна сия велика есть? Я, между прочим, литературные премии под этим псевдонимом получаю и, соответственно, абсолютно не скрываю его.

— Вот-вот, и стало мне еще интереснее — *persona scriptum*, «человек пишущий»! Как говорил товарищ Сталин — «инженер человеческих душ»! Решил посмотреть, что же ты написал да каким был твой литературный путь. А если повезет, так и биографию хотел изучить. Вечером после возвращения в Паттайю скачал в интернете твои сборники, просмотрел наскоро исторические рассказы и философскую прозу.

— И решил, что я липовый философ и пишу о том, чего не знаю?

— Решил, что ты юрист. Так ведь?

— И этого никогда не скрывал — преподавал студентам юриспруденцию лет двадцать. Ты же вот не скрываешь, что МГИМО закончил, языки разные знаешь, много лет бизнес ведешь на Востоке. А Восток, как известно, дело тонкое. Ну посмотрел ты мои рассказы — и что? В чем «чисто конкретно» мне тебя подозревать?

— О! К слову — а ты меня в чем-то подозреваешь? Давай поделись — интересно услышать туриста, юриста и писателя в одном флаконе. Так сказать, результат взгляда со стороны. Может, тоже думаешь, что я шпион?

— А чем плоха такая версия? — я покрутил головой — боль не исчезала. — Если верить тому, что ты сам о себе сказал... Если верить... Здесь живёшь много лет — укоренился. Самые широкие контакты — такие как в туристическом бизнесе — для шпиёна что можно лучше придумать? Общение без ограничения! Причем общение с любой категорией — местное население, российские и зарубежные туристы, рекламщики, журналисты,

отельеры, перевозчики... Крыша лучше, чем у журналиста или обычного бизнесмена. И хрен кто тебя, шпиёна, отследит в джунглях Лаоса, горах Камбоджи или островах Новой Зеландии. Два или три раза в год летаешь в Москву — сам говорил — для подробного отчета и под обоснованным предлогом поиска новых заказчиков в России. Если ты, конечно, русский шпиён... Лепота! Чем не нравится вариант?

— Да уж, в твоём изложении версия звучит очень красиво. Только сам ты в неё не веришь.

— Почему? Тут не в том дело... верю — не верю. Как говорил товарищ Сталин: «Возможно ли это? Конечно, возможно, если не исключено». Побочный продукт моего жизненного опыта — неготовность верить людям без достаточных оснований. Так часто приходилось снимать розовые очки, что они сломались и были выброшены в мусорный бак.

— Слушай, а правда, что у тебя никогда не было серьёзных травм? — Сан Саныч явно решил сменить тему. — Помнишь, ты про это упоминал, когда мы купались в радоновых источниках.

— Правда. А ты, Сан Саныч, так решил уйти от разговора о шпиёнах?

— Да нет... Ты не дурак, юристом, видать, был хорошим, раз без травм до шестидесяти лет прожил, а это значит, что по жизни проявлял разумную осторожность. И, допуская реально возможность моей шпионской деятельности, ты бы ничего из только что сказанного мне не излагал бы. Придумал бы чего-нибудь нейтральное и вполне безопасное. Слышал я тебя вчера — красиво говорить умеешь на совершенно разные темы

Последнюю фразу я полностью проигнорировал, как бы и не услышав её. Стыдно мне было за вчерашнюю расслабуху, за излишнее употребление алкоголя. Черт возьми, я даже не помню, кому и что говорил. Но с Сан Санычем согласился:

— Тоже верно — сказал я. — Слишком уж на поверхности

лежат версии «резидент», «агент» или «связник», а я про шпионов все же лучшего мнения. Пока я не верю, что ты шпион, а потом, может быть, и подумать про это не успею. Что-то не нравится мне смертность среди российских туристов на этом острове. Ладно... Ты к чему все эти полупустые разговоры ведешь? Колись...

— Объединять нам надо мозги и силы, а иначе в этой неясной ситуации можем своими телами пополнить холодильники отеля или пойти на корм морским обитателям прибрежных вод, — задумчиво сказал Сан Саныч.

«Опаньки! — мысленно вздрогнул я. — Какой поворот сюжета! Какие неожиданные опасения!»

И это — честно сказать — напрягло меня. А чего же он боится? Вроде лично для него нет никакой опасности, хотя я, может быть, чего-то не знаю. Как это он сформулировал? «Процветание и безопасность моего бизнеса зависит от правильного понимания — кто передо мной в сей момент и как с ним контакт установить». Это относится только к туристическому бизнесу? И какое слово здесь ключевое? Процветание или безопасность? Стоп, он не произносил слова «бизнес»... Он сказал «дело». Но такие мысли я, конечно, оставил при себе.

— Принципиальных возражений нет, — в тон ему ответил я, — но откуда такой пессимизм? И почему ты ждешь новой смерти? — Голова все еще болела, и таблетка пока не подействовала. Думать было тяжело и мучительно, но я продолжил: — И если про себя я точно знаю, что не убивец и не шпиён, то про тебя-то вообще ничего не ведаю. Хотя верю, что есть у тебя маленькая туристическая фирма. Но ведь это не может помешать ни шпионажу, ни убийствам... Или может? Давай, Сан Саныч, колись, как сухое полено.

— Слушай, мы тут с тобой, как ты говоришь, «полупустые разговоры» можем до следующей смерти вести. Придется

довериться друг другу. Начну с себя. Не шпион я, не шпион, хотя ты угадал, что мой «маленький туристический бизнес» — это только прикрытие. Основная работа — региональные исследования экспортного потенциала и анализ конкурентной среды. Чего улыбаешься?

— Да вот попытался вспомнить разницу между бизнес-разведкой и анализом конкурентной среды на фоне промышленного шпионажа...

— Язва ты... не вспоминай и не задумывайся... вообще и не углубляйся в эти темы. Одно могу сказать — работаю на российские интересы, а это в мире нравится далеко не всем, а если уж быть совсем точным — всем не нравится. И некоторую... приостающую из этого опасность я не могу игнорировать. Опять ехидно улыбаешься?

— Ничего подобного — просто представил, что я должен поверить твоим словам и провозглашенному патриотизму. Но... но я всё ещё помню из прочитанной художественной литературы про вербовку «под чужим флагом». Понимаешь, Сан Саныч, перед тем как я сам начал писать, за пятьдесят с лишним лет кучу разных книг прочитал, в том числе — детективы про шпионов.

— Ну, нечем мне тебе сейчас доказать свою работу в наших интересах. Была бы связь с миром — договорились бы о том, как тебя убедить информацией из России. Но вышку бурей повредило и связи нет. Вот если бы она была, то, может быть, мне и союзники не нужны были бы, да и со смертью Николая уже сегодня бы прибывшая полиция разбиралась. Не справиться мне одному — мозгов не хватает, а ты все же юрист по образованию.

«Да, — подумал я, — союзники или помощники мне тоже нужны, тем более знающие местные языки. Проверить его слова я действительно никак не могу. Работать он может на кого угодно, но что это для меня меняет в сей момент? Ничего! И

придется довериться. Он, конечно, чего-то боится... Нет, не так, не боится, а опасается».

Однако в слух я произнес совершенно иное:

— Лесть — одно из сильнейших средств воздействия на человека...

— Иди ты к черту! Смерть Николая какая-то странная, и я не понимаю, что происходит. Нужен взгляд со стороны. Я случайно видел, как ты заботливо умыкнул бутылку с остатками колы — после обнаружения тела Сидорова у бассейна. Что хотел найти — отпечатки пальцев?

Я молчал.

— О, черт! — продолжил он. — Только сейчас понял — ведь ты своим ехидством меня провоцируешь. Надеешься, что разозлюсь и о чем-нибудь проговорюсь?

— Ну, это вряд ли — если ты прошел спецподготовку, то я со своим дилетантизмом бессилён против аса, как плотник супротив столяра. Ладно, уговорил — заключаем «Пакт о сотрудничестве». Теперь давай о бутылке. После теплого тропического ливня никаких отпечатков на ней в принципе не могло остаться. На бутылке из-под рома, лежавшей в бассейне, — тем более. Да и были бы там отпечатки — толку-то нам от них... Как без лаборатории и специальных компьютерных программ отпечатки пальцев сравнивать? И самое главное — с чем сравнивать? Кто нам свои отпечатки добровольно предоставит? Никаких подозрений у меня нет — просто хотелось аккуратно колу из бутылочки понюхать. Очень аккуратно... И саму бутылочку осмотреть хотелось.

— Ну и как? Понюхал? Осмотрел? И что в результате?

— Осмотрел... бутылка не из запасов отеля. Думаю, что привезена из Таиланда. Или взята на яхте. Я посмотрел недавно этикетки на нескольких бутылках кока-колы из местного бара — вот одна из них.

Передав булку колы, взятую недавно в баре отеля, я продолжил:

— Сам потом посмотри и сравни тексты на разных этикетках. Но главное не в этом — возле пробки у нашей бутылки есть маленький прокол на горлышке, еле заметил его и задумался... Зачем кому-то что-то понадобилось шприцем в колу добавлять? Идею ловишь?

— Ну вот не зря я искал себе «союзничка». Сразу после «Соглашения о сотрудничестве» и первый результат появился. Думаешь, отравили Николая?

— Есть такая слабая версия. Подтверждать ее нечем — никаких исследований крови и внутренних органов мы здесь не организуем, а пока тело в цивилизованные места будет доставлено, может, все следы уже исчезнут. Да и с мотивом отравления нет ясности. Если оно совершено с целью убийства — то нужны мотив и цель, а также заинтересованное лицо... или лица. Есть, понимаешь ли, «классика жанра» в уголовном праве — четыре обязательных элемента любого преступления — объект, субъект, объективная и субъективная сторона. А еще есть дополнительные или факультативные элементы — мотив и цель, которые иногда очень помогают в установлении субъекта и раскрытии преступления.

— Слушай, — с большим интересом спросил Сан Саныч, — а как ты вообще додумался до поисков прокола в бутылке.

— Понимаешь, советские люди были действительно самой читающей нацией в мире. П еще у меня в жизни были встречи с разными интересными людьми, которые рассказывали разные интересные случаи.

— Ага... интригующее начало — Сан Саныч был в своем репертуаре. — Особенно про любовь к чтению советских людей. Вот с нее и начни.

— Понимаешь, не я один в СССР мог читать детективные

романы из английской жизни. А в одном из детективов рассказывалось о странных происшествиях с юными девушками из хороших аристократических семей. Во время их учебы в итальянском пансионате, под руководством некой графини...

Сан Саныч крепко задумался, а потом уточнил:

— Но основные события того романа развиваются не в Италии, а вокруг одного из лондонских отелей?

Я усмехнулся:

— Ты тоже в глубине души остался советским человеком — начитанным, с хорошей памятью и склонностью к моментальным правильным выводам.

— Ладно, зубы мне комплиментами не заговаривай. У нас тут не отель «Бертрам». Теперь, может быть, перейдешь к случаям из твоей бурной молодости?

Видно было, что Сан Саныч проговорил это автоматически, продолжая думать о чем-то своём. Я согласно кивнул головой и начал:

— Однажды мне показывали бутылку из-под «Советского шампанского» — пустую, но без повреждения пробки или стекла. А я тогда припомнил рассказ, как на одной зоне эки арбуз пробовали и быстро пьянели. Плюс рассказы о клофелинщиках... Знаешь такие фокусы? Выводы сам сделай.

— Ну, после стольких подсказок, — протянул Сан Саныч, — только дурак не догадается, почему ты бутылку после смерти Николая осматривать начал. Арбуз через шприц водкой накачали?

— Спиртом медицинским...

— А шампанское из бутылки шприцом вытянули?

— У меня складывается впечатление, что твоя юность тоже была веселой?

— Не завидуй, — широко улыбнулся Сан Саныч.

Мы помолчали пару минут, а потом я сказал:

— И еще момент — нам надо подумать, как, не привлекая чужого внимания и не давая возможности подслушать наши рассуждения, все это обсудить. И цели для исследования ситуации определить. А шифроваться нам, похоже, очень надо будет...

Сан Саныч внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Согласен с мнением юриста. Осторожность нам не помешает.

— «Да уж»... как говорил герой одной советской кинокомедии. Пойдем завтракать — а потом и думать будем. Думать будем потихоньку-полегоньку.

Верил ли я Сан Санычу? Вера вводит иллюзии в ранг истины. Это хорошая мысль, жаль, что рождена не мною, а кем-то другим в размышлениях по иному поводу и в иных обстоятельствах. Но и мне она сгодится...

Глава одиннадцатая День второй. Последствия ночной бури

*Мудрый человек боится трёх вещей: бури на море,
ночи безлунной и гнева спокойного человека.*

Патрик Ротфусс «Страхи Мудреца»

*Каждый убийца, вероятно,
чей-то хороший знакомый.*

Агата Кристи

Во время завтрака Ван всем сообщил новость, которую я уже знал от него и Сан Саныча, — ночная буря повредила вышку связи, и что-то там еще так неудачно упало, что и ветроэлектрогенератор зацепило. Остров остался без телефонной связи, интернета тоже не было. Ничего трагического — запасов продовольствия и воды хватило бы, как минимум, на месяц. Через шесть дней за нами придет яхта. Понятно, что современный человек жить не может без интернета и телефона, но что прикажете делать, если связи нет? Женщины разволновались больше всех — особенно Инна.

«Ага, — ехидно подумал я, — мужа не сможешь каждый час звонками донимать. Повезло мужику, что на далеком острове вышка связи сломалась».

Во время завтрака я решил еще одну из вчерашних задач — вплотную посмотреть на лицо заинтересовавшей меня женщины. С разрешения Надежды и Ольги я присел к ним за столик, спросил, не возвращался ли Николай после моего ухода, а потом аккуратно перешел к их планам на день. По-моему, никто ничего не заподозрил — ибо как разговаривать с человеком, не глядя ему в лицо?

После завтрака вместе с Сан Санычем я отправился на пляж — искупаться в море и «поразмышлять». Чтобы нас никто не

мог подслушивать, расположились так, чтобы при необходимости было видно лифт и пирс. Легли на полотенца лицом к морю и стали вспоминать разговоры с Николаем Сидоровым на яхте и острове, а также его ссоры с Аллой Петровной в автобусе и на реке Квай. Вспоминали всё, что относилось к Сидоровым, прикинули — могла ли жена быть заинтересована в смерти мужа? После этого замолчали минут на десять, переваривая полученную друг от друга информацию.

— Сам-то что думаешь? — прервал молчание Сан Саныч.

— Да маловато материала для раздумий. Может быть, клофелин в коле? Если добавить его, то цвет не различим будет и вкус в пьяном виде не сразу определишь. А потом уже поздно будет — быстрое снижение артериального давления и возможная смерть даже без утопления.

— Мотив меня смущает, — признался Сан Саныч, — все же убийство мужа — это не супружеская измена, серьезные основания нужны.

— Знал я в жизни нескольких мужеубийц... Один случай навсегда запомнил и даже рассказ про это написал.

— Ты про «Холодок под солнечным сплетением»?²¹ — уточнил Сан Саныч. — Я его успел прочитать. Название привлекло...

— Да. Много еще в памяти всплывает, но сейчас всё это бессмысленно. Что же касается мотивов, то можно подумать над стандартным набором — корысть, месть, ревность. Или над их комбинацией. Конечно, первый кандидат в подозреваемые Алла Петровна. Надоел пьющий муж, как говорила моя бабушка, «хуже горькой редьки», и вдруг возможность подвернулась на далеком острове. Кто тут будет разбираться — отчего пьяный турист умер или как он утонул в бассейне? Но было бы неправильным заикливаться на одной версии. Понимаешь, Сан Са-

21 Рассказ «Холодок под солнечным сплетением» был опубликован еще в 2010 году. Заинтересованные лица могут прочитать его в интернете.

ныч, есть два типа воображения, используемого для выдвижения версий. Не важно каких — научных или исследовательских, следственных или оперативных. Даже для ревности можно применять эти типы воображений. Один тип используется на информации, полученной из разных источников, может быть, даже и не заслуживающих доверия. А другой — тогда, когда информации нет вообще или она заканчивается на определенном уровне. Кто более дорог истории-матери?

— Что предлагаешь? — уточнил Сан Саныч.

— Пока ничего. Давай понаблюдаем денек или два за вдовой, а потом и думать будем. Пока же пойду я и глотну чего-нибудь освежающего — похмельный синдром разыгрался не на шутку.

Я проходил мимо ресепшен-стойки и увидел включенный компьютер, видимо продолжавший свою работу от блока питания. Идея созрела мгновенно, и, обогнув стойку, я посмотрел на экран, затем нашел меню и раздел «passport». Нужную фамилию я уже знал, поэтому быстро щелкнул мышкой, раскрыл файл и, удовлетворенно хмыкнув, быстро распечатал нужный текст. «Да здравствует ликвидация компьютерной безграмотности...» «Рота в школу — за букварь! По безграмотности жарь!» Бережно сложив бумажный лист, я сунул его в карман шорт и пошел в свой домик с твердым намерением выспаться до обеда, а если повезет — то и подольше. Пока не закончится жаркий день...

А денек выдался еще тот — после обеда с крутой винтовой лестницы свалился бармен и сломал себе шею. Но об этом происшествии расскажу позднее. Весь день у наших отдыхающих прошел под впечатлением двух смертей и невозможности выйти в интернет. При этом я не смог бы сказать однозначно, что именно народ угнетало сильнее?

Глава двенадцатая
День второй, до обеда.
Как не надо падать с лестницы...

Все на свете можно исправить, кроме смерти.

Мигель де Сервантес

*Мир дан человеку как загадка,
которую следует разгадать.*

Старая истина

Теперь — с чужих слов и поэтому очень коротко — расскажу про смерть бармена. В это время — до обеда — я вздремнул в своем домике. По словам Вана, тело обнаружили горничные, которые шли на обед. Они тут же развернулись и бросились в кабинет управляющего. Виктор слушал рассказ Вана и коротко кивал в подтверждение.

Бармен лежал у нижней ступеньки крутой винтовой лестницы, соединявшей две площадки на разных уровнях скал. С верхней площадки дорожка уходила к домикам, где жила отельная прислуга, располагались складские помещения и технические службы. Складывалось впечатление, что бармен подвернул ногу или поскользнулся на ступеньке и неудачно упал вниз. Очень неудачно упал — расставшись при этом с жизнью. Вслед за Ваном прибежала и вся остальная обслуга: официанты, повар и кухонные рабочие. И уж потом, услышав крики, к лестнице подошли Виктор, Надежда и Ольга, до этого купавшиеся в бассейне. После осмотра мертвого тела, ахов, охов и суетливых движений, его отнесли в тот же холодильник и положили рябом с трупом Николая Сидорова.

Всё это примерно через час в кабинете управляющего я узнал от Виктора и Вана. Слушая их, размышлял о том, что две смерти за один день — слишком много. Но никаких версий, кроме

несчастливого случая со смертельным исходом, у меня не было. Попытки запомнить имя бармена ни к чему не привели — я тут же забывал его.

Дождавшись, когда Виктор уйдет, я задал управляющему несколько вопросов.

— Ван, ты свой персонал хорошо знаешь? — спросил я.

— Некоторых знаю достаточно хорошо, — ответил Ван, — горничные и два официанта из той провинции, где я жил, — это мои очень-очень дальние родственники — старики попросили взять их на работу.

«Так, с этим всё ясно, — подумал я, — клановость на Востоке великое дело». Вьетнамцы наверняка лично преданы Вану, и вряд ли что-то можно узнать у них без его разрешения. Для них Ван — большой бос и благодетель. Да и не знаю я никаких языков, чтобы самому спрашивать.

— Бармена, поваров и кухонных рабочих, садовника (он у нас «мастер на всё» — и слесарь, и плотник) знаю плохо — только по работе, — продолжал Ван. — Это китайцы, и они были здесь до меня. Техник (он же кладовщик) вроде бы родом с Формозы или из Гонконга, портье и садовник — тайцы из Бангкока, приехали две недели назад, но они и раньше здесь работали — в прошлом сезоне. Мне об этом известно из документов, которые я смотрел при назначении на должность управляющего.

«Китайцы и тайцы, — думал я. — Группы? Не факт. Их может связывать только национальность. Что-то важное они могут Вану и не сообщить. Он для них, может быть, и «не фигура». Где родился техник — Формоза (она же Тайвань) или Гонконг — почему такая неясность? И в целом имеет ли это хоть какое-то значение?»

Ван еще что-то говорил, но я на несколько мгновений отвлёкся и не слушал его. «Что я знаю о преступных группировках Юго-Восточной Азии? Ничего, кроме общеизвестных терминов

— японская якудза²², китайские триады²³, где-то слышал, что «китайская мафия» все продумывает и планирует на много лет вперед, что она «не живет только сегодняшним днем». О «вьетнамской мафии» читал когда-то в российских газетах, но это было двадцать лет назад. А ведь абсолютно в каждом государстве Юго-Восточной Азии есть свои этнические преступные организации, поэтому надо помнить про Малайзию, Филиппины, Тайвань и еще множество стран. Пожалуй, надо с Сан Санычем обговорить этот вопрос. Интересно, а из какой провинции Ван?»

— Ван, — сказал я, — ситуация неясная... Попробуй собрать максимум информации от своих подчиненных. Но только очень осторожно. Начни с земляков. Аккуратно и осторожно. Понял?

Ван кивнул, подумал и сказал:

— Извините, можно Вам вопрос задать?

— Валяй, — спокойно ответил я.

— Только, пожалуйста, Вы не обижайтесь... Я ничего плохого не думаю.

— Давай, прыгай с обрыва, — доброжелательно подбодрил я Вана, хотя внутренне напрягся, — не до обид сейчас...

Ван еще помолчал, а потом выдавил из себя:

— Я случайно видел, как Вы возле ресепшен-стойки с компьютера копию паспорта распечатали. Потом посмотрел этот файл...

Вот это было для меня полной неожиданностью. Так-так-так... Ван знает, что я распечатал файл с паспортом Надежды Владимировой. Надо выкручиваться — если Ван меня в чем-то начнет подозревать, то помощи от него не дождешься. Чтобы такое на скорую руку «слепить»?

22 Якудза — участники традиционных японских преступных групп. Нередко их именуют гокудо или силовыми группировками. В современном мире якудза относятся к самым крупным организованным преступным организациям.

23 Китайские триады — самая древняя, и при этом крупнейшая, группировка мирового этнического бизнеса. По мнению экспертов, самая организованная мафия в мире.

— А, ты про это... Красивая женщина, согласен? — небрежно заметил я. Всегда надо вызвать согласие в результате первого вопроса.

— Да, — ответил Ван, но в его голосе чувствовалось напряжение.

— Вот я и решил собрать о ней немножко информации, прежде чем начать ухаживание. Человек я холостой, красивые женщины мне нравятся, но возраст с Надеждой у нас разный... к моему великому сожалению. Да и про замужество хотелось узнать не с ее слов, а из штампа о регистрации брака в паспорте... или отсутствии такового... Замужняя женщина — это все-таки особый статус. И если она замужем — то ни к чему мне приключения «на старую задницу». Ван, не бери лишнего в голову, — доверительно сказал я, — нет в моих действиях ничего аморального, безнравственного или преступного. Только интерес к красивой женщине. Кстати, хорошо, что ты про это вспомнил, — потом сбрось мне на телефон сканы всех паспортов наших туристов — посмотрю на досуге.

Ван кивнул. Поверил ли он мне? Не знаю. К тому же в спешке я лопухнулся со страшной силой. Какие отметки о браке в зарубежном российском паспорте? Нет их там и быть не могло. Лопухнулся... Вот что значит отсутствие толковых заготовок на разные случаи жизни. Показалось, что Ван с определённым недоверием отнесся к услышанному от меня. Ну и чёрт с ним! Есть проблемы поважнее. Не верилось мне в случайное падение бармена с крутой лестницы — тут было что-то иное...

Может ли быть смерть бармена как-то связана со смертью Николая?

«Надо пойти и самому посмотреть на лестницу, с которой так неудачно свалился бармен, — решил я, — а заодно и побродить в местах, где живет отельный персонал. Туда я еще не ходил». Но и это оставим на потом. О своем здоровье нужно немного подумать.

Глава тринадцатая

Вечер второго дня. Длинный рассказ про отпечатки пальцев

*Черта ловят на жужалку,
фраера — на зажигалку.*

Поговорка

*Все подставляют...
Одни — плечо, другие — подножку,
а третьи — только и знают,
что подставляют...*

Наталья Розби

Кто и как провел день, я не знаю. Наверное, некоторые отдохали, а кто-то, может быть, и работал. Перед заходом солнца мы стояли с Сан Санычем на нижней террасе.

— Давай еще кое-что обговорим, — я помолчал немного, формулируя предложение. — После того как все поужинают и возле бара возьмутся за напитки, начну свои «воспоминания в большой компании». А ты сначала поддержи разговор, а потом внезапно прерви его — после того как скажу сигнальную для тебя фразу. Вдова не выглядит слишком уж печальной и наверняка присоединится к вечерним посиделкам. Объяснит людям что-нибудь в духе «мне сейчас так тяжело», «не хочу оставаться одна» и тому подобное... Ван вечером, наверняка, тоже к нашей компании примкнет. Что ему скучать в одиночестве?

— Эк ты как сурово про безутешную вдову. Не веришь в искренность ее горя и переживаний?

— А какие у меня есть основания верить ей? В каждой женщине живет актриса — и она может изобразить все, что угодно. Видел я ситуации супружеских измен... до и после которых женщины блестяще играли роль верных жен. Если

бы Станиславский так рано не умер, то он бы громко кричал: «Верю!»

В знак согласия со мной Сан Саныч кивнул. Видимо, и он мог привести подобные примеры. Мы обсудили варианты развития событий и уточнили некоторые детали.

— Про пиво ты хорошо придумал, — задумчиво сказал Сан Саныч, — тряхнем стариной, поухаживаем за дамами.

— Да, вот еще один момент... Если я правильно предвижу развитие ситуации, то нам вдвоем... а еще лучше, втроем, надо будет потом заглянуть в мой домик. Дверь домика оставлю открытой, хотя это и не в моих привычках. Переговори с Виктором... У тебя вроде бы с ним хороший контакт установился?

После ужина быстро темнело, но фонари хорошо освещали всю площадку между рестораном, баром и бассейном. Мы сами передвинули столы полукругом возле бассейна и взялись за пиво и вино. Сан Саныч сел рядом с Надеждой и Аллой Петровной и, соболезнуя вдове, постоянно наливал ей «Little Creatures Pale Ale». А она — чувствуя мужскую заботу — отгаивала душой и телом... Хотя время от времени и напускала на себя скорбь, видимо, вспомнив о смерти мужа.

Надежда тоже не осталась без внимания, но она практически ничего не пила — так и провела весь вечер с одним бокалом вина. Виктор сидел между Ольгой и Надеждой. Они разместились слева от меня, а Инна, Ван, Бажена и Костик — справа. Я специально занял место в центре, чтобы был максимальный обзор. Естественно, разговор зашел про смерть бармена, и почти каждый высказывал свое мнение — был ли это несчастный случай или кто-то помог бедняге удариться при падении с лестницы. Основной вопрос занимал мысли присутствовавших — как это можно выяснить?

Алла Петровна, Надежда, Ольга и Бажена считали, что смерть

наступила в результате несчастного случая. Сан Саныч и Виктор допускали, что это может быть убийством, замаскированным под падение с лестницы. Костик промолчал — видимо, своего мнения на это счет у него не было.

А вот Инна, без всякой видимой связи с ранее сказанным, вдруг заявила, что мы все здесь умрем, что всех нас убьют. На неё с удивлением посмотрели несколько человек, но промолчали. Однако Инна не унималась, почти истерически повторяя:

— Вспомните «Десять негрят» Агаты Кристи... одинокий остров... Вспомните... там все тоже сначала думали, что происходят несчастные случаи. А потом все умерли... всех убили...

— Но мы-то не совершали никаких преступлений, — спокойно заметила Надежда, — и нас тут никто не собирал, каждый сам приехал.

— Уж если говорить о повести Агаты Кристи, так только отрезанный от мира остров может напомнить этот сюжет, — уточнил я.

— Вот-вот, — нервно вскрикнула Инна, — остров, с которого никто не может выбраться, и никто не узнает, как мы умрем! Телефоны не работают, интернета нет... что муж делает, неизвестно, а я тут одна...

Наступило молчание. «Вот она... тягостная неизвестность, — мысленно ухмыльнулся я, — самое волнующее для Инны — что муж делает». Трагедия, однако! Но вслух комментировать слова Инны, конечно, не стал.

Покрутив в руке почти полный бокал сухого вина, я начал заготовленную днем речь:

— Большинство людей, нарушивших закон, — я не имею ввиду профессиональных преступников — перед совершением преступления не продумывают его детали и способы сокрытия улик. Тем более, если преступление происходит внезапно,

даже если раньше были мотивы к его совершению. Поэтому достаточно большое количество преступлений все же раскрывается по оставленным следам, чему подтверждением являются наполненные тюрьмы, а также исправительные лагеря.

Сан Саныч легко подыграл мне:

— Ты, Петрович, как-то иллюстрировал бы свои заявления. А то ведь не у всех из нас есть опыт совершения нераскрытых преступлений.

— Да и у меня нет опыта совершения преступлений — вообще никаких — ни раскрытых, ни тайных. — Я широко улыбнулся. — Но все вы легко можете привести множество примеров из книг и кино. Ну, например, в результате изнасилования в теле жертвы остаётся сперма. Сто лет назад насильника определяли по группе крови, потому что любые выделения конкретного человеческого организма — кровь, сперма, слюна, пот, слезы и так далее — всегда одной группы, совпадающей с группой крови. А сейчас — при современном развитии генетических исследований — вообще нет проблем. Нынче даже потожировые выделения на отпечатках пальцев дадут ответ на вопрос — кто их оставил. И заметьте — это можно сделать, даже если сами отпечатки не поддаются идентификации. А при контакте преступника с жертвой, например при драке, на одежде или теле каждого из них остаются микроследы. Например, частицы ткани или волокна шерсти, волосы или пыль с одежды.

Сан Саныч опять подхватил:

— Или частицы кожи под ногтями женщины, которая сопротивлялась убийце или насильнику...

Тут раздался голос возмущённой Надежды:

— Да хватит вам про изнасилования и убийства, слушать про это противно. — Она передернула плечами. — Уж если завели свои дурацкие разговоры про преступность, так хоть какие-то другие примеры найдите.

Я промолчал, а Сан Саныч резонно ей возразил:

— Про изнасилования, конечно, можно и не заводить речь. У нас тут, слава Богу, никто никого не насилует, и некоторые добровольно на всё согласны. Это я про себя, — он сделал это уточнение с самой обаятельной улыбкой. — Но как-то мне не очень верится, что обошлось без убийств на этом проклятом острове. Вы что, все верите в несчастные случаи, которые вдруг повалились на наши головы? Я не верю и очень не хочу стать очередной жертвой такого «несчастливого случая». Тут я с Инной согласен про «Десять негрятят» — там будущие жертвы действительно думали сначала, что несчастные случаи происходят...

Помощь «напарника» была вполне своевременной и уместной, и я продолжил, сделав ему успокаивающий жест:

— Сан Саныч, не кипятись. Женщин можно понять — им тоже не по себе после двух смертей за одни сутки... при невозможности убраться с этого поганого острова. Понятно, что по домикам сидеть в одиночку с вечера до утра тоже нет особой радости. Может быть, и хорошо, что мы все здесь на виду друг у друга и спокойно разговариваем. Но мне хотелось бы рассказать про отпечатки пальцев, как пример, подлинную историю из далеких восьмидесятых годов прошлого века.

У моей первой жены была тетья, а муж тети руководил городскими производственными мастерскими Всесоюзного общества слепых. Были такие общественные организации в Советском Союзе — предоставляли работу инвалидам. Но это я так, к слову. Пример про другое, конечно. Директор этот — муж тети моей жены — мне родственником не был, но добрые отношения мы всё же поддерживали. И вот однажды пришел он ко мне посоветоваться — что делать? Завелся у них в организации мелкий вор — таскал у женщин из сумочек деньги во время обеденного перерыва. Не много — по три или пять

рублей, и не часто — как удавалось. Наверное, сейчас можно приравнять это к сумме в три или пять тысяч рублей. Впрочем, не в конкретных суммах дело.

Я сделал глоток вина, посмотрел на присутствующих и продолжил:

— Нравы в тех мастерских были простые — двери кабинетов и производственных помещений не закрывались, женщины сумочки оставляли на рабочих местах — одним словом, бери не хочу. Естественно, крал ворюга, когда никто его не видел. Кроме того, учтите, что там большинство работников было либо совсем слепые, либо слабо видящие. И если даже кто-то проходил по коридору и видел подозреваемого, выходящего из чужого кабинета, то свидетельствовать об этом не мог.

«Что делать?» — спрашивал мой полу-родственник, он же директор мастерских. Я уточнил — заявлял ли он о кражах в милицию. «Нет, — ответил директор, — просто переговорил с начальником милиции перед каким-то совещанием в городском комитете КПСС, а тот объяснил, что кража трех или пяти рублей не образует состава преступления». Понятно, что соврал ему начальник милиции — не хотелось ему статистику портить несколькими нераскрытыми кражами. С одной стороны — какие доказательства найдешь, если полгода назад в рабочем кабинете из дамской сумочки три рубля исчезло? С другой стороны — если преступления не раскрывать, так они сами не раскроются. Как известно, забор сам себя красить не будет.

Вобщем, я предложил директору организовать общее собрание трудового коллектива, пригласить участкового инспектора рассказать о кражах и о возможностях дактилоскопической экспертизы — как о способе обнаружения преступника по отпечаткам пальцев, которые он оставил на месте совершения преступления. Дело в том, что тогда были в моде женские кожаные сумочки, покрытые лаком. А на таком покрытии

отпечатки пальцев отражаются так же хорошо, как на бумаге, стекле или пластиковых бутылках.

— А, я понял, — почти весело заявил Сан Саныч, — так вот для чего ты утром уволок бутылку из-под колы от тела Николая и держишь её в своем холодильнике. Хочешь потом в полицию отдать ее для выявления отпечатков?

— Ну, не только для обнаружения отпечатков, — сказал я неторопливо, — там ведь в остатках колы может еще что-то содержаться. Вдруг его кто-то отравил — пусть полиция все проверит. Если бы на острове случилась только одна смерть, то, может быть, и не надо таких подозрений...

Никто не заметил несурзанности и отсутствия логики в моих словах — то, что смерть Николая была первой, и никто, в том числе и я, когда утащил бутылку, о случившейся днем гибели бармена еще и думать не мог.

Однако ключевая фраза уже была произнесена, и Сан Саныч торопливо перебил меня словами:

— Подожди, не рассказывай дальше, я в бар за пивом схожу. Кому пива?

Алла Петровна поддержала его:

— Да, Олег, не рассказывай без меня — я сейчас к себе в домик схожу, чтобы было место для нового пива, да шаль возьму, что-то прохладно стало. Сан Саныч, принеси мне темного...

Виктор встал, потянулся и сказал:

— Да и я, пожалуй, перед новым пивом к себе в домик загляну.

Они ушли по крытой галерее к своим домикам, а за столиками остались Надежда, Ольга, Инна и Бажена, Костик и я.

— Олег, ты бы лучше про своих жен рассказал — это было бы гораздо веселей и полезней, — с улыбкой сказала Надежда.

— О своих женщинах никогда ничего не рассказываю, — ответил я, — тут у меня принципы и пунктик. А вот о других могу до утра...

— Олег, ну ты хотя бы о количестве жен скажи, — Бажена поддержала Надежду, а Ольга с явно выраженной ехидцей добавила:

— Романтический наш многоженец...

Мы еще немного пошутили на темы многоженства и приистекающего из него неудобства. Я вспомнил, что, согласно Корану, мужчина, имеющий меньше четырех жен, подобен ленивому ослу.

Но разговор был прерван — Сан Саныч вернулся, как мне показалось, через две или три минуты, но без пива. Он незаметно кивнул мне. Тут же появился и Виктор.

— Так, девушки и ты, милый вьюноша, — вставая, сказал я, — поскучайте немного, мы надеемся на сюрприз. Ван, побереги женщин и не давай им скучать.

Все сидевшие с удивлением посмотрели на меня...

Глава четырнадцатая Вечер второго дня. Результаты «подставы»

*У подлости «ранимая» душа
И томный взгляд безропотной газели...
И всем была бы маскировка хороша,
Кабы не знать, чьё мясо кошка съела!*
Римма Хафизова

*Казалось бы, ложь — дело простое и доступное каждому,
а между тем ни разу мне не приходилось видеть лжеца,
который удачно соврал бы три раза кряду.*
Джонатан Свифт

А мы втроем — Сан Саныч, Виктор и я — устремились в мой домик. Я толкнул дверь и включил люстру под потолком — у открытого холодильника с бутылкой колы в руке стояла Алла Петровна, ослеплённая внезапным и ярким светом. И вечер перестал быть томным...

— Бутылку ищите? — ехидно уточнил я. — После пивка колы захотелось?

Мы зашли и прикрыли за собой дверь. Алла Петровна быстро поборолла смущение и начала говорить, что она случайно зашла ко мне, ошиблась, мол, дверью, в расстроенных чувствах... домики одинаковые, выключатель не нашла, «пиво в голове плещется» и «все такое прочее».

— Дура ты, Алла Петровна, — крайне невежливо и сурово сказал Сан Саныч, — и трезвая ты дура, и пьяная. Есть такая старая поговорка: «Дай дуру член стеклянный, она и член разобьёт, и сама порежется». Не было твоих впечатков на этой бутылке, а теперь есть.

«Вай, какой маладэц, Сан Саныч! — Я мысленно аплодировал ему. — Как он роль злого следователя красиво играет. Выбил дух у Аллы Петровны с одного замаха!» А поговорку про стеклянный член надо запомнить.

— Как не было? — было видно, что Алла Петровна растерялась еще больше. Она уставилась на бутылку в своей руке.

— А вот так — смысл все отпечатки ночью тропический ливень, — Сан Саныч был неумолим, — а теперь они снова есть. И еще я помню, как Николай надеялся тебя пережить. Помнишь тот разговор на реке Квай?

— Сволочи, — зло прошипела Алла Петровна, — гаденыши, провокаторы поганые, — руки ее нервно мяли пластиковую бутылку, потом она открутила пробку и вдруг рванулась на балкон с резвостью, неожиданной для ее оплывшей фигуры. Открыв дверь, она швырнула бутылку. Почти тут же послышался всплеск воды в бассейне, который был в нескольких метрах от моего домика.

— Хрен вам, а не мои отпечатки, — Алла Петровна теперь злорадно улыбалась, — хрен вам, а не анализы остатков, хрен вы что докажете, детективы доморощенные, мудаки...

Точности ради надо сказать, что Алла Петровна употребляла гораздо более грубое выражение, чем «хрен вам», и материлась она еще довольно долго.

Мы присели: я — на крутящийся стул возле письменного стола, Сан Саныч и Виктор — в кресла. И спокойно слушали это извержение словесного вулкана. Третье кресло оставалось свободным. Алла Петровна по-прежнему стояла возле балконной двери. Я наблюдал и молча фиксировал ее вегетативные реакции — лицо покраснело, губы дергались, дыхание было учащенным. Сан Саныч и Виктор тоже не сводили глаз с Аллы Петровны.

Когда она выдохлась, я предложил:

— Алла Петровна, закройте дверь на балкон — у бассейна Вас сейчас слушает куча свидетелей. И уж они-то слова про то, что мы ничего не докажем, вряд ли забудут. Присядьте — вдруг разговор долгим будет...

— А если кто-то забудет, так напомним, — сказал Сан Саныч

и включил свой телефон. Диктофон прилежно воспроизвел крики Аллы Петровны: «Хрен вам, а не мои отпечатки, хрен вам, а не анализы остатков, хрен вы что докажете, детективы доморощенные, мудаки...».

Она продолжала стоять, злобно глядя на нас. Но больше не материлась.

— Алла Петровна, насколько я понял из Ваших ранних рассказов, ни Оксфорда с Кембриджем, ни Сорбонны или Гарварда Вы тоже не заканчивали. Откуда же такое пренебрежение к советскому образованию? Все мы доморощенные... Но нас ведь и дома хорошо учили. К примеру, я в 1981 году закончил лучший юридический вуз СССР — Свердловский юридический институт. Вы что, серьезно решили, что я вещественные доказательства буду в холодильнике держать, ожидая Вашего визита в мой домик? Какая наивность! Огорчу я Вас — бутылка, которую Вы так поспешно бросили в бассейн, к смерти Вашего мужа не имеет никакого отношения — я утром пил из нее и не умер. Обычная бутылка из местного бара. Подставил я Вас, неутешная вдова... «Черта ловят на жужалку, фраера — на зажигалку». Если Вам скрывать нечего — зачем пошли сюда? Зачем Вам понадобилась бутылка колы в моем домике? Ведь никто из слушавших рассказы про кражи денег у слепых и отпечатки пальцев, кроме Вас, не заторопился к моему холодильнику. В теории доказательств это называется «улики поведения».

— Кроме того, Ваше поведение после смерти Николая уж никак не было похоже на безутешность вдовы, прожившей с любимым супругом больше сорока лет, — дожал подозреваемую Сан Саныч.

Алла Петровна отошла от балкона, рухнула в кресло и разрыдалась... Я встал и закрыл балконную дверь.

Через полчаса мы почти всё знали о тяжёлой жизни супругов Сидоровых, и наши подозрения о насильственной смерти

Николая лишь укрепились. Она действительно шприцом что-то вкачала в бутылку колы... Уверяла, что это было снотворное, чтобы Николай быстрее лег отдыхать и заснул. А он пошел купаться...

Аудиозапись с признанием Аллы Петровны Сан Саныч начал копировать на мой телефон, а Виктор, по моей просьбе, пошел проводить обессилевшую Аллу Петровну в её домик. Вскоре он вернулся.

— Не завершит она в одиночестве «свой путь земной»? — спросил его Сан Саныч.

— Да и хрен с ней, — равнодушно ответил Виктор, — не понимаю я таких баб. Ну, не живётся — так разведись. Ничто не мешает — дети давно взрослые, скоро уж внуки сами жениться будут. Убивать-то мужика зачем?

Он вышел на балкон, глянул на бассейн и спросил:

— Ну что, пойдём к вечернему столу? Никто не разошелся, и все явно с большим нетерпением ждут наших пояснений.

— Подожди, Виктор, — сказал Сан Саныч и повернулся ко мне: — Скажи, а что она, по твоему мнению, вкачала в бутылку и почему у тебя вообще такая мысль утром появилась?

— Сан Саныч, ты должен знать известное двустишие — «Раньше были времена, а теперь — мгновения... Прежде подымался член, а сейчас — давление». У меня до шестидесяти лет давление было как у космонавта: 120 на 80... А потом пришла пора разбираться в прописанных врачами лекарствах. Припомни наши разговоры за столиком на реке Квай — Алла Петровна сообщила, что препараты на основе клонидина ей помогают от давления...

— Помню такой разговор, — кивнул Сан Саныч, — она тогда все мозги нам запудрила — как надо правильно лечиться. Ну и что?

— А то, что у тебя здоровье хорошее. И что такое —

повышенное артериальное давление, ты пока не знаешь. Потому что в другом случае ты бы легко вспомнил, что клонидин — это основное действующее вещество в клофелине... Дальше надо разжевывать?

— Клофелинщицы мужиков так вырубают, а потом обворовывают! — воскликнул Виктор. Вместе с алкоголем это «убойная доза» — часто смертью жертвы заканчиваются такие отравления.

— Ну, это пока только мои домыслы, — сказал я, — и вряд ли теперь мы найдем у Аллы хотя бы одну ампулу или таблетку клофелина. Наверняка все уже смыто в унитаз. Тут нужны лабораторные исследования крови потерпевшего. Ну, а сейчас всё же пойдёмте успокаивать женщин и бедолагу Вана.

Разговоры в баре затянулись до поздней ночи — кто-то ахал и повторял «Да не может быть!». Кто-то успокоился, услышав про мотив Аллы Петровны, понимая, что для них опасности с её стороны нет.

— Это правда, что, по статистике, женщины живут дольше мужчин, — сказала Надежда перед уходом на покой, — но не все, а только вдовы.

В общем, успокоились почти все... кроме меня. И как-то крепло ощущение, что все это «только цветочки». «А ягодички будут впереди»...

Глава пятнадцатая

День третий.

Милое общение в маленьких бассейнах

*Время от времени следует говорить глупости,
это способствует созданию теплой
дружеской атмосферы.*

Макс Фрай. Лабиринты Ехо

*Чтобы сблизиться с человеком —
нужно хоть однажды побеседовать
с ним с глазу на глаз.*

Иван Тургенев. Накануне

Тень одной из вершин днем закрывала от прямых солнечных лучей мини-бассейны, предназначенные для вечерней медитации с видом на заходящее солнце. Я погрузился в один из них, надвинул на лицо свою новую оранжевую шляпу и предался размышлениям. Две смерти за один день... многовато для маленького острова. Один великий криминалист как-то сказал: «Один раз — это один раз. Два раза — это два раза. Но три и более — это уже система». Так здесь есть система или это совпадение дурных случайностей? Будь я сторонним наблюдателем, то обязательно заметил бы ехидно про еще один труп «в райском уголке». Но роль стороннего наблюдателя мне уже не грозит. Есть мнение умных людей, что если человек попадает в поток событий, то случайностям уже нет места. Полностью с такими взглядами согласиться не могу, но и факты отрицать тоже было бы глупо. Почему-то вспомнилась вчерашняя картинка — паутина между кустами и паук... и какая-то букашка, застрявшая в сети. И тут же пришла неожиданная мысль: «А что лучше — быть пленником или путешественником по сети?» Хотя бывают иногда путешественники поневоле... и

это — судьба почти каждого. Вот сплести сеть — совсем другое дело, это удел немногих. И некоторые плетут свои сети... Для одиноких и беззащитных букашек.

Услышав шаги, я поднял шляпу и посмотрел — к бассейнам подходила Ольга.

— Не занят бассейн? Можно я тоже полежу здесь? — спросила она.

— Да ради Бога!

Ольга стала раздеваться — сняла блузку и юбку, в которых была во время обеда, и осталась в закрытом купальнике, который, впрочем, почти ничего не закрывал. «Хороша холера», — подумал я, вновь прикрывая лицо шляпой.

Девушка легла в бассейн и началась «милая беседа»:

— Ты правда в детстве много читал?

— Да, очень много, — я снова снял шляпу, потому что джентльмену неприлично было бы разговаривать с девушкой, не обнажив головы и не показывая лицо. — В пять лет как научился читать, так до сих пор не могу остановиться.

— А знаешь такое произведение — «Эзоп. Лиса и виноград».

— Да, конечно. И спектакль смотрел, и саму пьесу читал... правда, только в переводе на русский язык. Лет пять или шесть назад.

— А что ты еще читал?

— Да практически всё, до чего в детстве и юности дотягивались руки... Сказки и фантастику разную, включая Станислава Лема, советские и зарубежные детективы (если такие попадались), детскую литературу и «Книгу для родителей» Антона Макаренко, «Рассказы о животных» Сетон-Томпсона и военные приключения, Пушкина и Гоголя, журналы «Вокруг света», «Огонек», «Наука и жизнь», «Человек и закон», «Здоровье» и «Работницу», которые выписывали родители, и еще кучу всяких разных книг, брошюр, газет и журналов.

— Я даже названий таких не слышала.

— Дитя другой эпохи... Ты в 90-м или в 91-м родилась?

— В какой-то старой книге читала, что раньше было неприлично спрашивать у женщины про возраст, — с усмешкой проговорила Ольга.

— В моем возрасте уже всё прилично. Ты закончила школу и университет — это раз. Значит, считаем, что при нормальной ситуации не может быть возраст меньше, чем 22-23 года, а скорей всего — 24. Где-то работала, набираясь опыта, — это два. Прикинем еще от двух до пяти лет. Получается от 25 до 29 лет. Плюс — внешний вид... Младше моей дочери лет на десять, и лет на пятнадцать старше внучки. Это — три. Значит, раза в два меня моложе. Угадал?

— Почти. А сколько у тебя детей?

— Сын и дочь... от первой жены. Не всегда же я страдал импотенцией. Про жен не спрашивай — никогда про женщин не распространяюсь.

— То есть до и после жен у тебя тоже были женщины? Пока импотенция не поразила в самое важное? — ехидно уточнила собеседница. — Ты, когда напьешься, всем рассказываешь про свою импотенцию? Ну, там... про то, что «вам, старым импотентам, это всё это уже не интересно».

— Ага... Это боль моей молодой души и старой плоти, проявляемая алкоголем. Но Вам-то, юная леди, зачем знать интимные подробности моей жизни? Давайте лучше поговорим об искусстве или о литературе.

— Давай. Ты правда коллекционируешь современную живопись и графику?

— Правда. И еще немного — советское бытовое стекло и керамику, но это сравнительно недавно. И выставки устраиваю, и статьи пишу о работах из своей коллекции и о друзьях-художниках. Всё без обмана. Был бы интернет — показал бы тебе свои страницы в соцсетях.

— А еще ты писатель — мне Сан Саныч за завтраком сказал. Вчера слушала тебя очень внимательно, а сегодня вместе с Надеждой расспрашивала Сан Саныча о тебе. Станный ты какой-то... точнее, не совсем обычный. Я таких раньше не встречала...

— Обычный советский человек, продукт поздней «тоталитарной эпохи», вошедшей в стадию разложения. Когда ты родилась, такие, как я, начали вымирать... а перед этим еще была «перестройка-перестрелка», борьба с пьянством и еще много веселого и разного. Поэтому ты и не встречала таких — типаж только в провинции сохранился.

Мог бы еще добавить что-нибудь в духе «человек из раньшего времени, теперь таких нет, а скоро и совсем не будет». Но зачем? Это я раньше при необходимости обаяния соловьем разливался... Но теперь «это все в прошлом». Мой внутренний монолог Ольга прервала неожиданным вопросом:

— Я не про то... Кстати, ты заметил, как тут к тебе другие относятся?

— Нет. Думаю, что тут каждый собой занят или интересуется «лицами противоположенного пола». Бажена вон на краю бассейна второй день очень тщательно гимнастику делает, когда мужики рядом. Наклоняется, что бы все видели ее достоинства ниже спины, включая ноги. Но на что там смотреть, кроме дурацких татуировок? А мужики упорно глазеют на тебя и Надежду.

— Дура она... Неудовлетворенная... А ты?

— А что? Я по определению не могу быть «неудовлетворенной душой». Или ты про «глазею ли я на тебя и Надежду»? Конечно глазею — эстетическое удовольствие могут получать даже такие старцы, как я...

Замаскированный комплимент Ольга проигнорировала. Может быть, потому, что он распространился и на Надежду?

— Знаешь, что я заметила?

— Поделись, милое создание...

— Инна специально держится подальше от тебя. Виктор и Надежда очень внимательно слушают и постоянно приглядываются к тебе, но стараются делать это незаметно. Вот у Сан Саныча всё это вполне естественно происходит.

— Очень интересно, — хмыкнул я, — надеюсь, что они приглядываются без эротического подтекста. Я, знаешь ли, эти «европейские ценности» и «светлую любовь» между мужчинами не признаю. И пусть либералы и демократы меня клеймят за отсутствие сексуального интереса к своему полу. Был... и остаюсь по психологическому типу ярко выраженным гетеросексуалом.

— А Надежда?

— Что Надежда?

— К ней есть интерес?

— Милая девушка, не хочу никому наносить психологические травмы — ни ей, ни себе. «Ту женщину вовек не позабудешь, с которою не вышло ничего...».

— Это не Шекспир?

— Не знаю, — в интернете как-то прочитал и запомнил. — И нет у Надежды ко мне сексуального интереса — я бы уловил. Однако ты еще про других ничего не сказала.

— Бажена после вчерашнего на тебя обратит внимание только тогда, когда исчезнет у неё надежда других очаровать своим скелетом...

— Добрая ты девушка, и речь твоя очень образная. Не боишься, что она тебя, как конкурентку, замочит — на почве ревности?

— Пока нет.

— Про отношение Бажены с твоим мнением полностью согласен. «На все сто», как говорил Иван Бездомный. Я у

неё сейчас — в конце списка, если вообще вхожу теперь в список. Хотя количество российских мужиков на этом острове сократилось, но ведь есть еще азиаты. Они тоже трахаться умеют... Мне показалось, что после вчерашних танцев с Виктором и Сан Санычем она сильно раскраснелась? Или ошибаюсь?

— Не знаю — я на нее не обращаю внимания. А про какой список ты говоришь?

— Да это я так — фигурально выражаюсь... про условное обозначение очереди, в порядке которой такие, как Бажена, мужиков фильтруют. Была у меня в Турции занятная история лет пятнадцать назад... с такой же «худощавой Баженой».

— Расскажи.

Ну вот еще... На кой хрен ей рассказывать, как на турецком побережье в полночь девушка зазывала к себе в отельный номер посмотреть на купленный ею наряд «для танца живота». Еще бы рыбок звала кормить... прямо в консервных банках. Сколько же мне тогда годочков было? Нет, о женщинах — или хорошо, или ничего... кроме правды. Но сейчас я деликатно промолчу и уклонюсь от продолжения этой темы.

— Может быть, как-нибудь позднее. А сейчас лучше я тебя послушаю — очень, очень интересные вещи рассказываешь. Но ведь есть еще и другие...

— Ну, то, что Алла Петровна на тебя теперь волком смотреть будет, это понятно. Хотя раньше вроде бы и на тебя она с интересом поглядывала. — Ольга помолчала. — Сан Саныча я не пойму. Ваши долгие разговоры наедине многие заметили.

— Чистое общение — без всякой сексуальной основы, — шуточно ответил я.

— Ну, это понятно... А почему ты от разговоров с Надеждой уклоняешься?

— Я? Уклоняюсь от разговоров с красивой женщиной?

Наглая ложь и циничная клевета. Да это же всё, что мне в жизни осталось! На седьмом небе от счастья, когда есть возможность пообщаться с красивой женщиной!! Млею и таю!!! Вспомни, как я к вам за столик перед завтраком подсел...

— Разговоры разговорам рознь... я наблюдала за вашим общением пару раз.

Тут я внимательно посмотрел на Ольгу, и она чуть заметно смутилась.

— Милая девушка, Вы в банке где и кем работали? Не в службе ли безопасности? Под предводительством какого-нибудь аса невидимых фронтов?

— Нет, я работала в аналитическом отделе.

— Ага, а в аналитики Вас взяли за стройные ножки и красивую фигурку? Или за мозги и навыки?

— По совокупности указанных факторов. Ты не думай плохо — я ведь еще после университета проходила психологические курсы и подготовку как потенциальный кризис-менеджер. Там много интересного рассказывали.

— Что такое «зеленый шантаж»?

— Проверяешь? Это ситуация, при которой фирма, пытаясь предотвратить поглощение, предлагает агрессору выкупить акции по цене выше рыночной.

— Молодец. А с мужем из-за чего разошлась?

От неожиданного вопроса Ольга растерялась и молчала довольно долго:

— Ну... разлюбила — разошлась. Что мне жизнь молодую на козлов зря тратить?

— Он жив? Бывший муж...

— Да ты что! Конечно жив, здоров, теперь спокойно трахает юных девиц, правда, дождавшись, когда им 18 лет исполнится. Как это у вас называется — «кризис среднего возраста»?

Я проигнорировал вопрос о кризисе.

— И здесь ты никого не грохнула?

Ольга занервничала, и это было хорошо видно.

— Ты это, вообще, о чем?

— Шучу...

— Не надо так шутить, — серьезно сказала она, передёрнув плечами, — и так тошно. Я же тебя не подозреваю ни в чем.

— Да пошутил я, пошутил...

Ты ушла, но жизнь не оборвалась.

Значит так тому и быть!

Сколько не целованных осталось,

Что тебя сумеют полюбить...

— Это что? — спросила Ольга, слегка наморщив лоб.

— Песня такая, — отмахнулся я. — У меня сейчас другая мысль появилась — как тошноту твою развеять. В смысле применения аналитических способностей... Понимаешь, какая ситуация — люди не всегда слышат то, что им говорят. А иногда слышат, но не понимают. Или не так интерпретируют то, что им неправильно или с ошибкой было сказано. Помню, лет десять назад прилетел я в Китай, точнее — в город Далянь, расположенный в северо-восточной части страны, на берегу одного из заливов Желтого моря. Это бывший российский порт Дальний, не очень далеко от Порт-Артура. Встречает меня в аэропорту гид-переводчик, симпатичная молодая китайка, и с ходу предлагает перечень развлечений для туристов: экскурсии, цирковое представление, поездку на минеральные источники, морское путешествие... Ну, в общем, полный набор. А также предлагает посещение магазина контрабандных товаров. Я благоразумно отказался — только историй с контрабандой мне и не хватало в Китае для полного счастья.

— Испугался?

— Нет, но «на хрена козе баян»? Посмотри в мои честные очки и честно скажи — где я и где контрабанда? Но гид не

унималась — расписывала, какие там фирменные дорогие часы, французские духи, компьютеры и «прочую технику» можно по дешевке купить — в десять или двадцать раз дешевле.

Я, естественно, удивляюсь такой настойчивости и нравам китайских торговцев — она же меня первый раз в жизни увидела двадцать минут назад и уже предлагает для покупки контрабандные товары...

В конце концов мне стало интересно, и путем многочисленных вопросов выяснил у гида, что речь идет не о контрабандных товарах, а о контрафактных! Их продажа тоже нарушение законов, но в Китае на это власти закрывают глаза... если есть польза местной казне. А подделывают там марки и бренды всех известных мировых фирм. Поэтому я благоразумно ограничился представлением в китайском цирке, аквапарком с минеральными источниками и прогулками по даляньскому «арбату».

Ольга молча смотрела на меня, ожидая продолжения. Но тут раздался голос незаметно подошедшей Инны.

— А, вот вы где уединились. Пойдемте вниз, искупаемся в море.

Она уже была в купальнике, на плечах большое желтое полотенце, а в правой руке — пляжная матерчатая сумка.

— А что, одной купаться скучно? — спросил я, помня слова Ольги, что Инна меня сторонится.

— Страшно одной, — помрачнев сказала Инна, — а вас двоих, когда вы вместе, не боюсь.

— Ну, спасибо на добром слове. — Улыбнулся я и сказал Ольге: — Пойдем спасать Инну от акул, гигантских морских осьминогов, склонных к сексуальным извращениям и особо злобных медуз. А разговор про психологию и жизненные наблюдения потом закончим...

Глава шестнадцатая

День третий. «Воспоминанья о минувших днях...»

*Судьба не дура...
Зря людей сводить не станет!*
Макс Фрай

*Точно знают, только когда мало знают;
вместе со знанием растёт сомнение.*
Иоганн Вольфганг фон Гёте

На пляже к нам присоединился Сан Саныч, а вскоре после недолгого купания Инна и Ольга ушли к себе в домики. А мы еще раз нырнули с пирса, поплавали и выбрались на берег. Расстелили полотенца, легли на песок и начали серьезный разговор.

— Давай-ка обсудим наших соседей, — сказал я.

— С кого начнем? — охотно откликнулся Сан Саныч.

— Как тебе московская журналистка Надежда?

— Ничего подозрительного за ней не замечаю. Журналистка вроде бы она настоящая — по крайней мере, в московской тусовке ориентируется, поболтал с ней немного — нашлись общие знакомые. Эх, был бы интернет — враз бы всё выяснили.

— Наша цивилизация разом рухнет, если исчезнет электричество и соответственно вся интернет-индустрия. И как источник знания останутся только старые добрые бумажные книги. Если они уцелеют. И что тебе Надежда порассказала-наплела?

— Приехала отдохнуть и одновременно поработать — пишет книгу вдаль от Родины, чтобы никто не дергал. «Скрылась», так сказать. «По секрету» шепнув двум лучшим подругам, что едет в Швейцарию на тайную пластическую операцию то ли груди и задницы, то ли лица. Это для того, чтобы ее никто не искал парую тройку недель. Уверена, что уже вся Москва об этом знает...

— Молодец! Люблю умных женщин — «простенько и со вкусом» — в пластику при ее возрасте все поверят. А когда вернется в Москву без «результатов на лице», еще что-нибудь придумает — мол, операцию перенесли, ведущий хирург руку себе повредил при систематическом занятии онанизмом, землетрясение в Швейцарии было, террористический акт во Франции или Испании, НЛО в Женевское озеро упало... Ну, я бы с десятков причин придумал, почему не состоялось очередное достижение пластической хирургии на ее красивом лице или не менее красивой груди. А, может быть, она отсюда вернется в Швейцарию и все же сделает операцию, просто на это уйдет неделя, а не две или три. И тогда вообще «концы в воду». Главное, чтобы ее здесь не грохнули — умышленно или по ошибке.

— Ты её в чём-то подозреваешь?

— Да Господь с тобой — какие основания для подозрений. Никаких! А вот неясности есть. Посмотрел на нее с интересом еще когда ты в первый день перед обедом общее знакомство организовал. Красивая женщина... и на сей момент, скорей всего, одна — в смысле здесь у нее пары нет. Решил понаблюдать немного, а уж потом поближе познакомиться. Но не стал торопиться. Куда нам, пенсионерам, спешить?

— А вот это правильно, — серьезно заметил Сан Саныч. — «Неторопливый слон раньше достигнет цели, чем резвый жеребенок». Эту вьетнамскую поговорку я услышал еще в молодости, во время первой командировки.

— Хм... Запомню. Ценю жемчужины народной мудрости. — Я мысленно повторил поговорку и продолжил то, что хотел сказать: — К тому же мне показалось, что Виктор к ней клинья подбивает... Ну, или — как минимум — присматривается. Утром я специально подсел за стол к Надежде и Ольге, чтобы поболтать да самому присмотреться. Потом на ресепшен, пока

наш «портъе» был в отлучке на несколько минут, заглянул в компьютер, да и распечатал листок со сканом ее паспорта. Жаль, флешки не было с собой — скачал бы паспорта и остальных. На вот, посмотри, — с этими словами я передал сложенный вчетверо листок бумаги.

Про то, что Ван видел меня во время распечатки файла, пока решил не говорить. Ненужная для анализа информация. Сан Саныч взял листок с цветным фото и углубился в изучение паспортных данных Надежды Владимировой. Через пару минут он вернул мне листок со словами:

— Не понимаю, чем тебе паспорт не нравится? Вроде не фальшивый — по крайней мере, все официальные реквизиты есть, и на первый взгляд соответствуют московским реалиям.

— Вспомнилась мне одна история — друг рассказывал. Полюбил он «молодую, красивую, одинокую», и решили любовники в Ленинград на недельку слетать. А было это еще в советские времена — перед самым концом СССР. И была у них проблема — не селили тогда любовников в гостиницах вместе — только супругов. Вот проституток в номер уже тогда заказать можно было, а с любимым человеком жить в одной комнате — н-е-л-ь-з-я! Ну, дружок мой — человек сообразительный — жене заранее купил туристическую путевку в Болгарию, проводил её в аэропорт. Потом забрал из дома советский паспорт жены. Прилетел с любовницей в Ленинград и спокойно в гостинице предъявил два паспорта на одну фамилию, пока любовница возле чемоданов недалеко от стойки регистрации стояла. Просто, изящно и со вкусом.

— И что? Я уже понял, что твои воспоминания не просто так в голове появляются.

Снова развернув листок со сканом паспорта Надежды Владимировой, я прикрыл рукой нижнюю часть лица на фотографии.

— Посмотри.

— Посмотрел.

— А теперь вот так, — и я закрыл верхнюю часть лица, — похожа Надежда на фотографии на живую Надежду?

— Похожа. А почему ты об этом спрашиваешь? Ты считаешь, что Надежда не похожа на фото в паспорте?

— Похожа, очень похожа, а все мои сомнения можно отнести за счет возрастных изменений с момента выдачи паспорта, смены прически и другого макияжа, и даже предыдущей пластической операции. Эх, было бы время, рассказал бы тебе одну увлекательную историю о работе тюменских нотариусов. Давай на мгновение допустим, что паспорт настоящий, но «наша Надя» позаимствовала его на время у сестры или подруги, чтобы слетать на остров и «в тишине книгу написать»... вдали от любопытных взглядов и «отвлекающих моментов». Может быть, с согласия владелицы паспорта это было сделано, а может, и без такового обошлись. И организовала заинтересованная личность дело так, чтобы владелица некоторое время не нуждалась в заграничном паспорте и не вспоминала про него. Например, отправила в путешествие по России, эту гипотетическую «сестру» или «подругу». Как тебе такая идея?

— Какие интересные повороты у твоих мыслей... И рабочая версия есть? — задумчиво протянул Сан Саныч.

— А в качестве рабочей версии такая идея — у Надежды тут была назначена встреча — личная, в смысле любовная, или деловая. Но что-то не срослось. Помнишь двух неявившихся к отходу яхты пассажиров? Поэтому она и нервничает. Но в преступно-шпионских делах ее не подозреваю.

Промолчал я пока про другие подозрения. И это ни к чему было — раньше времени оглашать свои неподтвержденные мысли.

— Ну и как с этой версией нам работать? — спросил Сан Саныч.

— Поухаживай за Надеждой, попробуй еще проверить — точно ли она журналистка из Москвы? Послушай, внимательно говор — ты же сам москвич. Сможешь поговору отличить коренных горожан от приезжих? За Виктором понаблюдай. Мне кажется, что и Надежда, и Виктор в каком-то напряжении пребывают. Может быть, причины тревоги определить сможешь...

— Яволь! Слушай, вчера после обеда одну странную картинку случайно наблюдал — Виктор выходил из домика Надежды.

— И что же тут странного? Из комнаты одинокой женщины в курортном отеле выходит одинокий мужчина...

— Странность в том, что сама Надежда в это время плавала в бассейне на террасе.

— Ну, может быть, она попросила его зайти к ней в домик и что-то принести. Или он забытую ночью вещь приходил забирать...

— Не похоже. Выйдя из домика Надежды, Виктор пошел к себе, в руках у него ничего не было, и вообще — чувствовался в нем какой-то напряг.

— О, как интересно! Во сколько это было?

Сан Саныч назвал примерное время.

— Слушай, пойду-ка сейчас к себе в домик и подумаю над этим фактом и возможной игрой слов... Может быть, нам вечером взбудоражить публику воспоминаниями о старых книгах и фильмах? Ты же должен был смотреть в свое время американский фильм «Три дня Кондора»?

— Конечно смотрел — два раза. По тем временам очень крутой был фильм. 1982 или 1983 год? А?

— Я смотрел в Алма-Ате в 83-м... Есть мысль — заставить народ понервничать рассказами про убийства в стокгольмском автобусе и про «Три дня Кондора». Шутки это, безусловно, жестокие, но для раскочки нервов и мозговой деятельности эффективные. Что может это нам дать — сам не знаю. Вдруг кто-нибудь задергается? Есть у меня одна идея...

Глава семнадцатая Вечер третьего дня. О вреде рассказов про массовые убийства

*Чтобы мы ни говорили,
люди верят в то, во что хотят.*
Харуки Мураками

*Сомнения, как и замыслы, бывают
творческие, фантастические и ничемные.*
Авессалом Подводный

На острове сложилась довольно странная ситуация. Смерть Николая Сидорова и бармена Хонгсавана (наконец-то я запомнил это имя) накладывала свой отпечаток. Но при этом никто не собирался скорбеть непрерывно, отказываться от отдыха и развлечений. Народ активно общался между собой, за исключением Аллы Петровны, которая ушла в «суровый» запой и похоже в ближайшее время не собиралась из него возвращаться. Уже намечался кое-где легкий флирт, и, по моим прикидкам, скоро он должен был воплотиться в сексуальные контакты между мужчинами и женщинами. А что? Дело житейское... Это лучше однополый любви в разных смыслах этого слова.

После ужина снова все собрались возле бара. Надо сказать, что народ, кроме Инны, постоянно пил что-то алкогольное — утром, днем и вечером. А некоторые — даже ночью. «Халява, please, леди и джентльмены». Не подумайте, что я кого-то осуждаю. Ни в коем случае — я и сам так же делал, поскольку выбор отличного алкоголя в отеле был очень разнообразен и мое здоровье пока позволяет... некоторые излишества. Да и не было никакой халявы — стоимость отдыха с лихвой покрывала все затраты на бытовое обслуживание и поглощение алкоголя.

Естественно, речь снова зашла о смерти Николая и Хонгсавана. Послушав разные мнения, я приступил к исполнению своего задуманного днем плана.

— В юности и в молодости довольно много читал, в том числе иностранные детективы — если в руки попадались. И мне очень нравились произведения двух шведских авторов — это были супруги Май Шёвалль и Пер Валё. Так вот, сюжет одного из их криминальных романов был довольно запутан — групповое убийство в стокгольмском автобусе. Неизвестный преступник застрелил восемь пассажиров и водителя, а потом скрылся. По-моему, в журнальном варианте повесть называлась «Рейс на эшафот», а в книжном — «Смеющийся полицейский». Или наоборот... Может, кто-то помнит?

— Я читал, но подробности плохо помню, — сказал Сан Саныч.

— Но здесь нет автобусов, и очень надеюсь, что не будет группового убийства, — со странной усмешкой сказала Надежда. — Я уже даже не протестую против ваших бесконечных рассказов про убийства. Чувствую, что это бесполезно. Пусть будут разговоры — лишь бы новых смертей не было.

— Надежда, полностью с тобой согласен, — тут же отозвался я. — И тоже надеюсь на это. Но хотел сказать про другое. В конце детектива выясняется, что групповое убийство было совершено для того, чтобы скрыть убийство одного человека — который представлял опасность для преступника. А все остальные жертвы — случайные люди, застреленные для запутывания следов. Может быть, и в нашем случае уже мертвые жертвы — это только маскировка перед основным убийством? Или другого преступления... которое еще только планируется...

Повисла тягостная тишина. Надежда со злостью смотрела на меня. Потом раздался дрожащий голос Инны:

— Я говорила... говорила... говорила... Будет как в том фильме... как в «Десяти негритах»... Меня никто не хочет слушать...

— Но «Десять негритяк» как модель, в таком случае, не актуальны, — заявил Сан Саныч. Нас на острове никто не собирал — все приехали по собственной воле. Поэтому в другой модели преступления — «Смеющийся полицейский» —

каждый из нас может быть «случайным пассажиром позднего автобуса». К слову, в молодости я смотрел американский боевик «Три дня Кондора». Так там по приказу одного из руководителей ЦРУ уничтожили целый «литературный отдел», который функционировал как небольшая фирмочка в Нью-Йорке. Она состояла из восьми сотрудников, которые занимались для ЦРУ сбором утечек информации в СМИ и в других открытых источниках о работе этой «прогрессивной конторы» во всем мире. Однажды во время обеденного перерыва кто-то убил всех сотрудников, кроме Кондора... ну, главного героя фильма. Сотрудники фирмы случайно, не понимая этого, вышли на заговор внутри ЦРУ, поэтому «на самом верху» было принято решение о ликвидации всех сотрудников для исключения утечки информации. В самом начале фильма происходит массовое убийство, а Кондор уцелел по чистой случайности — ушел в кафе за пончиками.

Опять наступило тягостное молчание. Потом Надежда со злой дрожью в голосе спросила:

— Мужики, а вы не охерели? Пичкаете нас рассказами про массовые убийства после того, как мы вчера два трупа уже видели? Вы нас запугиваете или к чему-то готовите?

Услышав это, я вспомнил фразу из какого-то детектива Агаты Кристи: «Хватит. Довольно болтать о трупах. Тебе это не слишком полезно»²⁴. Еще в момент чтения мне почудилась надуманность фразы, и я размышлял не над тем, кто там совершил убийство, а кому приписать эту надуманность? Персонажу? Автору? Переводчику? Мысли о том, что болтать о трупах не слишком полезно, промелькнули в сознании, потом я улыбнулся и хотел ответить Надежде. Но не успел.

В этот момент Инна вдруг обмякла и повалилась с кресла...

²⁴ Вероятно, рассказчик вспомнил повесть Агаты Кристи «Перст указующий» (примечание публикатора).

Глава восемнадцатая

Очень поздний вечер третьего дня. У одинокого оптимиста кровать наполовину занята

*Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала.
В расплавленных свечах мерцают зеркала...*

Лариса Рубальская

*Горе герою, в объятьях чьих холодно деве,
вдвое страшней, если пламя другому досталось.
Если же он и она раздувают то пламя,
вряд ли согреться кому-то случайно придется.*

Борис Лукин

Виктор едва успел подхватить падающую Инну — хорошая реакция у мужика. Хвала Всевышнему, это был только обморок, а не смерть. Инну кое-как привели в чувство, отвели в ее домик, и все разошлись по своим жилищам — общаться больше ни у кого не было желания. Пока результат от моих рассказов оказался очень сомнительный. Как говорится: «И никакой пользы, окромя вреда». Пришлось мне «уйти на покой пораньше», чтобы не раздражать публику.

Я принял душ, обтирался полотенцем и слушал на телефоне аудиокнигу о жизни Антона Павловича Чехова. Фрагмент был очень интересный — Чехов описывал свое пребывание на острове Цейлон. «Здесь, в раю, я по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами». Правда, женщина была одна, но зато «в кокосовом лесу, в лунную ночь»... Эх, Антон Павлович!

И в этот момент раздался стук в дверь. Какого черта? Сан Саныч, что ли, притащился с очередной идеей? Не мог до утра подождать?!

— Минуту, — крикнул я, натянул зеленые шорты и белую

футболку, вышел из ванной и открыл дверь. На пороге стояла Ольга, и в левой руке у нее была бутылка французского шампанского. Явно прихватила из своего мини-бара. Надеюсь, не для того, что бить меня по голове этой бутылкой...

— Продолжим прерванный разговор? — спросила Ольга.

«Вечер перестает быть томным», — вспомнилась фраза из старого советского фильма. Я посторонился и широким жестом пригласил девушку войти.

Ольга одним взглядом окинула комнату. Интересно, кого она ожидала здесь узреть? И как бы поступила, если бы увидела еще кого-то? Кроме меня... Ушла бы под благовидным предлогом? Или все равно бы осталась?

Этот взгляд мне напомнил историю о первом отдыхе в Белокурихе, маленьком курортном городке на Алтае. Тогда я оплатил одноместный номер, чтобы никто из соседей не храпел под ухо, заселился, пошел на прием к дежурному курортному врачу. Но, увидев большую очередь у кабинета, решил, что и завтра могу прийти и не буду терять сейчас времени, а пойду-ка лучше осматривать окрестности.

Поздним вечером в дверь моего домика постучали. Я никого не ждал и никого не хотел видеть — дорога в Белокуриху была длинной и утомительной. «Наверняка номером ошиблись — подумал я, — сделаю вид, что сплю или что никого нет». Снова раздался стук в дверь — более настойчивый. Я не подавал никаких звуков. Потом в дверь реально забарабанили и послышалось несколько голосов, среди которых с трудом разобрал фразу: «Иди за ключами». «Да черт бы вас всех побрал», — молча выругался я, встал, натянул джинсы и открыл дверь. В комнату ворвались люди в белых халатах и уставились на меня. Я молча смотрел на них, ожидая объяснений.

— Как Вы себя чувствуете, — спросила немолодая женщина, которая, похоже, и возглавляла этот налет. Взгляд ее обшаривал

комнату и наконец остановился на книге, лежавшей на прикроватной тумбочке... Я читал перед сном «Историю русской философии» Василия Зеньковского. Днем купил в местном магазинчике.

— Нормально. И даже почти заснул, пока вы не стали барабанить в дверь, — в голосе моем не было ни приветливости, ни вежливости. Глаза тоже вряд ли лучились добротой. К тому же я заметил, что один из пришедших — мужик лет тридцати в мятом халате — явно принюхивается. Мне это совсем не понравилось, и я сурово посмотрел на «руководительницу налета». Похоже, что она была несколько растеряна — так бывает, когда что-то начинает идти не по плану.

— Вы не пришли сегодня к дежурному врачу, — сказала она и вновь пристально посмотрела на первый том «Истории русской философии».

— Приходил, но там очередь была как в войну за хлебом. Утром схожу — в голосе моем каждый мог почувствовать раздражение и даже озлобленность.

— Понимаете, мы заволновались, когда Вы не пришли к врачу, — сказала «руководитель надета», — мы подумали, что Вам плохо, раз Вы не открываете дверь... Вы же с Севера приехали?

— Ну, залечить меня здесь еще не успели, — довольно невежливо прервал я ее речь, — и надеюсь, что не удастся.

Тут в разговор вступил мужик, который, похоже, продолжал принюхиваться:

— У нас тут газовики, нефтяники и шахтеры лечатся. Так они квасить начинают, едва переступят порог своей комнаты. И тут главное — чтобы они не умерли с похмелья или во время пьянки. Нашему санаторию такая слава не нужна!

Эти воспоминания вихрем пронеслись в моей голове, пока Ольга оглядывала комнату. А потом запрыгали другие мысли: принесенное вино пить не буду, свое есть. Это, конечно, не

означает полной безопасности — в мое отсутствие в любую бутылку «заинтересованные лица» всякой «химии» могли накачать. Но не умирать же теперь от жажды... Кроме того, без отравления еще есть десятки способов отделить мою светлую душу от грешного тела. Осторожность не должна переходить в манию преследования. А впрочем, неприятности могут ждать одинокого мужчину даже ночью... Я посмотрел на тщательно зашторенное окно — не люблю сидеть в освещенной комнате, когда за окном темень. И вообще не люблю окна без штор — они мне СИЗО²⁵ напоминают.

— Проходи, присаживайся, сейчас переоденусь, — широкая улыбка не оставляя никаких сомнений в моей радости и доброжелательности.

— Да ладно, какие условности — целый день полуголыми друг друга видим, можно по-простому, — улыбнулась в ответ Ольга.

«Да-да, конечно, — молча хмыкнул я, — а у самой свежая «боевая раскраска!». Впрочем, косметика применялась ею очень умеренно и со вкусом. Да и нельзя сказать, что прическа в беспорядке после купания. Кофточка на груди заманчиво расстегнута, шорты красиво обтягивают всё, что можно обтянуть... Взяв у Ольги шампанское, приложил бутылку к своей щеке и сказал:

— Теплое шампанское пить в духоте? Это же извращение!

— У меня холодильник отключился — видимо, не хватает электричества на всё, — пожаловалась Ольга.

Электричества, после поломки ветрогенератора, действительно не хватало, хотя солнечных панелей на острове было много. Как объяснил Ван, электроприборы отключались компьютером по какой-то сложной схеме — сначала электроплиты в кухне ресторана, и тогда повара начинали работать на газовых баллонах, большой запас которых был

²⁵ СИЗО (сокр.) — следственный изолятор.

на складе. Потом отключались насосы в бассейнах, лифт, кондиционеры в ресторане и прочие приборы с повышенным энергопотреблением — все, без чего можно было обходиться некоторое время. Электричество в гостевых домиках отключалось тоже, но ненадолго. В самую последнюю очередь могли отключаться холодильники и морозильники продуктовых складов. Так что была надежда, что трупы не испортятся. Компьютерная сеть имела свое энергоснабжение от специальных солнечных панелей: «управление важный фактор».

После выхода из строя ветроэнергогенератора обслуга принесла дополнительные переносные светодиодные светильники и поставила их на балконе и возле входных дверей.

— А у меня еще есть напряжение в сети и холодильник работает, — бодро заявил я, и в этот момент в комнате погас свет. — Черт, не успел порадоваться. Но мое шампанское всё же холоднее. Сейчас зажжем пару свечей, светильники с балкона принесу и будет у нас деловая романтическая обстановка.

— Для разговора о покойниках и преступлениях, — хмуро добавила Ольга.

— Ты вроде в хорошем настроении пришла? — удивился я, зажигая свечи. — И вдруг разом помрачнела. Что-то еще случилось?

— Инну вспомнила. Как она в обморок грохнулась...

— В этом мире всё возможно, а человек, как справедливо говорил Воланд, смертен. Причем — внезапно смертен. Но Инна жива — и это радует. Ты хотела поговорить о несчастных случаях?

— Мы не закончили разговор — ну, тот, который Инна днем прервала. Ты сказал, что можно мои способности как-то использовать...

— А-а-а, вот ты о чем. — Достав из холодильника шампанское, я спросил: — Хлопнуть пробкой или тихо открыть?

— Лучше тихо, а то еще кто-нибудь притащится на звук и на огонек свечи. Заметил, как народ старается кучками держаться? Девки льнут к мужикам, но стараются, чтобы при этом кто-то третий обязательно был. А при нехватке народа это не у всех получается.

— Тихо открою, — пообещал я, и через пару секунд, после лёгкого хлопка, правой рукой я разливал вино по бокалам, а левой показывал Ольге пробку, никуда не улетевшую. — Но ты оставаться со мной наедине не боишься и надеешься на деловой союз в сложной и опасной ситуации?

— Не боюсь... Точнее сказать, боюсь немного, но гораздо меньше, чем других. Кому-то надо верить и доверять. С тобой как-то... спокойнее, чем с другими. Я смотрела, как ты тогда... утром... над мертвым Николаем наклонился, осматривая его, как потом, когда все были в растерянности, командовал, чтобы тело унесли в холодильник. Что-то властное было в твоём голосе...

— Не рассматриваешь вариант, что я Николая поздней ночью немножко притопил в бассейне и спать пошел?

— Нет! Ты вечером крепко напился, и видно было, что засыпаешь на ходу — голос у Ольги был спокойным. — А позднее Сан Саныч с Виктором рассказывали, как эту старуху Аллу обыграл. Сан Саныч с каким-то особым удовольствием произнес, явно цитируя тебя: «Черта ловят на жужалку, фраера — на зажигалку». Откуда такие сочные, но непонятные выражения?

— Ну, это наследие трудного детства — вырос на бедной городской окраине, где каждый второй был ранее судим, наслушался — всякая дрянь легко проникала в детские уши и души. А про то, что надо верить, — полностью согласен. Нет в природе Абсолюта, а значит, не могут все и всегда врать. Время покажет правильность наших расчетов о вере и неверии. Выпьем за... За что мы выпьем? За удачу? За внебрачный союз, — пошутил я, — в смысле делового партнерства?

— Выпьем за жизнь, — серьезно сказала Ольга. — Инна, конечно, истеричка и дура. Но ее слова про «Десять негрятят» никак не выходят у меня из головы. Может, правда мы все здесь умрем?

— Глупости! Успокойся... «Десять негрятят» — это интеллектуальный детектив, где Агата Кристи развернулась на «всю катушку». Советский фильм, безусловно, шедевр! Но всё это — игра ума и актерское мастерство. Ну за что нас с тобой убивать?

Мы выпили по бокалу вина и помолчали. Снизу доносился шум волн, бьющихся о скалу. Видимо, усиливался ветер.

— Ну, так как ты хотел меня использовать? — спросила Ольга.

— Милая девушка, будем точны в формулировках — не тебя использовать, а твои аналитические способности. В прежние времена в американских фильмах героини любили истерически кричать: «Ты меня использовал», что было, по их мнению, крайне обидно, а по нынешним временам так еще и не политкорректно. Помнишь это гневное «You abused me»? Конечно, это можно перевести по-другому: «Ты злоупотребил моим к тебе отношением, попользовал в своих целях и обманул», и в далее в таком же духе. Но сейчас там — в Америке — все гораздо хуже. Однако вернемся к нашим баранам, то есть к нашим проблемам. Перед тем как я изложу свои идеи, скажи, что тебя тревожит и что ты сама думаешь?

— Понимаешь, количество несчастных случаев на этом острове в ограниченный период времени никак не укладывается в норму. Так сказал бы мой начальник... Сначала Николай утонул в бассейне, потом что-то случилось с барменом. Мне просто страшно.

Помолчав, Ольга продолжала:

— Какая-то тревога вокруг, мне кажется, что каждый

прикидывается не тем, кто он есть на самом деле. Ты видел глаза Виктора, когда он голову и шею мертвого бармена трогал?

— Нет, я же спал, когда его обнаружили.

— А я видела. И мне вдруг показалось, что Виктор любому голову свернуть может... без всяких угрызений совести.

— Вот как... интересно, интересно, — подал я поощряющую реплику и глотнул шампанское.

— Надежда... вся какая-то фальшивая. Всегда сначала всё обдумает, а уж потом на вопрос ответит. Как будто все просчитывает... или что-то скрывает. Инна точно «с головой не дружит», вроде бы беспомощная и безобидная, но иногда что-то такое в ней проглядывает, что отодвинуться хочется. Особенно когда пропаганду здорового образа жизни начинает... Фанатичка!

Ольга помолчала и тоже глотнула из бокала. А потом продолжила:

— Бажена на любого мужика готова прыгнуть и в то же время боится. Да все бабы боятся — но каждая боится чего-то своего, кроме смерти, конечно. Мне кажется, что еще кто-то умрет скоро... на этом проклятом острове. Ты веришь в предчувствия?

«Мадам, я верю только в себя и наличные деньги», — всплыла в голове фраза из старого советского теледетектива. Но я промолчал. Ольга допила бокал, и я сразу же налил новую порцию.

— Все мы, все мы в этом мире смертны, — неточно процитировал я строку великого поэта. — Но!.. Нет у меня уверенности, что смерть наступила в результате преступных действий, а уж тем более — в результате убийства.

— Как так? Разве Алла не отравила Николая? Ты же сам слышал ее признания! Ведь ты же её сам подловил, ну, в смысле разоблачил... Сан Саныч говорил, что это была твоя идея. Ну, это... как оно? «Создание ситуации для самораскрытия

личности»... Что ты ее спровоцировал на действия, которыми она сама себя изобличила.

— Выпей и успокойся. Еще ничего не ясно... Как писал мудрец Омар Хайям:

Все, что видим мы, — видимость только одна,

Далеко от поверхности моря до дна.

Полагай несущественным явное в мире,

Ибо тайная сущность вещей не видна.

— Да что тут неясного?! — Ольга явственно заволновалась. — Какая видимость?! Николай мертв! Это все видели и в первую очередь — ты сам!

— Николай, конечно, мертв. Но вот от чего он умер, я не знаю. Да, у меня есть версия, что Алла Петровна что-то добавила в колу — скорей всего, клофелин или что-то подобное — и Николай мог этот «коктейль» выпить и умереть. А мог и не выпить, и умереть, например, от сердечного приступа, вызванного неумеренным употреблением алкоголя. С момента знакомства я ни разу его трезвым не видел. И дело не в том, что здесь «все включено» — кушай любые напитки в любом количестве. Он и за свои деньги в путешествии на реку Квай пил не переставая, хотя и понемногу. Для определения причины смерти Николая нужны лабораторные исследования после патологоанатомического вскрытия. И даже если Алла его траванула, то еще доказать надо причинно-следственную связь ее действий с наступлением смерти. Есть такое понятие — покушение с негодными средствами...

— Это как? — с изумлением спросила Ольга.

— А вот так — подбрасывает женщина мужчине яд в пищу или питье, но яд уже безвредный — разложилась отравы из-за давности лет или неправильного хранения. Или муж стреляет в любовника жены из ружья, не зная, что патроны холостые... Злоумышленник портит тормоза у автомашины, чтобы водитель

на следующий день разбился на горной дороге, а мотора в машине нет — в ремонте тот мотор и никуда потенциальная жертва на следующий день не поедет. Примеров еще можно привести много, но ты, надеюсь, уже всё поняла...

— Так что... Алла может выкрутиться? — Ольга была поражена и не скрывала этого.

— Не знаю... Не знаю местного законодательства о преступлениях против жизни и здоровья человека. О причинно-следственной связи уже говорил, так же, как и о неясности с объективными доказательствами. Будет у нее хороший адвокат — может и выкрутится. Я бы смог версию обвинения подвергнуть существенному сомнению. И если я правильно думаю про материальное положение Аллы Петровны, то денег на толковых защитников у нее хватит.

— Ладно... Уговорил, пока про Аллу и Николая не будем делать поспешных выводов. А бармен? У него-то точно шея свернута. И он был мертвее мертвого. Это я тоже видела.

— И здесь не будем делать поспешных выводов. Сам ничего не видел, и нет у меня информации даже для версий. Кто сказал про свернутую шею? Виктор! Мог он ошибиться? Мог! Куда и зачем спешим с версией об убийстве бармена?

Мы снова выпили, и тут Ольга, заметно повеселев, сказала:

— Слушай, незаметно бутылку опустошили, и еще хочется. Ты меня как-то успокоил...

— Красное сухое будешь? — спросил я, направляясь к холодильнику.

— Буду, — просто сказала Ольга. — Но вот только сейчас подумала — а если так все хорошо, то зачем ты мои способности хотел использовать?

«А она молодец, — подумал я, — не теряет цели, ради которой пришла. И выпила, и про дело не забывает».

— Здесь идеальное место для совершения преступлений.

Но и для раскрытия оно тоже идеально: изолированная территория, или, выражаясь по-иному, замкнутое пространство, ограниченное количество участников, или акторов. Ты знаешь, что такое актер?

Ольга кивнула:

— Знаю. Участник какого-либо преобразования, движимый собственными мотивами или смыслами, ожиданиями или эмоциональными переживаниями — примерно так запомнила из университетского курса.

— Ты умная и образованная девушка с хорошей памятью, за это обязательно надо выпить, — сказал я, наливая в бокалы сухое вино. И вспомнил, что Сан Саныч рассказывал о Викторе, выходящем из домика Надежды. Мелькнула мысль: «Может быть, сказать про это Ольге?» Но эту мысль я отогнал, а Ольге сказал совсем другое:

— Поэтому у меня к тебе предложение: составить схему расположения наших «актеров» с указанием временных точек, начиная с первого вечера. Про всех, о ком вспомнить сможешь. Но это только половина дела, а вторая, и самая главная, — проанализировать схему и выявить скрытые моменты. К примеру, с 20 до 21 часа у бассейна сидели и разговаривали Сан Саныч, Надежда, и ты. Никто из троих никуда не отходил, и все видели друг друга постоянно. А в это время — опять же для примера — Бажена, Костик, Инна и Виктор были на пирсе. Неизвестно, где в это время были Ван, Алла Петровна и я, а также вся прислуга. Принцип понятен? И так насколько хватит информации по каждому часу и каждому человеку.

— И что это нам даст? — задумчиво спросила Ольга, делая добрый глоток вина.

— «Нам» звучит очень оптимистически! Было бы плохо, если бы ты сказала: «Что это тебе даст?» — Я тоже отпил немного вина. А так будем считать, что первая часть нашего командо-

образующего этапа прошла успешно. Если предполагаемые «злодей или злодеи» не видны на временном графике, то это повод для дополнительных проверок и раздумий. Может быть, мы поймем, кто были эти потенциальные злодеи и что у них на уме. И сможем предохраниться... от неясной опасности.

В темноте и при свете колеблющегося пламени свечей фигура и лицо Ольги временами теряли свои очертания. Эта темнота... в сочетании с вином... иногда сбивала меня с толку и завораживала, поэтому не все мысли я излагал четко. Но голос мой звучал уверенно.

Мы еще поговорили немного, обсуждая детали, на которые надо обратить внимание. Техника в целом простая, хотя сил и внимания много требует и не всегда результат гарантирован. Но голова у Ольги будет занята, а это снижает тревожность. Бутылка с вином почти опустела. Ольга успокоилась и заметно повеселела.

— Ну что, заканчивать будем? — спросил я, разливая остатки красного сухого вина.

— Будем... Ты меня напоил... Не надо было мне пить красное... — Ольга допила вино. — Как ты вчера стихи читал? В стакане плещется рубин хмельной, и гурия лицо твое целует... Сейчас вернусь, — сказала она, направляясь в ванную комнату.

В оригинале было: «И гурия лицо мое целует...» Ну и что это? Оговорка по Фрейду? Без идей венского оригинала здесь можно обойтись?

— Светильник возьми, темно там, — сказал я, подавая светодиодный фонарь. Когда Ольга скрылась в ванной, быстро выбросил в корзину для мусора пустые бутылки и передвинул столик. В голове шумело — «на вчерашние дрожжи» и вечерние напитки сверху «пришли» еще шампанское и красное сухое. Соображалось уже плохо, а какая-то мысль о повышенной смертности на острове пыталась сформироваться...

Шум воды в унитазе и в струи воды в раковине умывальника отвлёк меня от этой мысли. Вскоре появилась Ольга и направилась было к креслу, но пошатнулась и чуть не упала. Еле успел поддержать ее за плечи.

— Ты меня напоил, — прошептала Ольга, глядя мне в глаза.
— Какое-то пьяное шампанское...

Пламя свечей плескалось в ее зрачках. «Хорошо, что не совратил и не подстрекнул к супружеской измене, — подумал я. — Ибо это не мой профиль». Хотя однажды я с шампанским попал в... историю.

Ну хоть бы раз дочери Евы честно признались: «Я напилась». Нет — всегда: «Ты меня напоил». Но вслух ничего не успел сказать — Ольга покачнулась и пришлось снова ее подхватить и, удерживая, невольно прижать к себе. Через мгновение мы целовались, а как потом оказались в постели — не помню. Дальнейшее тоже всплывало в памяти фрагментами... Я на Ольге, Ольга — на мне... Мы с Ольгой на ковре... «Шепот, стоны, тел сплетенье».

Общеизвестно, что длительное половое воздержание в сочетании с алкоголем иногда приводит к сексуальным эксцессам... И похоже, что не я один до этого вечера долго воздерживался.

Проснувшись на рассвете, я сходил в туалет, достал из холодильника бутылочку «Регіег» и выпил залпом.

— Дай мне тоже, — слышался голос Ольги.

Достал еще одну бутылочку и принес ей. Опустошив ее, она спросила:

— Головка болит?

Я тихо захохотал.

— Знаешь старый анекдот? Утром женщина у мужика спрашивает: «Дорогой, головка не болит? Нет, — отвечает мужик, — головка не болит, а вот голова раскалывается».

— Знаю...

— А ты как себя чувствуешь?

— Ноги дрожат, и когда-то успела колени ободрать... Вот значит, что такое «старый импотент» в твоём исполнении, — протянула она с иронией. А потом с непонятной усмешкой добавила: — Вулкан, покрытый снегом...

— Не виноват... Она сама пришла... — я постарался как можно лучше воспроизвести интонацию Светланы Светличной из «Бриллиантовой руки».

— О-о-о... А ты добродетельно оказал скорую сексуальную помощь.

— В душе я большой гуманист и только с виду суров и недоступен. Поэтому иногда — на альтруистической основе — помогаю женщинам.

— И как это ты с такими талантами одиноким по свету бродишь?

— Не лести царю. Мне в первом классе за хорошую учебу подарили сборник басен И. А. Крылова. С тех пор помню бессмертные слова:

Уж сколько раз твердили миру,

Что лезть гнусна, вредна; но только все не впрок,

И в сердце лстец всегда отыщет уголок...

Если же говорить презренной прозой и вполне серьезно — трудно приходится... Цветов много, а шмель один.

— Так ты еще и бабник?!

— Милая девушка, бабники и периоды длительного полового воздержания — понятия не совместимые... Если бабники не сидят в тюрьме. Еще поспим или пойдем в море купаться?

— Давай еще вздремнем, — немного подумав, сказала Ольга. — Как говорит одна моя подруга: «Переночевала у него, выпалась и поняла — «не мое».

— Чего хочет женщина, того хочет Бог, — абсолютно

правильно утверждают французы. Но сначала предлагаю принять грамм по 25 коньячку — у меня тут в баре мини-флакончик «Хеннесси» есть.

Но после коньяка мы уснули не сразу... Шалости и вольности в постели продолжались... А потом снова навалился сон.

— Что ты там Бажене вчера вкручивал о пике сексуальности, который у женщин наступает в тридцать лет, а у мужчин — в восемнадцать? — уже засыпая спросила Ольга.

— Это не я, это американский сексолог Анастасия Кински сделала выводы из своих научных исследований, — в полудреме пробормотал я. И последней мыслью угасающего разума было: «Укатали сивку круты горки»...

Глава девятнадцатая

Утро четвертого дня. Нужно ли пожилому джентльмену заглядывать в мусорную корзину?

В этом мире происходит больше неожиданного, чем ожидаемого.

Сельма Лагерлёф

Фотография не сообщает о том, чего уже нет, но исключительно и наверняка о том, что было.

Ролан Барт

Утро было на редкость солнечным. Я решил ещё до завтрака поплавать в море — пока не началась жара. На пляже ко мне присоединилась Ольга — она заходила к себе за купальником. Но потом решила, что можно искупаться и обнаженной. Смотрел, как она отплывает от пирса и вспоминал почти такую же картину... Теплая заводь на холодной сибирской реке в конце июля... Женская фигура, рассекающая водную гладь, освещена солнцем жаркого полдня. На севере бывают иногда очень жаркие дни... и ночи. Одна дама пригласила отметить ее день рождения на принадлежавшем ей судёнышке — небольшом речном сухогрузе, переоборудованном для отдыха. В бывшем грузовом отсеке стояла мягкая кожаная мебель, большой стол... На судёнышке даже сауна была. Вот девушка после баньки и нырнула для охлаждения...

Компания тогда подобралась довольно пестрая: именинница с подругой, два предпринимателя, массажист, отбывший девять лет за незаконную перевозку оружия, юный саксофонист... Он неплохо играл, стоя на палубе, одновременно тряся головой, чтобы отгонять мошку.

Та женщина красиво плыла, спина и плечи подымались из

воды, а ноги не было видно из-за ряби на воде. Тогда я сделал хороший фотоснимок... где-то он у меня до сих пор лежит.

Этот остров тормозит мое подсознание, но оно не дает ответы на то, что здесь происходит? И нет логических способов отличить нужное от ненужного, важное от неважного. И как бы не пришлось выживать только за счет эмоций. Вот почему сейчас вспомнился тот жаркий сибирский полдень? Встряхнув головой и отогнав воспоминания, я прыгнул в воду.

Поплавав в море, мы расстелили пледы и легли на песок. Немного помолчав, Ольга спросила:

— А чем та история закончилась — с кражами в Обществе слепых? Ты тогда прервал рассказ, а потом бутылки в бассейн полетели, и не до этого стало. Или ты всё это специально придумал?

— Ни в коем случае — история подлинная. Можешь не верить — но благодаря моим советам проблема была решена. На следующий день после общего собрания трудового коллектива, на котором говорилось об успехах дактилоскопии, один мужик (не слепой инвалид) срочно уволился «по семейным обстоятельствам». И кражи сразу прекратились.

— Так, может, это случайное совпадение обстоятельств?

— Конечно, может быть и случайность — всё может быть. Но есть улики поведения, а есть прямые доказательства... Надо правильно понимать разницу между ними и... правильно использовать.

— А что теперь будут здесь делать Шерлоки Холмсы и доктора Ватсоны после достижения столь блестящих результатов в изобличении злобной старухи Аллы Петровны?

Ответить я не успел — наверху от ресторана раздался встревоженный голос Сан Саныча:

— Олег, срочно давай сюда — тут новая проблема!

— О Господи, — выдохнула Ольга, — что ещё?

— Очень надеюсь, что Алла Петровна не намылила ночью верёвочку для себя, любимой, или не наглоталась снотворного с алкоголем, — пробормотал я тихонько, однако Ольга услышала... и как-то странно взглянула на меня.

Но проблема была в другом — исчезла Инна. И к тому же выяснилось, что ночью перестали работать камеры видеонаблюдения — электроэнергии солнечных батарей на всё не хватало. Мы все собрались в ресторане. На управляющего отелем было грустно смотреть.

— Ван, давай команду на завтрак, — сказал Сан Саныч, — «война войной, а обед по расписанию», мне жрать охота уже с рассвета. Потом прикинем, куда наша истеричка испарилась? Да выруби ты эту дурацкую музыку — не до веселья!

Динамики музыкальной системы скоро смолкли. Завтрак прошёл в тяжком молчании. Потом я наскоро поговорил со всеми туристами, но узнал не очень много. В сумме получалось следующее: Инну вечером оставили в ее комнате, она закрыла дверь, а перед этим сказала, что ляжет спать и больше ей помощь не нужна. И всё — после этого Инну никто не видел.

— Что думаешь? — спросил Сан Саныч, когда после окончания мини-опросов мы спустились на нижнюю террасу.

— А ты-то почему взволновался отсутствием Инны и как это выяснилось? — задал я встречный вопрос.

— Понимаешь, все утром собрались на завтрак, а её нет. Как вы купались, я видел, и поэтому вопросов не было. Попросил Бажену сходить за Инной, ещё подумал, вдруг с этой придурочной что-то случилось. «Здоровый образ жизни» в извращённом состоянии не всех до добра доводит. Бажена вернулась и сказала, что постучала в домик Инны — никто не ответил, толкнула дверь — оказалось, что она не закрыта. Но в комнате никого не было. Бажена метнулась обратно с круглыми глазами... Я тоже пошёл посмотреть — аналогичный результат.

— Слушай, а где Алла Петровна?

— Эта сволочь у себя в домике — храпит, как богатырь после сечи, издали слышно. Я думаю, что она вчера весь день квасила, а потом ещё поддала чего-нибудь крепкого... От большого душевного расстройства. Да чёрт с ней — надо остров осмотреть.

— Да... Согласен, осмотреть надо островок. Поручим это Виктору и Надежде. Она вроде бы самая адекватная из женской половины нашей весёлой компании. Впрочем, может быть, ещё Ольгу пригласить на осмотр. Если не пойдёт — пусть сидит вместе с Баженой у бассейна на видном месте. И чтобы друг друга контролировали... до окончания поисков. Мы с тобой пойдём к Вану и с ним потолкуем.

Ван сидел в своём рабочем кабинете, пребывая в глубокой печали. Он посмотрел на нас и вымолвил:

— Что происходит? Я уже смирился с окончанием моей карьеры — кому нужен управляющий отелем, у которого гости мрут как белорусские мухи в октябре или исчезают с острова в неизвестном направлении? Никому! Впрочем, я уже теперь не уверен, что и сам отель останется отелем, после того как журналисты и конкуренты узнают, что здесь происходило... и происходит. Зачем, зачем я согласился сюда устроиться?

— Хватит причитать, думать надо, — оборвал я Вана. — Персонал об исчезновении Инны знает?

— Конечно — я сам им сказал. Никто ничего не видел — специально спрашивал.

— Пойдём с нами, осмотрим домик Инны, может, что-то найдём...

Осмотр временного жилища Инны много времени не занял, и никаких важных улик мы не нашли. Правильнее было бы сказать, что мы вообще ничего не нашли, проясняющего исчезновение женщины. Постель была заправлена — похоже, что вчера

вечером никто в неё не ложился. На кресле лежало платье, в котором Инна была вечером. Дверь на балкон и окна были открыты, вещи висели в шкафу, там же стояли сумки и чемодан. Вытащив их на середину комнаты и открыв, я бегло перебрал содержимое. Что исчезло, если что-либо исчезло вообще, — было не ясно. Я сфотографировал домик по всем предписанным правилам осмотра места происшествия, вспомнив, как хорошо этому учили в юридическом институт в далеком 1977 году. Не прошло то время даром! Заглянул в холодильник и мини-бар, сделал очередные фотоснимки, потом бегло осмотрел ванную комнату и даже заглянул в мусорную корзину. После этого снова вернулся к чемодану и сумкам и сфотографировал их содержимое.

— Ван, у тебя есть универсальный код к сейфам в домиках и мастер-ключ? — спросил я, задумчиво глядя на маленький переносной сейф.

— Конечно, но это всё в моём кабинете, в рабочем сейфе закрыто, — ответил Ван.

— Хорошо, забирай сейф из этого домика, потрошить его будем у тебя.

Я подошёл к балкону, закрыл дверь и задёрнул шторы. Сан Саныч и Ван молча смотрели на мои действия.

— Ладно, господа, — сказал я, сделав ещё пару обзорных снимков и убирая в карман свой телефон, — возвращаемся в кабинет господина управляющего. Ван, закрывай дверь в домик... и запири его так, чтобы никто сюда не мог проникнуть без твоего ведома. Ни черта я не пойму.

В кабинете Вана была духота — кондиционеры не работали из-за нехватки электричества. Сан Саныч сказал:

— Может, пойдём на свежий воздух. Тут мы сразу задохнёмся — уж вы мне поверьте.

— Подожди, — ответил я, — сейчас ещё кое-что выяснить

надо. Ван, садись в своё руководящее кресло, делай грозный вид и зови горничную, которая убирала домик Инны. Побеседуем с девушкой. А уж потом на свежий воздух отправимся.

Беседа особо ценных результатов не принесла. Горничная с поэтическим именем Ким Кук²⁶, симпатичная вьетнамочка лет двадцати, мялась, что-то щебетала о своей невиновности, о том, что «мадам была довольна ею», что вчера днём она убрала домик, застелила постель, в холодильник положила две литровые бутылки минеральной воды, хотя там ещё была вода, и ушла. Мадам, то есть Инну, видела перед ужином возле бассейна. Спать Ким Кук, по ее словам, легла около 22 часов — и это видела вторая горничная — Нгок Бич²⁷. Ночью ничего не слышала — спала крепко, устав за день. По крайней мере, так переводил её ответы Ван. Система видеонаблюдения, как я уже говорил, ночью отключилась из-за перебоев с электроэнергией.

Отпустив Ким Кук, мы вскрыли сейф из домика Инны — он был пустой. Выйдя из кабинета Вана, сели за столик возле бара. Через три минуты к нам присоединился Виктор — остров он осмотрел вместе с Надеждой, результатов не было — ни живой или мёртвой Инны, ни каких-либо брошенных, забытых или потерянных предметов и вещей.

— А где Надежда, — озабоченно спросил его Сан Саныч.

— Пошла душ принять — взмокли мы, по дорожкам бегая, по скалам прыгая, жара уже началась, — ответил Виктор, а потом добавил: — А эта сволочь всё ещё пьёт в домике... Похоже в запой ушла.

Мы поняли, что это он про Аллу Петровну.

— Понятно, — пробурчал Сан Саныч, — тонкая натура, бя... не выдержала изобличения. Ну что, господа пинкертоны и пуаро российского разлива, какие версии есть на сей счёт?

Все задумались — но версии никто не огласил. Тогда я подал голос:

²⁶ Ким Кук — золотая хризантема.

²⁷ Нгок Бич — драгоценный нефрит.

— Эйнштейн, не банкир, а тот парень, который теорию относительности замутил, говорил, что лучшие идеи ему приходят под душем. Пойду-ка и я постою под струями пресной воды — смою морскую соль. Новую теорию относительности не обещаю, но вдруг и я на что-то схожусь.

— Давай, мой друг, давай — на тебя с надеждой смотрит всё прогрессивное человечество в нашем обгорелом лице, — напутствовал меня Сан Саныч.

— «Каждый счастья своего хозяин, доли своей кузнец. Запомни эту фразу — всё будет, но не сразу», — шутливо ответил я и ушёл.

Какие-то неопределённые мысли зашевелились в моей голове...

Глава двадцатая Полдень третьего дня. «Уже не персик, но ещё не курага»

Не всякой находке радуйся!

Русская поговорка

*Приобретай в юности то,
что с годами возместит тебе ущерб,
причиненный старостью.*

*И, поняв, что пищей старости
является мудрость, действуй в юности так,
чтобы старость не осталась без пищи.*

Леонардо да Винчи

После душа, обернувшись до пояса полотенцем, я сел в кресло, поставил телефон на подзарядку и долго рассматривал на экране фото, сделанные в домике Инны.

«Может быть, ещё раз побеседовать с Ким Кук? — вяло подумал я, потому что духота в домике начинала дрёму нагонять. — Ладно, потом побеседую с ней, — решил я, — сначала надо с Ольгой поговорить».

Но в следующий раз Ким Кук я увидел уже мёртвой... Как гласит старинная русская поговорка: «Не откладывай допрос на завтра, если можешь провести его сегодня».

Я пошёл искать Ольгу. Она вместе с Баженой была на террасе — сидели, опустив ноги в бассейн. Присев рядом с ними, опять посмотрел на татуировки Бажены. Одна на плече — какая-то разлапистая хрень, видимо изображающая цветы, а вторая — цветная стрекоза на правой стопе. «Ну... ноги как ноги. Средние ноги, будем так считать...»

Молча хмыкнул... и вспомнил самые выразительные татуировки, которые видел в своей молодости. На веках у одного зэка были выколото «Не буди», а на ногах — «Они устали

ходить по зоне». Правда, разбудить его уже никто не мог — ибо покоилось тело бывшего заключённого на анатомическом столе с четырьмя ножевыми ранами в области сердца...

— А расскажите-ка мне, девушки, что вчера днём и вечером говорила Инна? Или, может быть, вы что-то необычное заметили в её поведении?

— У нас тут всё необычное, — хмуро буркнула Бажена, — с ума сойти можно... Если перед этим жизни не лишишься. Не знаю я ничего.

Бажена была напугана и явно не хотела разговаривать. Понять это, конечно, можно, вот только пользы никакой — ни от её поведения, ни от моего понимания.

— Ну-ну... не всё так мрачно в этом лучшем из миров, — постарался я успокоить Бажену, хотя получилось это плохо. — Пока мы живы — нет смерти, когда придёт смерть, мы уже не будем жить. А прежде чем сойти с ума — нужно иметь его.

— Циничный оптимист, — ехидно прокомментировала мои слова Ольга, — или оптимистический циник.

— Сурово, но справедливо, — легко согласился я. — Но это полбеда. А вот чего мне всегда не хватало, так это ледяного прагматизма. Тут меня Создатель слегка обидел. Бажена, ты поболтай тут... «стрекозой», а мы с Ольгой отойдём куда-нибудь в тень.

Бажена посмотрела на меня с непонятным и неприятным выражением лица, но промолчала.

— Вставай, комсомольское племя, — бросил я Ольге, — пойдём выпьем чего-нибудь вкусенького... Например, водки холодной или рома со льдом.

Она продолжала сидеть возле бассейна, наверное, не поняла призыв комсомольцев.

— Come on, baby²⁸.

28 Come on, baby (англ.) — возможные переводы на русский язык: давай, детка; давай, малыш; пошли малышка и т. п.

Ольга двинулась за мной с недовольным видом и через пару минут сварливо уточнила:

— Куда мы идём?

— Ко мне в домик — там тишина, там ром, там ледяная кола...

— Да ты поэт... Как звучит! — и Ольга передразнила меня: — «Там тишина, там ром, там ледяная кола...»

— В душе, только в душе... а также в душе временами...

Ольга всё ещё дулась неизвестно на что, но после моих первых слов в домике обиды были забыты.

— Дорогая, не сердись на меня за неловкие шутки. Молодость у меня была тревожная... Это я сейчас весь белый и пушистый. Ты продолжай составлять схемы расположения акторов и временные графики — кто, где, когда, с кем был в конкретный период утра, дня вечера и ночи, пока я с народом общаться буду. Но общение начну с тебя. Вот несколько вопросов, которые меня очень интересуют:

Первое. Какие украшения были у Инны кроме серебряного гарнитура с чароитом? Можно ли их считать драгоценностями, и если да — то сколько примерно они могут стоить? Оценка приблизительная — тут мне особая точность не нужна.

Второе. Инна меняла разноцветные чехлы на своих телефонах или телефоны у неё были разные? Ну, вспомни тот разговор перед первым ужином — что чехлы телефонов у модной девушки должны быть под её гардероб.

Третье. Пыталась ли Инна «клеиться» к кому-то из мужиков или, может быть, кто-то к ней проявлял повышенный интерес? Возможно, сексуальный интерес... Включая Вана и азиатов из отельной обслуги. И ещё — о чём она говорила в моё отсутствие. Ту дурь и хрень, которую она изрекала при мне, сам помню.

— Ты думаешь, её ограбили и убили?! — на лице Ольги отразились тревога и раздумья.

— Знаешь... когда-то прочитал интересную фразу. Дословно процитировать уже не сумею, но общий смысл таков: любая версия — это гипотетический вывод, частично обоснованный уже выявленными и известными фактами о событии происшествия в целом или его отдельных структурных компонентах. Смысл любой версии в том, что она должна объяснять исходные данные и ориентировать на выявление неизвестных обстоятельств. Так вот, чтобы выдвигать версии, у меня просто нет достаточной информации, а также фактов для их построения. Но как только подобная идея появится, ты первая о ней узнаешь. — Помолчав, я добавил: — И, пожалуйста, береги свой телефон... из рук не выпускай. Но делай это всё незаметно и аккуратно, не привлекая внимания. Теперь каждый вечер ты будешь любую информацию, собранную за день и записанную, перекачивать на мой телефон. А теперь давай про Инну — всё, что сейчас можешь вспомнить.

Если Ольга не ошиблась в характеристике Инны, сделанной на основе отрывочных сведений, то «жене красноярского бизнесмена» были присущи страх перемен, страх неизвестности, страх богатства и успеха в распространённой отечественной версии «Не жили богато — не хер начинать», отсутствие цели и мечты на данном жизненном этапе, ревность и — может быть — задавленный «творческий подход в жизни». Если верить словам Инны, то у нее было бедное, почти нищее детство в сибирской деревне — родители пили, «не просыхая». Потом неожиданное замужество, переезд в город. В конце 80-х годов муж стал кооператором, скупал мясо в колхозах и совхозах, потом отдавал в переработку на мясокомбинаты и сам торговал уже не мясом, а деликатесами. Разбогател... Но у Инны остался страх бедности, потому что и у мужа потом были тяжёлые времена. Вывозили богатого кооператора в тайгу на берег Енисея и вопросы разные задавали... Инна рассказывала, что на её глазах он из горла

выпивал бутылку водки и не пьянел — настолько сильно было нервное напряжение.

Выслушав Ольгу, я задумчиво почесал щеку и только сейчас понял, что утром не побрился. Однако... какой интересный набор. Есть над чем подумать.

— Уже не персик, но ещё не курага, — задумчиво пробормотал, размышляя над услышанным.

— Ты это про кого? Про Инну? — спросила Ольга.

— А? Нет, это я про себя... А ты — молодец, не зря время и деньги на курсах психологии тратила.

Тут я вспомнил, что Виктор и Надежда в поисках Инны не осматривали пляж, и продолжил:

— Пойдём-ка погуляем вокруг острова — ходьба босыми ногами по песку укрепляет их и массирует нервные окончания на стопах. Хотя, может быть, нет там никаких нервных окончаний, а есть только биологически активные точки, способствующие укреплению нервной системы. Одним словом, полезно иногда погулять по песочку.

— Ты что-то хочешь искать? — уточнила Ольга и не стала продолжать фразу, которая явно вертелась у нее на языке.

Люблю я умных и красивых женщин... которые «на лету не сказанное ловят». Хотел Ольге поведать об этом, но промолчал. Точнее — сказал совсем другое:

— В этом мире искать можно всё... кроме Любви и Смерти. Они сами тебя найдут... когда придёт время, — задумчиво ответил я на молчаливый вопрос в глазах Ольги.

Лифт не работал из-за нехватки электроэнергии, поэтому пришлось спускаться к морю по лестнице. Шли молча — я думал об Инне, а Ольга, видимо, поняла, что не надо сейчас со мной щебетать. Когда мы вышли к пирсу, она спросила:

— А как пойдём? Справа налево от пирса или слева направо?

— Налево пойдём, — ответил я, — по привычке.

— Неистребимая мужская привычка «ходить налево», — съязвила она...

— Это ты так по привычке реагируешь.

Мы почти обошли остров, когда Ольга схватила меня за руку:

— Смотри! Да не на море смотри — вот здесь — под скалу!

Я присмотрелся, а потом подошёл поближе и остановился, разглядывая находку — под выступом скалы лежало яркое жёлтое полотенце, пляжная сумка Инны, солнцезащитные очки и телефон.

Песок в зоне находки был изрядно истоптан, и совершенно непонятно было — кто и когда эти следы оставил. Но я всё же сделал несколько снимков береговой полосы, а затем сфотографировал вещи Инны. Потом достал носовой платок и, стараясь не оставлять своих отпечаток пальцев, всё собрал, завернул в полотенце и положил в сумку. Ольга молча смотрела на мои манипуляции...

— Пойдём «народ порадует находкой», — сказал я, закончив упаковку вещей Инны.

— Она правда утонула? — передёрнув плечами, спросила Ольга. — Сбылись её опасения про «Десять негрятят»?

— Не обязательно... может быть, её акулы съели или морской змей в подводный гарем утащил, — буркнул я. — Ты задаёшь вопросы, на которые я не знаю ответов. Да, может быть, она утонула... такое не только в море случается, но и в реках, озёрах, а также в бассейнах, ваннах и даже в лужах. Но это опять же не доказывает, что неизвестный преступник собрал нас здесь, как «негрятят», и будет убивать «медленно и со вкусом».

— Ну вот как ты можешь так спокойно говорить... да ещё шутить по-дурацки — ведь человек погиб.

— Да что же мне теперь — головой о скалу биться и голосить во весь голос? Она мне не мать, не дочь, не сестра и даже не любовница... Глупость — такой же источник человеческих бед и несчастий, как и злая воля. Пойдём наверх.

Ольга осуждающе посмотрела на меня.

— Не думала я, что ты такой, — бросила она и надолго замолчала. Но мне было не до её обид. Как-то неестественно лежали вещи Инны под выступом скалы...

В ресторане собрались Сан Саныч, Виктор, Ван, Ольга и я. Кратко сообщив о находке, выложил на стол найденные вещи Инны. Виктор аккуратно взял её телефон за боковые поверхности и попробовал его активировать. Потом положил его на стол и сказал:

— Бесполезно, если не знаешь пароль. А может, нужно палец приложить... Хозяйский палец.

Я прикусил язык, чтобы не брякнуть что-нибудь вроде: «Извини, не отрезал вовремя у Инны пальцы». Моя репутация и так сильно пострадала за последние дни в глазах «прогрессивной общественности» нашего острова. Похоже, что пора как следует побеседовать с кем-нибудь... «бережно, аккуратно, интенсивно». Но пока будем действовать в другом направлении.

— Виктор, ты вроде говорил, что с аквалангом нырять и плавать можешь? — спросил я.

— Да. А куда и зачем нырять надо?

— Сам ещё не знаю — может, посмотреть дно вокруг острова? Тут не слишком глубоко? Ван говорил, что есть готовые к употреблению акваланги.

Все присутствующие уставились на меня. Но одни взгляды были недоумённые, а другие — оценивающие.

Мы разошлись за час до обеда. На Вана было жалко смотреть. Виктор о чём-то сосредоточенно размышлял. Сан Саныч сказал, что ему тоже надо подумать и ушёл к себе в домик.

— Прелестное создание, как ты относишься к аперитиву, — спросил я у Ольги. — «Джентльмены угощают дам», — при этих словах я как бы томно улыбнулся, — причём ну совершенно бесплатно. То есть даром!

В домике мы открыли ту бутылку шампанского, которую накануне принесла Ольга. Опасений у меня больше не было. Холодное вино прекрасно освежало, и настроение моё улучшилось, хотя до нормы было ещё далеко.

— Хочешь посмотреть, какие у меня вчера утром селфи получились? — спросила Ольга. — Я ещё в первый день собиралась сделать на фоне бассейна под таким солнечным освещением снимки и видео...

Голова моя была в это время занята размышлением об Инне. Но не проявить внимание к предложению девушки, с которой провёл вчера бурную ночь, как минимум было бы неприлично. Я взял у Ольги телефон и посмотрел фотоснимки и видеоролики.

— Прекрасно выглядишь, несмотря на недосып, — с улыбкой прокомментировал я, возвращая телефон. — Помню твою фразу: «Переночевала у него, выпалась и поняла — не моё».

И вдруг, ещё не закончив шутку, я ощутил острое желание ещё раз посмотреть видео Ольги и попросил:

— Дай-ка ещё раз глянуть.

— Понравилась, — засмеялась Ольга, — я такая... молодая, красивая, сексуально привлекательная, — и отдала мне телефон.

Два раза я внимательно посмотрел видео на экране телефона — в левом нижнем углу было хорошо видно, что Виктор, сидевший возле бара, взял сумочку Надежды, висевшую на спинке стула, открыл её и что-то сделал. Но вот что именно — было непонятно. Из сумочки он ничего не доставал, и можно сказать, что почти не осматривал её. Тут же вспомнился рассказ Сан Саныча о том, как Виктор выходил из домика Надежды в отсутствие хозяйки. Ай да Виктор...

— Такое ощущение, что ты не на меня там смотришь, — удивилась Ольга моему молчанию.

Я вернул телефон, немного подумал и сказал:

— Посмотри на задний план, левый нижний угол...

Просмотрев свою запись, Ольга с недоумением спросила:

— И как это понимать?

— Кто бы знал... кто бы знал? Перекачай потом эти файлы на мой телефон. «Чапай думать будет».

До обеда, хвала Всевышнему, ничего не случилось. Про убийства и исчезновение никто не начинал разговоров. Алла Петровна из домика так и не выходила. Нгок Бич, которая утром после завтрака к ней постучала, была грубой нецензурной бранью отправлена «в эротическую прогулку» с указанием конкретных мест для посещения. По словам Надежды, которая в это время проходила мимо по галерее и всё слышала, Алла Петровна, похоже, была «в состоянии сильного алкогольного опьянения».

Ольга в обед пересела за наш столик, мотивируя, что не хочет обедать в одиночестве. Оно и понятно — Инна исчезла, Костик на обед не пришёл. Ольгу что-то явно томило или даже угнетало. У меня даже сложилось впечатление, что ей хотелось переговорить со мной наедине. Может быть, она что-то знала, но не говорила? Но пока было не до неё...

После обеда я предложил Сан Санычу сходить на теневую сторону острова и там искупаться. Сан Саныч понятливо кивнул, сходил за полотенцем и плавками, и мы спустились на пляж. Размышления об исчезновении или гибели Инны я отложил «на потом».

Глава двадцать первая Вторая половина третьего дня. Рассуждения Сан Саныча о геополитике и воспоминания о различных «насекомых»

*Некоторые сюрпризы сваливаются вам как снег на голову.
А другие подкрадываются, когда вы меньше всего их ждете.
И иногда самый большой сюрприз ты делаешь себе сам...*

Фраза из забытой книги

Мы устроились на песке под скалой, так чтобы нас не было видно с пирса.

— Слушай, Сан Саныч, всё собираюсь спросить тебя о фирменных методах «региональных исследований экспортного потенциала и анализа конкурентной среды» в Юго-Восточной Азии. Но что-нибудь или кто-нибудь всё время мешает. Расскажи на конкретных примерах, и чтобы было понятно — «А на кой хрен это надо российскому бизнесу?». Сразу скажу — скрытых мотивов нет, мне просто интересно. Азию не знаю — был во Вьетнаме на отдыхе да в китайском Даляне на лечении. А ты тут много лет «анализируешь» местную экономическую и политическую экзотику.

— Не устаю поражаться разнообразию интересов пожилых аспирантов «с философской направленностью». Ты бы себя со стороны послушал — с какой скоростью и лёгкостью проговорил фразу о «региональных исследованиях экспортного потенциала и анализе конкурентной среды». А ведь про это я лишь мимоходом сказал, когда обсуждали смерть Николая... Но ты запомнил.

— Услышав слова про твою тайную специализацию, я их мысленно 144 раза проговорил, пришёл к себе в комнату и записал на бумажку 20 раз подряд. Потом разорвал её на мелкие кусочки, сжёг, пепел растворил в воде и выпил раствор. Вот такой простой способ запоминания незнакомых слов.

— Чёрт с тобой — «и дальше так учи и запоминай», — улыбнулся Сан Саныч. — Объясняю на пальцах. Возьмём для примера... ну, например, Новую Зеландию. Для большинства европейцев, американцев и наших соотечественников это «чёрт знает где» и не заслуживает никакого внимания. Ну, с американцами всё понятно — у них президенты путают Украину с Уругваем. Что уж тут требовать от остальных?

Из числа европейцев, естественно, надо исключить англичан и французов — тут ситуация особая. Но в современной реальности Новая Зеландия — это стратегический регион, за влияние в котором идёт борьба между Японией, США, Китаем, Францией (ибо Новая Каледония — это её заморская территория), Австралией, как доминионом Англии, и, конечно, самой Британией.

— Не силён я в геополитике, мировой торговле и макроэкономике. Ты мне скажи, Сан Саныч, русским-то что надо в этом регионе? Половина своей страны ещё не освоена...

— Кончай дураком прикидываться — здесь нет ни Инны, ни Бажены и прочей публики. Наверняка 99 из 100 современных юристов не знают таких слов, как «геополитика», а если и слышали их, то не понимают — о чём это. А я теперь совершенно не удивлюсь, если ты вдруг начнёшь рассуждать о семантической или цивилизационной обусловленности динамики международных отношений в целом, и мировой торговли в частности.

— За комплимент благодарю, но к таким рассуждениям пока не готов. А про вышеупомянутых — есть такие люди, к которым хочется подойти, взглянуть в глаза, обнять за плечи и так ласково спросить: «Девушка, а как же ты живёшь... без мозгов-то?»

— Вот-вот — пока не готов, но что такое семантическая и цивилизационная обусловленность, ты всё же понимаешь.

Мой пассаж про мозги Инны и Бажены он просто не заметил.

— Сан Саныч, не отвлекайся от Новой Зеландии в попытках изоблечить мой низкий интеллектуальный уровень.

— Чёрт с тобой — юриста не переспоришь. Но как юрист ты должен знать — хотя в общих чертах — что такое морское право, территориальное море, прилегающая зона, эксклюзивная экономическая зона и международные воды. Территория континентального шельфа не должна превышать 350 морских миль от базовой линии берега.

— В самых общих чертах понимаю, о чём ты говоришь. Но все равно не вижу отечественного интереса к Новой Зеландии...

— Сейчас увидишь, — сказал Сан Саныч. — В начале XXI века начался крупнейший — после окончания колониальной эпохи и двух мировых войн — передел территории на планете. Морские страны претендуют на сотни тысяч квадратных миль континентального шельфа, немалая часть которого, как считается, богата природными ресурсами. Мы претендуем на расширение шельфа Арктики, а Новая Зеландия подала заявку на расширение вокруг своих островов. И её территория может разом увеличиться в пять, десять или пятнадцать раз. Представь себе, что территория российского континентального шельфа увеличится хотя бы в два раза! Вот в чём стратегическая важность этого региона — и льдов здесь нет. И это — только одна страна. Ты думаешь, почему Япония не может смириться с тем, что Курильские острова — это наша территория? Не за голые скалы идёт борьба, а за тысячи квадратных километров шельфа... Со всеми полезными ископаемыми и морскими биоресурсам. Старый алкоголик Ельцин в начале «лихих девяностых» с барского плеча чуть не отдал Японии эти острова. Не свое — не жалко. Но кто-то из реальных патриотов сумел затормозить это дело, а уж потом пришел ВВП.

Я хмыкнул при упоминании о Ельцине — дорвался свердловский партократ до власти во всероссийском масштабе, лег под англосаксов и плевать ему было на геополитику.

Сан Саныч, чуть помолчав, продолжил:

— Почему Китай искусственные острова насыпает в открытом море? Задумайся! По той же самой причине... И уже не сможет американский авианосец просто так шастать у новых китайских островов. Я немного упрощаю вопрос, но не слишком. Здесь — в Юго-Восточной Азии — стратегические узлы мировой политики и экономики XXI века, а не в том куске на окраине Евразии, которая называется Западной Европой. Вот поэтому сижу в Таиланде и провожу «региональные исследования» вместе с «конкурентным анализом».

— Тогда скажи мне, а чем твой конкурентный анализ отличается от военно-экономической разведки?

— Петрович, ну ты пойми, что после распада СССР уже тридцать лет на планете идет новая мировая война. И в этой войне нет больше привычного разделения на «горячую» и «холодную»... на политическую и экономическую. Нет больше пропасти между глобальными и локальными конфликтами. Я тебе могу привести десятки примеров, уже ставших классическими, — об использовании информации для обваливания мировых цен на нефть и газ, на металлы и пшеницу и о ракетно-бомбовых ударах регулярных и нерегулярных вооруженных формирований, после того как запланированная публикация информации не сработала. Ты сам убедишься, что от замыслов и действий финансовых аналитиков с Уолл-стрит до активных действий босоногих партизан из Юго-Восточной Азии, Африки или Южной Америки расстояние и временные промежутки минимальные. Образно говоря, «пара шагов» или «пара кликов» на компьютере.

Все эти «народные фронты освобождения», «независимые повстанческие армии», партизанские движения и просто бандформирования глобальные игроки используют втемную — как полезных идиотов. Нет, безусловно, какой-нибудь командир

партизанского отряда в Восточной Африке или политические лидеры бесчисленных «народных фронтов» могут искренне считать, что они «борются за свободу и независимость своей страны», «за веру предков» или «исполняют волю Аллаха». Но это пешки, не понимающие, чья рука ими двигает и в чьих интересах.

Сан Саныч глотнул пива, смачивая пересохшее горло, и продолжил:

— Ведь ты же не думаешь, что шахматные фигуры осознают замыслы игроков и понимают роль жертвы пешки, коня, ладьи для выигрыша темпа или создания ситуации цугцванга²⁹. Но от правильной игры этими пешками или фигурами зависят краткосрочные и стратегические интересы великих держав, а также кто именно за прошедшие сутки в результате биржевой игры станет богаче на несколько миллиардов долларов, евро или швейцарских франков.

— Хотелось бы конкретики — политинформацию о происках сил империализма сам могу проводить, — сказал я, демонстрируя неверие в слова Сан Саныча. Но это было притворство — в этом вопросе у меня с Сан Санычем было полное согласие. Искусство нанесения асимметричных ударов в политике и экономике развивается уже не одно тысячелетие. Именно поэтому было интересно — а чем собеседник будет аргументировать свою позицию?

— Будет тебе конкретика. Вот, к примеру, ежегодно в конце марта в США публикуется информация об объемах

29 Цугцванг (нем. Zugzwang «принуждение к ходу» — положение в шашках и шахматах, в котором любой ход игрока ведёт к ухудшению его позиции. В настоящее время термин употребляется не только в шахматах, но и в других видах спорта (бильярд, кёрлинг), в азартных и настольных играх (нарды, карточные игры), а также во многих других областях, и даже в быту. Например, в значении, когда любое действие или бездействие все равно приведёт к ухудшению ситуации, то есть «делать нельзя и не делать нельзя». При цугцванге у одной из сторон или у обеих сразу (взаимный цугцванг) нет полезных или нейтральных ходов, и передвижение любой из фигур ведёт к ухудшению оценки собственной позиции (в строгом понимании — к ухудшению результата).

коммерческих запасов нефти в стране. Если нефти много — то это способствует снижению ее цены, и наоборот. Допустим, к 27 марта ожидается информация, что нефти в США больше, чем когда-либо в истории. Накануне аналитики «гадают на прогнозах», рынок волнуется, инсайдеры торгуют информацией, цены начинают снижаться, фьючерсные контракты заключаются с учетом снижения цены... Я тебе не точные цифры называю, а хочу показать скрытый механизм игры.

— Ну-ну... не тяни kota за уши... а то скоро жрать захочется, — я тоже хлебнул пива из своей бутылки.

— Так вот, информация о том, что в нефти в Штатах много — по идее — днем 27 марта должна обрушить цены, например, до 45 долларов за баррель. И кто-то из мировых игроков уже приготовился к этому и даже подсчитал будущие барыши. Но вдруг некие «шиитские повстанцы» именно к утру 27 марта в результате стремительного нападения устанавливают контроль над нефтяными месторождениями где-нибудь в Саудовской Аравии. Термины и географические наименования совершенно условны. Это может быть Венесуэла, и вместо шиитов будет действовать какой-нибудь «Фронт национального сопротивления имени председателя Мао». Цена на нефть, вместо того чтобы упасть до 45 долларов, вдруг взлетает до 70 за баррель. И кто-то, хорошо информированный о «повстанческих планах», делает больше деньги. Но и те, кому нужна дешевая нефть, тоже не спят и уже к вечеру соединенные вооруженные силы условных «Саудовских монархий» — обрушивают на «повстанцев» ракетно-бомбовые удары. Во всех мировых СМИ звучат угрозы о применении сухопутных сил и уничтожении лагерей повстанцев, где находятся их семьи. Самолеты F-16 и ракеты класса «воздух-земля» к вечеру возвращают биржевые котировки к цене 50 долларов за баррель, а пара тысяч повстанцев остается в аравийских песках в виде разбросанных фраг-

ментов мертвых тел. Умиравшие верят, что они погибают во имя «святых целей веры, свободы и независимости», а их бледнолицые кураторы в прохладных кабинетах получают электронные письма с выписками из швейцарских или люксембургских банков. Механизм понятен?

— Да... непыльный бизнес... и «Кровь людская — не водица» и не дорогая нефть. Ее белым саибам зачем экономить? Что-то подобное я читал применительно к морским перевозкам нефти и газа, активизации сомалийских пиратов. Да и на работу континентальных сухопутных нефтепроводов различные «повстанцы» тоже влияют по совершенно случайному стечению обстоятельств именно тогда, когда акулам Уолл-стрит нужно обострение международной обстановки, а высшим офицерам ЦРУ — решение «оперативно-тактических задач» по наполнению личных счетов.

— Приятно беседовать со скромными юристами-пенсионерами, — ухмыляясь сказал Сан Саныч и допил свое пиво.

Я еще хотел у него спросить про Австралию — очень мне интересно, что же там готовят «хозяева планеты». Но в этот момент Сан Саныч вдруг протяжно вздохнул:

— И вдруг на одинокой скале — за сутки сразу две очень странные смерти. А я без связи и без помощи. Хорошо, хоть ты меня морально поддерживаешь. Что скажешь? Доходчивое объяснение российских интересов в этом регионе?

— «Сеня, береги руку»³⁰, в смысле береги свою фирму. Но скажи — и во что же моя задница опять неожиданно вляпалась? В геостратегические игры великих держав? Подойдет к нашему островку американский авианосец да и сметет его в море орудием главного калибра... чтобы мы конкуренцию англосаксам не составляли. И погибнем мы с тобой смертью храбрых в состоянии несильного алкогольного опьянения. На 30 Фраза из фильма «Бриллиантовая рука».

какой хрен я задал тебе ненужные вопросы? Спал бы спокойно... Сгубило кошку любопытство, а кота потянули за уши. Ладно, «живы будем — если не умрём».

Сан Саныч с ехидной улыбкой смотрел на меня и молчал с довольным видом. А потом добавил:

— Есть еще тема формирования экономических макрозон. Хочешь расскажу, если интересно.

Мне очень хотелось услышать про макрозоны — Сан Саныч открывался с новой стороны. Скромный директор маленькой туристической фирмы менялся на глазах. И чем больше он говорит — тем интереснее становится общение с ним. И это тоже требовало размышлений.

Но, помолчав, я сказал:

— Оставим в стороне геополитику и опасности американских авианосцев. И прикинем хрен к носу, или, как говорят в определённых кругах, проведём мозговой штурм. Посмотри вот этот короткий видеоролик и скажи, что думаешь. Для ускорения процесса внимания на прелести Ольги можешь не обращать — сразу смотри на задний план... в левый нижний угол.

Я передал ему свой телефон, на который Ольга переписала «видеоселфи у бассейна». Сан Саныч внимательно посмотрел его два раза и задумался.

— Это как-то может сочетаться с тем, что ты видел Виктора, выходящего из комнаты Надежды в то время, когда она плавала в бассейне? — поторопил я его с размышлениями.

— То, что я тебе сейчас расскажу, может быть чистой случайностью и совпадением, — начал Сан Саныч, — это... может быть... никак не связано с нашими проблемами на острове.

— Начало уже интригующее, — хмыкнул я, — не тяни кота за уши.

— Поздним вечером после нашего возвращения с реки

Квай, — начал Сан Саныч, — я зашёл в магазин своего доброго знакомого купить новый аккумулятор для телефона. Он там всякой техникой торгует — телефоны, часы, компьютеры, цифровые диктофоны, фотоаппараты и видеокамеры. Сотни разных наименований...

И в дверях я почти столкнулся с выходящим мужчиной. Ничего особенного или примечательного в нём не было — рост почти как у меня, одет в джинсовые шорты и черную майку, на голове бейсболка, надвинутая на лоб. Лица я почти не разглядел. Извинился перед человеком на английском и тут же забыл. Поболтал с хозяином, спросил, как идут дела. Знакомец мой пошутил насчёт того, как плохо иностранцы говорят на английском, да еще тайского не знают. Как с такими вести торговлю? Только с помощью компьютерных программ автоматического перевода. Знаешь, сейчас такие в каждом телефоне есть. Рассказал, что предыдущий покупатель только благодаря телефонному переводчику сумел объяснить, что ему надо было... Русский покупатель.

— Это был Виктор? — высказал я возникшую догадку.

— Да. Только сейчас вспомнил про этот случай. Виктора я ведь только на следующее утро увидел на пирсе возле яхты. Но не узнал в нём покупателя из магазина моего знакомого. И одет он был уже по-другому. А теперь держись за полотенце, а то в море ветром унесёт. Знаешь, что он купил в том магазине накануне отъезда? Набор самых современных миниатюрных радиозакладок для акустического контроля, радиоприёмник, цифровой диктофон для автоматической многоканальной записи... Ну и ещё какую-то хрень для полного комплекта. Название и функции этой хрени не помню. Тебе все понятно?

Я молчал, переваривая услышанное. Вот это фокус! Ай да Виктор! Ай да сукин сын!³¹ Какие интересные «маркетологи», оказывается, водятся в Екатеринбурге.

³¹ Олег, измени одно слово, цитирует фразу из письма А. С. Пушкина князю Вяземскому: «...бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!» (примечание публикатора).

— Ты хочешь сказать, что не только Надежда находится постоянно в зоне акустического контроля, но и каждый из нас?

— Не знаю, — ответил Сан Саныч. — Мне иногда были смешны твои желания разговаривать вдали от людей и жилых помещений. Вот как тут — «лицом в море». Но сейчас — снимаю шляпу и каюсь в легкомыслии. Ты предвидел это?

— Нет конечно! Но старый конь борозды не портит, хоть и пашет неглубоко. Однако многое теперь видится в ином свете — и посещение домика Надежды в её отсутствие, и манипуляции с её сумочкой... А сколько он купил радиозакладок?

— Не знаю. Не спрашивал. Не думаю, что очень много, — ведь если жучков будет «не меряно», то рано или поздно их кто-то обнаружит, несмотря на миниатюрность. А обнаружив таких «насекомых», непременно задумается... о сложностях бытия. И будут непредсказуемые последствия.

— Тоже верно, — согласился я. — А не пора ли нам душевно побеседовать с Виктором, а если повезёт, то и «расколоть» его.

— И что мы ему скажем? На чём «колоть» будем? Силу не применишь... А он может посмеяться над нашими попытками и послать на хрен.

— Фу, как это негуманно — силу применять. Сан Саныч, друг мой! Я Вами возмущён до глубины души. Насилие не наш профиль. Наш профиль — душевные беседы и обещание помощи. Кроме того — уж не знаю, как ты со своими «боевыми искусствами» — а я против Виктора и трёх секунд не продержусь, если попробую к нему силу применить. И то при условии, что Виктор не будет торопиться и не вырубит меня с одного удара. Последний раз я дрался пятнадцать лет назад с соседом по лестничной площадке и ничего хорошего из этого не вышло... Слава Богу, вовремя разняли. Поэтому с Виктором — только душевные беседы! И ещё момент — раз у нас тут сегодня «час воспоминаний», то и ты меня послушай. И тоже —

«держись за полотенце». Но сначала скажи — а может Виктор быть представителем конкурирующих с тобой фирм? Он ведь тоже... «исследователь маркетинговых процессов».

— Нет, здесь у меня на острове никаких конкурентов и дел нет. Чтобы «в простое зря не находиться», я взялся за туристическое сопровождение Сидоровых, тем более что они заранее всё оплатили. По сути дела, если не считать поездку на реку Квай, то у меня здесь у самого чистый отдых со 100%-ной предоплатой. Ведь никто не знал, что так печально для Николая это путешествие закончится. Так что Виктор мне в принципе не может быть конкурентом. А опасности я жду с другой стороны...

Глава двадцать вторая

Вторая половина четвертого дня.

Воспоминания о моей молодости, прерванные стрельбой и взрывом

*В рассказах часто встречается это «но вдруг».
Авторы правы: жизнь так полна внезапностей!*

Антон Павлович Чехов

Верил ли я Сан Санычу после рассказа о «региональных исследованиях экспортного потенциала и анализе конкурентной среды»? Конечно верил. Почему не поверить человеку? Все происшедшие события вроде бы подтверждали его слова. Но ещё я пытался вспомнить, с кем из предыдущей туристической группы он успел пообщаться за тот «час с небольшим», пока яхта стояла у пирса. Вроде бы с кем-то из отъезжающих он здоровался у отеля, а с кем-то прощался на пирсе. То ли старые знакомые, то ли бывшие деловые партнёры... Мог он провести «моменталку»?³² Мог. Даже в наше время активных действий спутников-шпионов, передачи шифрованной информации через интернет-каналы и спутниковые телефоны бывают ещё нужны старые добрые способы, в том числе — «моменталка». Долго и муторно добираться до острова, жить здесь неделю, чтобы потом «в одно касание» передать материалы? Конечно, долго и муторно. Но порой не скорость поступления информации, а безопасность контакта имеет важнейшее значение. Здесь, на одиноком острове, всё на виду и легче обнаружить контроль и слежку. Да и сама идея неспешной подготовки к передаче информации в наш суматошный век, когда счёт на секунды, а тут срок исчисляется неделями, — довольно оригинальна, а значит, может быть выигрышной.

³² «Моменталка» — моментальная конспиративная передача и получение разведывательных материалов при личной встрече. Жаргон разведки.

А может быть, всё было не так? Может быть, есть на острове тайник — один «турист» закладывает информацию, а другой её забирает. И они даже не встречаются друг с другом, и никто никого не знает. Всё может быть, но мне нет дела до этих шпионских игр, даже если это только промышленный шпионаж. И не важно — какая именно разведка здесь могла быть задействована: научно-техническая, военная или политическая... И чья она? Дай Бог, российская — если всё же тут какие-то «игры» ведутся. Но не моя это забота. Поэтому буду верить словам Сан Саныча.

Все эти мысли шевелились в моей голове. Сан Саныч терпеливо ждал, пересыпая песок из одной ладони в другую.

— Слушай воспоминания о моей молодости и «делах давно минувших дней, преданьях старины далекой». Жила-была на белом свете девочка Люба. Она родилась в 1971 году в провинциальном городе, который всё же был областным центром. К двадцати годам Люба стала очень красивой девушкой с решительным характером. Ещё через два года она окончила старинный сибирский университет по специальности «филология». Во время учёбы вышла замуж за однокурсника — тихого интеллигентного мальчика. И в первой половине «лихих девяностых» Люба вместе с мужем вернулась в родной город. Когда я впервые увидел мужа Любы, то первой и единственной мыслью была — не пара, бросит она его...

Капитализм уже вовсю шагал по российским просторам, и активно начинал развиваться рекламный рынок. Люба устроилась в региональный филиал российской медиакомпании, проработала год, затем развелась с мужем и уехала в Москву. И там красивая молодая женщина быстро сделала блестящую карьеру в рекламном бизнесе крупных зарубежных медиагигантов. Точнее сказать — в российском сегменте этих гигантов. Насколько мне известно, дважды или трижды Люба в Москве выходила замуж, каждый раз всё выше подымаясь

по карьерной лестнице. И это — не считая мелких увлечений полу-романтического характера. Теперь это крутая бизнес-леди с очень хорошим личным капиталом.

— А ты как всё это узнал?

— Случайно нас судьба свела в филиале той региональной компании — я там службу информации организовывал в это же время. Потом в интернете её фото видел с краткой информацией о служебной деятельности.

— Юрист, организующий службу информации в СМИ? Интересный ты человек... А может, была какая-то романтическая история? Или ты просто спал с этой Любой? А, Петрович? — с весёлой ехидцей в голосе спросил Сан Саныч. — Тогда ты ещё ведь не был «старым импотентом»?

— Ваш неприкрытый цинизм, Сан Саныч, меня огорчает. Не все красивые девушки, которые встречались на моём жизненном пути, были в моих объятьях. Не с любой я спал. К тому же именно тогда — «по большой любви» — я женился во второй раз. Нет, с Любой я никогда не спал. Но не запомнить красивую женщину было нельзя.

— Ну, вот... теперь ты kota за уши тянешь.

— Во время завтрака на второй день нашего пребывания здесь я подсел к столу, где сидели Ольга и Надежда. Цель была простой — в упор посмотреть на лицо Надежды. Желание такое возникло ещё накануне — во время вечеринки. А после этого я с компьютера ресепшен распечатал скан её паспорта. Это всё ты уже знаешь.

— Так... понял, откуда «корни растут» у воспоминаний о поездке в Ленинград твоего друга с любовницей. И ты считаешь, что Люба прибыла сюда по паспорту Надежды Владимировой?

— Есть такой интеллектуальный грех. Но, хотя уверенность в результатах идентификации почти полная, однако проверку всё же надо провести. И разобраться в интересе Виктора к Надежде,

которая Люба, — зачем-то он ей жучков натолкал и в комнату, и в сумочку. А вообще-то «усталая женщина, приехавшая на далёкий остров отдохнуть и написать книгу», — это отличное прикрытие для любых комбинаций.

— И как мы это провернём? — поинтересовался Сан Саныч.

— Хочу попробовать такую штуку, — начал я, но в этот момент вдруг послышался звук работающего мотора. Не сразу стало понятно, что это стучит мотор катера, пришвартованного возле пирса. Звук начал удаляться в море. Мы вскочили с песка и бросились в сторону пирса. Обогнув скалу и подбежав к пирсу, увидели удаляющийся катер. Затем услышали звук выстрела, доносившийся откуда-то сверху, и раздался сильный взрыв. Над катером взметнулся столб пламени, и он загорелся. Пока мы добежали до края пирса, катер затонул...

Глава двадцать третья

Вторая половина четвертого дня.

Размышления об объёме сосудов

*Следы лучше вообще не оставлять,
чем пытаться их запутывать.*

Из советов моего знакомого

Наверху, возле отеля, раздавались крики — там тоже видели и слышали взрыв катера.

— Пойдём наверх, — запыхавшись, сказал Сан Саныч.

— Пойдём, но мне надо забрать телефон и полотенце. Забыл про него, когда рванулся к пирсу.

— Да, и моё полотенце захвати, если не трудно. А я сразу в отель. Ох, как мне всё это не нравится. Тут уже точно убийство — потому что после выстрела катер взорвался.

Да, это было убийство, но мы тогда, конечно, не знали, что ещё одно тоже скоро произойдет — через несколько часов после взрыва катера.

Сан Саныч побежал вверх по лестнице (лифт опять не работал), а я направился за вещами. У конца пирса я остановился передохнуть. Увы, уже не мальчик, и даже бег на короткие дистанции заставляет сердце стучать слишком часто. Сан Санычу легче — он спортсмен. Мой взгляд остановился на песке возле пирса. А это что такое? Я долго смотрел на песок, потом перевел взгляд на волны, набегающие на берег. Ещё через минуту, вернувшись к пирсу, стал фотографировать телефоном кусок берега. Точнее сказать — снимал следы на песке.

Памятник надо бы поставить человеку, который в одном корпусе объединил телефон и фотоаппарат. Как жаль, что в пору моей молодости не было таких прекрасных «цифровых игрушек». Я без всякого умиления вспомнил хороший, но

большой и тяжёлый «Зенит-ТТЛ»³³. Впрочем, по тем временам он считался малоформатным. Однако если его носить в руках или на шее целый день, то удовольствие от фотографирования совершенно исчезало.

Дальнейшие события этого дня происходили в таком темпе и были столь насыщены разными аспектами, что о них приходится вынужденно рассказывать отдельными фрагментами, нарушая подлинный хронологический порядок. Иначе всё может перепутаться и станет совсем неясным.

Итак — сначала о следах возле пирса. За столиком возле бара собрались Сан Саныч, Виктор, Ван и я.

— Ван, кто из сотрудников исчез, — спросил Сан Саныч, — надо понять, кто пытался уйти на катере?

— Я думаю, что это был помощник повара Вэйдун³⁴, — ответил Ван. — Остальные на месте.

— Ты же нам раньше говорил, что на катере было мало бензина, — уточнил я, — и поэтому мы не могли бы его использовать, чтобы добраться до Паттайи. Помнишь — когда вышка связи рухнула, ты нам ситуацию обрисовывал?

— Да, конечно. Того горючего, что было в баке, хватило бы на пару часов. Максимум — на три, а это очень мало — катер дошёл бы только до того места, где практически нет судоходства.

Тут в разговор вступил Виктор:

— Тогда на что надеялся Вэйдун, бежав на этом катере? Что-то ведь заставило его попытаться скрыться с острова? И чего он боялся?

— Я не знаю, — ответил Ван, — может быть, он хотел скрыться от опасности... от смертельной опасности. Но не сумел.

³³ «Зенит-ТТЛ» — малоформатный однообъективный зеркальный фотоаппарат, разработанный на Красногорском механическом заводе (КМЗ) на основе фотоаппарата «Зенит-ЕМ» и выпускавшийся в СССР серийно с 1978 по 1985 год.

³⁴ Вэйдун — защитник востока.

Не буду греха таить — некоторые сомнения в искренности и честности Вана у меня возникали. Не то чтобы он нам врал или говорил частичную неправду. Иногда можно обойтись без этого — просто промолчать о правде или не всю правду рассказать. Надеюсь, что вы понимаете, о чём идет речь? Это — «тонкие материи», но их надо различать и учитывать. Проверить слова Вана я не мог — без знания языка практически в той ситуации ничего невозможно было сделать. Наш полиглот Сан Саныч тоже не всеми диалектами владел.

Я достал свой телефон, нашёл нужные фотографии и показал их собеседникам.

— Это следы на песке возле пирса. Думаю, что сейчас волны прибоя уже смыли их. Но по фотоснимку ясно, что это — отпечатки канистр с бензином, которые Вэйдун... или кто-то другой приготовил к загрузке в катер. Издалека под пирсом они были незаметны, да и народ там почти не ходил в последние дни.

Сан Саныч ещё раз внимательно посмотрел на фотографии и что-то в уме начал высчитывать. Потом сказал:

— А что? Судя по количеству отпечатков канистр, вполне могло хватить горючки, чтобы добраться до берега на катере. И не пришлось бы болтаться в море с заглушим мотором.

— Мы не знаем объёма канистр, — резонно возразил ему Виктор, — по снимкам можно представить площадь дна, но не высоту, а следовательно, невозможно точно определить объём. Если канистры высокие, то в них могло входить не 30, а 50 литров горючки.

— Да... согласен с Виктором, — сказал Сан Саныч, — и хочу еще уточнить, что не во всех канистрах мог быть бензин. Наш беглец ещё должен был взять питьевую воду. Это в идеальном варианте он мог добраться до берега за десять или двенадцать часов с учётом максимальной скорости катера. Но в море нет

идеальных условий, поэтому в первую очередь он должен был подумать о питьевой воде. То есть взять с собой, как минимум, одну канистру с водой. А я бы, на его месте, взял больше. Уж лучше несколько дней болтаться в тёплом море с заглухнувшим мотором, чем умирать от жажды.

Потом Сан Саныч повернулся ко мне.

— Петрович, а ты молодец — заметил следы на песке. А я пробежал туда и обратно и даже не взглянул.

— Зайца в цирке за полгода учат на барабанах играть, — отшутился я, но шутку никто не понял. Откуда им знать, что в феврале теперь уже очень далекого 1980 года так мне сказал прикрепленный наставник. И добавил: «И тебя всему за год научим, а уж дальше сам совершенствуйся... в «игре на барабанах»».

Собеседники ждали расшифровки моей шутки, но я заговорил о другом.

— Все эти вычисления интересны, но остался вопрос — а где Вэйдун взял эти канистры с горючим?

Над столом повисла тишина, и наши взгляды скрестились на Ване. Он молчал. А когда молчание затянулось, Сан Саныч жёстко спросил:

— Ван, ты язык проглотил, что ли?

— Не знаю, — проблеял Ван. Виктор молча смотрел на него, но под таким «спокойным» взглядом и мне было бы очень неудобно.

— Я правда не знаю, — почти прошептал Ван.

Пришлось мне вмешаться.

— Сан Саныч, Ван действительно может этого не знать. Но нам надо найти этот тайный склад — ведь где-то бензин хранился, до того как Вэйдун перетащил его на катер. Про него точно знал «неудачливый беглец»... и, может, знает кто-то ещё. Но, этот «кто-то» — не обязательно Ван, который работает здесь

«без году неделя». И, может быть, мы там не только бензин найдём...

Все замолчали, обдумывая сказанное.

— Да, надо искать, — согласился Виктор, — но перед этим неплохо было бы хоть чем-то вооружиться.

Сан Саныч согласно качнул головой.

— У нас нет никакого оружия, — печально сказал Ван.

— И даже кухонные ножи уже сломались? — довольно ехидно уточнил Сан Саныч. — Ван, носи из кухни самые большие ножи.

— И топорики для поваров, — добавил Виктор.

— А также планы зданий и помещений, расположенных на острове, и хорошие ручные фонари, — это уже я внёс дополнение.

Осмотры и обыски на больших площадях без карт и схем производить трудно, а в тёмных помещениях без фонарей это делать просто невозможно...

Глава двадцать четвертая Вторая половина четвертого дня. «Вам не надо брать в руки это оружие...»

*Обходя разложенные грабли,
ты теряешь драгоценный опыт.
Что-то мудрое высказывание*

*Всё, что может быть использовано как оружие,
будет использовано как оружие.*

Станислав Лем

Поиски затянулись до вечера, но оно того стоило. Перед их началом Ван принёс здоровый нож-измельчитель, больше похожий на топор, нож для шеф-повара, длинный нож для нарезки и ещё пару-тройку обычных кухонных... И стопку листов бумаги с планами помещений.

Сан Саныч и Виктор выбрали себе по одному большому и одному нормальному кухонному ножу. Ван взял нож для шеф-повара. Разглядывая бумаги, краем глаза я видел, как Виктор взвешивал ножи на руке, как мгновенно перебросил нож небольшого размера из прямого хвата правой рукой в обратный хват левой... Умелец...

Видя, что не принимаю участия в увлекательной процедуре выбора ножей, Сан Саныч ехидно спросил:

— «Когда срываешь былинку, вздрагивает вся Вселенная?»

Виктор и Ван удивлённо посмотрели на нас. Я молча кивнул.

— Не валяй дурака — неизвестно с чем или с кем встретиться придётся, — он говорил вполне серьезно.

— Сан Саныч, я не боец-ножевик. Моё оружие — мозги. Их, конечно, можно крепко повредить или отобрать у меня... вместе с головой. Но это обстоятельство не делает из меня бойца. Каждый должен правильно использовать свои навыки и

возможности. Я же вижу, как ты и Виктор умело взялись за ножи. Особенно Виктор... Вы забыли первые признаки настоящего зарубежного туриста — он ходит без оружия. Поэтому пусть хотя бы один из нас будет безоружным.

Потом мы посмотрели планы и схемы. И опять я обратил внимание на Виктора — он явно привык быстро читать карты и чертежи, может быть, даже «фотографируя взглядом». Я бы не удивился, окажись у него такой полезный навык. Однако в этот раз я промолчал — помнил, как Виктор взглянул на меня после слов «боец-ножевик». Ни к чему мне удивлённые взгляды мужчин... пусть лучше девушки глядят с удивлением и постоянным восхищением.

Я сходил к себе в домик, одел джинсы с поясным ремнём и обулся в кроссовки. На ремень повесил ручной электрофонарь, в карман сунул футляр с запасными очками. На выходе столкнулся с Ольгой.

— Ты куда? — спросила она.

— «Дурная голова ногам покоя не даёт» — пойду с мужиками погуляю по окрестностям. Вдруг что-нибудь интересное увидим. А вы соберитесь стайкой и присядьте у бара... не шарахайтесь по острову.

— А... — Ольга что-то хотела сказать, но я решительно прервал её.

— Всё, дорогая, сейчас некогда, вечером поговорим. Сгоняй всех в бар и пейте прохладительные напитки. Это очень полезно в жарком климате для нежной женской кожи.

Про утомительные поиски и осмотры рассказывать не буду — скучное это дело. Тайник мы нашли через 2,5 часа в одном из складских помещений, вырубленных в скале. Возле стены до самого потолка стояли коробки со стиральным порошком, жидким мылом, туалетной бумагой и прочей хозяйственной мелочью. В верхнем ряду не было одной коробки, и Виктор

углядел электропровод, уходящий в стену. Отодвинув коробки, мы увидели дверь в стене. Она была закрыта, но в замке торчал ключ. Видимо, последний посетитель склада просто забыл его забрать.

Когда дверь была открыта, и кто-то включил освещение, Сан Саныч присвистнул. Ван что-то сказал на вьетнамском. Что именно, я не понял, но прозвучало очень похоже на русское «бля...». Виктор не то хмыкнул, не то крикнул. Я вспомнил вслух свое любимое выражение — про то, что «вечер перестает быть томным».

В большой комнате-тайнике мы увидели канистры с бензином, коробки с макаронами и крупой, какие-то нейлоновые тросы, бухты толстых и тонких верёвок и ещё «чёрт знает что». Там же было оружие: два помповых ружья, которые Сан Саныч определил как охотничьи «Винчестеры 1300», три шестизарядных револьвера с откидным барабаном, которые Виктор обозначил как «Тип 05 классической конструкции», четыре длинноствольных пистолета никому не известной марки с ПБС³⁵, в просторечии именуемыми глушителями. Про них Сан Саныч, ухмыляясь, заметил: «Это для любителей тишины».

Там ещё были разные патроны, бронежилеты, ножи и что-то похожее на гранаты. Виктор объяснил нам, что это — светошумовые боеприпасы и дымовые гранаты. Он предложил всем вооружиться револьверами и пистолетами, Сан Саныч и Ван, по всему было видно, готовы были поддержать эту безумную идею. Но тут я призвал мужиков к проявлению здравого смысла.

— Очнитесь, господа! Я не знаю, какие в этой стране законы, но очень сомневаюсь, что они разрешают частным лицам свободное владение или ношение короткоствольного огнестрельного оружия. И тем более — иностранцам. И вряд ли в качестве наказания за нарушение запретов используются

³⁵ ПБС — прибор бесшумной стрельбы.

штрафы — наверняка, лишение свободы. Второй момент — никто из вас не знает, где это оружие раньше использовалось и что «на нём висит»? Может быть, какое-нибудь «злодейство смертное»... да не одно. Оно вам надо — влипнуть в какую-нибудь историю с чужим оружием в руках в чужой стране? Поверьте, никому еще «мокрые стволы» счастья и удачи не принесли.

Сан Саныч и Виктор понимающе переглянулись. Но Ван явно не осознал смысл идиомы. Он по очереди смотрел на нас, видимо надеясь услышать какие-то объяснения. А может быть, он вспоминал неvkские или белорусские пейзажи, затяжные дожди, стволы мокрых деревьев... Пейзажи, в которых особенно сильно чувствуются несчастья и неудачи. Может быть...

— И третье — вы с кем на острове воевать-то собрались? — дожал я ситуацию.

Очнулись... Сан Саныч меня поддержал:

— А ведь он прав — наш гуманист и пацифист «в одном флаконе». Одно дело — кухонные ножи для возможной самозащиты, и совершенно другое — пистолеты в руках, которые «случайно» и выстрелить могут.

Виктор с явной неохотой положил на полку пистолет, который держал в руках. Я вытянул из заднего кармана джинсов носовой платок и протянул его Виктору:

— Оботри тщательно всё, чего руками касался. Платок потом верни мне — я сам от него избавлюсь.

Сан Саныч демонстративно и громко хмыкнул: «Юристы, бя...».

Виктор помедлил, внимательно посмотрел на него и на меня, но платок взял и протёр им всё оружие, за которое брался.

— Ну вот и правильно, вот и хорошо, — словесное одобрение было необходимо, чтобы присутствующие прониклись серьезностью последствий, — не надо нам оставлять ни

отпечатков пальцев на оружии, ни потожировые следы, как объекты для возможной генетической экспертизы.

— Всё, уважаемые господа, закрываем эту «пещеру сокровищ», маскируем обратно дверь коробками и сваливаем отсюда со словами «Усталые, но довольные ребята возвращались домой». Нам надо ещё по списку сотрудников отеля хотя бы бегло пройтись. Теперь ясно, что «убивец» среди них... или «убивцы». Я исключаю всех наших из числа подозреваемых в стрельбе по катеру.

— Почему, — въедливо спросил Сан Саныч, а Виктор молча посмотрел на меня.

— Ну, сами подумайте, какое фантастическое сплетение обстоятельств должно привести к тому, чтобы в реальных условиях русский турист голыми руками совершил убийство бармена или садовника отеля с применением высокоточного оружия? И кто для этого туриста заботливо приготовил на острове снайперскую винтовку? Кроме того, в момент выстрела почти все наши, а также Ван, были друг у друга на виду. Аллу Петровну в счет не беру — хорошо, что сейчас она в унитаз попадает...

И, еще немного подумав, я добавил:

— Сан Саныч, тебе, как самому разумному, поручаем хранить ключ «к богатствам», — я передал ему ключ от тайного склада.

Возражений не последовало ни по поводу комплимента Сан Санычу, ни в связи с выбором кандидатуры хранителя. И вскоре мы вернулись к отелю...

Наш «военно-лингвистический совет» заседал на террасе возле большого бассейна. Мы подтянули шезлонги и столик, который устали пивными бутылками. После того как я убедился, что Ван, как и российские туристы, сам не мог стрелять по катеру, я попросил у него список сотрудников отеля и предложил дать краткую характеристику каждому. Имена Ван

назвал, а вот с характеристиками ничего не вышло. Кроме стандартных фраз, «старателен, нарушений не было», Ван толком ничего не сказал. Расшифровка имён тоже ничего не дала. И, наверное, в принципе ничего не могла дать.

Вот такой получился список:

Фа (выдающийся) — шеф-повар.

Вэйдун (защитник востока) — помощник повара.

Джиан (здоровый мальчик) — кухонный рабочий и официант.

Фенг (острое лезвие) — кухонный рабочий и официант.

Ксиабо (маленький борец) — я напрочь забыл, что он делал, хотя Ван говорил (увы, не та уже память, не та).

Хонгсаван (небесный лебедь) — бармен, упавший с лестницы перед самой смертью.

Цзинсун (сильная сосна) — техник, обслуживающий «все движимое и недвижимое оборудование» в отеле, а также кладовщик.

Джен (корень) — портье и садовник.

Ким Кук (золотая хризантема) — горничная.

Нгок Бич (драгоценный нефрит) — горничная.

Понг — массажистка. Но это было не имя, а тайская фамилия, что-то вроде «весёлая» или «щедрая». Ван сам не помнил её имя.

Реальных результатов от нашего «лингвистического совета», увы, не было. Сан Саныч правильно сказал, что это — «тупиковая дорога» и мы зря ломаем свои головы в надежде найти убийцу таким способом. По его мнению, китайские имена до сих пор могут даваться в соответствии с древними традициями той или иной провинции. Самые популярные имена напоминают список добрых напутствий в жизни. Но сейчас многие родители называют мальчиков на западный лад. Кроме того, стрелок мог устроиться в отель под чужим именем. Пришлось согласиться, что версия моя была «красивой, но бесплодной». Ну, что же, вовремя отказаться от собственных заблуждений — это

определённая заслуга. «Мой опыт — сын ошибок важных».

Мы вернулись к бару, присели за столики и с большим удовольствием снова взялись за холодное пиво. Но предварительно зашли на кухню, вернули все ножи и там же оставили фонари. Ван сказал, что потом всё сам уберёт. На вопросы женщин мы отвечали, что ничего интересного не нашли. Уж не знаю, поверили они нам или нет. Но все долго обсуждали взрыв катера и гибель Вэйдуна. Ибо не ведомо людям, что их ждёт впереди.

Глава двадцать пятая

Вечер четвертого дня.

О пользе изучения философии и логики

*Есть три ошибки в общении людей:
первая — это желание говорить прежде, чем нужно;
вторая — застенчивость, не говорить, когда это нужно;
третья — говорить, не наблюдая за вашим слушателем.*

Конфуций

Через полчаса после ужина, выпив с народом пива, Виктор пошёл к себе. Подождав несколько минут, я незаметно кивнул Сан Санычу и сказал, что тоже пойду передохну немного. Ольга дёрнулась было встать со стула, но, поймав мой взгляд и недвусмысленный жест рукой, села обратно.

Вскоре в мою дверь постучал Сан Саныч. Я открыл, и он зашёл. Недвусмысленно пошевелив свои уши руками, правой я помахал над головой, а указательный палец левой прижал к губам. Сан Саныч догадливо кивнул и весело спросил:

— Ты хотел что-то без женщин обсудить? Какие есть идеи, мой дорогой друг?

— Предлагаю посоветоваться с Виктором. Он сегодня определённо проявил себя как эксперт в некоторых очень специфических вопросах. У меня, например, таких знаний нет.

— Полностью согласен с предыдущим оратором, и у меня знания по многим специальным вопросам отсутствуют. Сейчас пойдём к эксперту?

— Конечно. Зачем время зря терять?

По дороге к домику Виктора я спросил Сан Саныча:

— Игры про доброго и злого следователя знаешь?

— А то! И мы кино смотрим, и мы когда-то книжки читали.

— Роль злого исполнить сможешь? Но без фанатизма...

— А ты, гуманист, значит добрым будешь, — ехидно засмеялся Сан Саныч.

— Добрые предложения должны делать добрые люди, — ответил я своей любимой фразой, — ещё я буду грузить Виктора массой ненужной информации, а ты бди и вовремя мне подыгрывай.

— А-а-а... Избыток информации как способ создания проблем в момент принятия решений? — догадливо подхватил Сан Саныч. — Сенсорная перегрузка как средство дезориентации и создания неадекватной ответной реакции в режиме линейной последовательности?

«Вот зараза, — с невольным восхищением подумал я, — он ещё и Тоффлера³⁶ практически наизусть цитирует».

— Ага... быстро ловишь идею об информационно-эмоциональном воздействии. Есть у меня на этот счет приятное воспоминание молодости. Однажды, в начале 80-х годов XX века, я на несколько часов парализовал работу учреждения, в котором тогда трудился, — принес распечатанную на ЭВМ эротически-матерную поэму Ивана Баркова «Лука Мудищев». По тем временам это была «информационная бомба». Сначала мужчины, закрывшись в служебных кабинетах, по очереди прочитали сие порнографическое произведение, а затем и некоторые женщины. Никто не работал, пока не дочитал. Мозги были заняты другим. Вот и Виктора надо немножко отвлечь...

— Яволь! Экспромты допускаются?

— Валяй! Но в пределах разумного.

После этих слов я включил диктофон на своём телефоне.

Виктор явно не ожидал увидеть нас у своих дверей.

— Приглашай — посоветоваться надо, — с широкой улыбкой сказал Сан Саныч, стоя у порога.

Виктор молча посторонился. Мы прошли и присели у журнального столика, причём я сел спиной к окну. Хозяин отошёл к холодильнику и спросил:

36 Элвин Тоффлер — американский философ, социолог и футуролог, один из авторов концепции постиндустриального общества.

— Может, выпьете чего-нибудь? — он явно старался изобразить гостеприимство.

— Потом, — ответил ему я, — сначала нам действительно надо серьёзно поговорить.

Виктор тоже присел.

— Понимаешь, — начал я, — в суете после взрыва катера как-то на задний план отошли вопросы, кто и откуда стрелял. Ежу понятно было, что стрелок не будет дожидаться, пока кто-то любопытствующий не придёт посмотреть на «такого меткого». Ясно, что пальнул умелец из ствола и тут же скрылся. И вряд ли он белым днем тащил ствол за собой. Может, конечно, и нынешней ночью утащить его в укромное место... А может быть, затаился и сидит себе спокойно, не привлекая внимания ночными прогулками. И вот тут... у нас есть шанс, и завтра можно попробовать отыскать винтовку или иное оружие, из которого были произведены выстрелы по катеру. Но для этого надо определить место и расстояние, поправку на угол цели, возможность прицельного выстрела при движении катера по морской поверхности... может быть, учесть силу притяжения, которая воздействует на пулю.

Теперь усмехался Виктор.

— Что-то для философа и коллекционера акварели у тебя слишком специфические познания и вытекающие из них вопросы. Наводит на определённые размышления...

— Ну что ты, не надо ненужных подозрений, — спокойно ответил я и по примеру Сан Саныча широко улыбнулся. — На самом деле всё объясняется совершенно обыденными вещами или их комбинацией. Да будет тебе известно, что изучение логики является, и всегда являлось, частью общефилософской подготовки. И многие выдающиеся философы были одновременно и блестящими логиками. В любом случае философская подготовка подразумевает изучение

причинно-следственных связей. Кроме того, я не всегда был философом, хотя и любил философию с юных дней. И акварель коллекционирую только тридцать лет из шестидесяти. А логика моих рассуждений проста — чтобы попасть с одного выстрела, сделанного с вершины скалы, в катер, пляшущий на морской волне, надо обладать определёнными навыками стрельбы и, возможно, снайперской винтовкой. Можно, конечно, обшарить все верхушки острова, но лучше сузить зону поиска.

— Мне не совсем понятно, почему вы решили, что я смогу определить сектор стрельбы? — поинтересовался Виктор.

— Виктор, складывается впечатление, что ты не хочешь нам помочь, — с нажимом в голосе сказал Сан Саныч, — и это тоже наводит на определённые размышления.

Ну, вот — пошла игра в злого следователя. Теперь снова мой ход. Я внимательно посмотрел на Виктора, благо свет падал на его лицо, и сказал:

— Подожди, Сан Саныч, я кое-что объясню товарищу майору.

На миг лицо Виктора дрогнуло, но он остался спокойным и ничего не сказал. Пришлось продолжать по заготовленному варианту:

— До выхода на пенсию я работал в разных муниципальных и государственных органах на различных штатских должностях — начальником отдела правовой экспертизы, советником по широкому кругу вопросов и прочее, прочее, прочее. И однажды меня направили на научно-практическую конференцию по вопросам муниципального развития, которую организовывала Тюменская областная дума. Проходила эта конференция в Ишиме. Глава города подготовил для участников экскурсию по Ишиму и в разговоре упомянул про то, что воинский городок уже несколько лет пустует, после того как оттуда вывели часть военных связистов. В первый наш совместный вечер — между чтением стихов о любви — я краем уха слышал, как ты кому-

то из женщин говорил про службу в Ишиме и что там у тебя красивая девушка была.

— Да уж... логика у тебя железная — раз в Ишиме дружил с красивой девушкой, то могу на глаз определить сектор снайперской стрельбы на скале в экваториальных водах, — опять ехидно заметил наш собеседник.

— Виктор, он не такой дурак, как на первый взгляд кажется, — подал свою реплику Сан Саныч, — тебя где учили недооценивать противника?

— Что уже «противник» среди нас появился? — мгновенноотреагировал Виктор.

Держался он спокойно и уверенно. Но и я ещё не всё сказал...

— Сан Саныч, да подожди ты с упрёками, — примирительно сказал я. — Можно продолжать?

— Валяй, — добродушно улыбнулся Виктор.

— На следующий день, когда я в бассейне девушкам рассказывал о своей нереализованной мечте прыгнуть с парашютом, ты заметил, что сделал не один прыжок. Так было? Ничего я не напутал?

— Так было, ничего не напутал. Не один раз я прыгал с парашютом. И что? — Виктор был абсолютно спокоен.

— А на мой вопрос о готовности понырять и поплавать с аквалангом как ты отреагировал и что сказал?

— Спросил, для чего нырять. Умею с аквалангом обращаться. Ну и что? Красивая девушка в Ишиме, парашют и акваланг... Выводы-то какие? Не пойму я, честное слово, к чему ты клонишь?

— А он к тому клонит, — захохотал Сан Саныч, — что наличие подобных навыков хорошо укладывается в определение «специальная парашютно-десантная и водолазная подготовка». Конечно, не каждый майор может этим похвастаться. Но ты его дальше слушай — настоящий философ зря слова не скажет. Пиво у тебя есть? Что-то опять в глотке пересохло.

— Пива нет, в холодильнике только вино, а в баре — коньяк, ром и текила есть, — ответил Виктор.

— Сан Саныч, притащи пива из бара... На троих — я тоже нынче пивком побалуюсь. И на девушек посмотри — как они там без мужского внимания?

Сан Саныч без споров согласился сгонять за пивком, глянуть на девушек и ушёл. Нужная психологическая обстановка была создана для продолжения разговора.

— Много лет назад я где-то прочитал, что до 95% разведывательной информации находится в открытых источниках, причем 70% из них — в средствах массовой информации. Аналогичная ситуация с экономической информацией. Впрочем, что это я тебе — директору маркетингового агентства — рассказываю азы профессии? Сегодня я внимательно наблюдал, как ты обращаешься с ножами, с какой неохотой положил пистолет на полку... Рота связи действительно располагалась в военном городке в центре Ишима. Но раньше там была учебная часть спецназа РВСН³⁷, позднее переведённая куда-то под Новосибирск. Мэр Ишима коротким словом «спецназ» обозначил тех, кто там служил. А уж представить, чему там учили, было не сложно: охране стратегических объектов и борьбе с диверсионно-разведывательными группами противника, разведке, боевому охранению и сопровождению колонн с ракетной техникой, прикладной рукопашке...³⁸ Может быть, я что-то упустил, как лицо сугубо гражданское?

— Болтун — находка для шпиона, — буркнул Виктор.

— Ты это про меня или про ишимского мэра?

— Про мэра.

³⁷ Ракетные войска стратегического назначения России.

³⁸ Рукопашка (слэнг), рукопашный бой — рациональное применение грубой физической силы с использованием специальных приёмов борьбы, ударной техники. Схватка с противником без применения огнестрельного оружия либо вообще без оружия. В настоящее время существует два основных подвида данной дисциплины: прикладное и спортивное.

— Да... мэры они такие. Не всегда базар фильтруют. Знал я одного мэра, который решил выделиться оригинальностью избирательной кампании, пришёл на предвыборный митинг в СИЗО и бодро заявил: «Я очень рад видеть вас здесь». Что же касается вопроса, который ты хотел бы задать, но воздерживаешься, то ответ простой. Я просто прикинул твой возраст, предполагаемые годы службы в Ишиме, умение обращаться с оружием, парашютом и аквалангом и сделал вывод о службе в специальных подразделениях Министерства обороны. Как подтверждение — сегодняшний разговор. Я говорил о месте, с которого был произведен выстрел, а ты — о секторе снайперской стрельбы. И это тоже подтверждает правильность логических рассуждений. Мелочь, а приятно. А сам факт твоей службы в армейском спецназе вряд ли является государственной или военной тайной. Так?

— Так... это не тайна. Просто не привык я рот разевать и языком трепать, когда дело службы касается.

— И это — правильно! — одобрительно заметил я.

Знаете ли, одобрение при допросах и в прочих видах бесед редко бывает ненужным.

Виктор немного помолчал, явно раздумывая, говорить правду или нет.

— Про выстрел по катеру вот что могу сказать — конечно, из пистолета на таком расстоянии его не достать... Винтовка или карабин нужен. Кроме того, было два выстрела — сразу один за другим, поэтому звук почти слился, и только опытное ухо могло различить. И, скорей всего, пули были зажигательные, поэтому канистры с бензином и взорвались.

Виктор замолчал, о чём-то раздумывая, потом кивнул головой и продолжил:

— Но для взрыва после выстрела должно быть совпадение нескольких факторов: высокая температура в полупустой

канистре с нагретыми парами бензина — то есть избыточное давление... по сравнению с нормальной ситуацией. Тогда при попадании трассера на выходе пуля и подожжёт истекающие пары бензина, будет взрыв канистры. Тут стрелку крупно повезло, что пуля попала именно в полупустую канистру.

Теперь задумался я и стал вслух прикидывать варианты:

— Жаркая погода у нас есть. Если первая пуля просто прошла полную канистру — без взрыва, то всё равно бензин начал вытекать... Вторая пуля или могла попасть в неполную канистру и взорвать её, или иным образом поджечь вытекающий бензин и с последующим взрывом. Возможен ещё вариант с минированием катера и совпадением по времени взрыва и стрельбы. Ну, маловероятным кажется мне такое совпадение секунда в секунду. Да и зачем катер минировать? Дойти до берега с тем запасом горючки, которая в баках оставалась, нельзя было, а вот покататься или на рыбалку выйти недалеко вполне можно. И тогда вопрос — зачем взрывать случайных людей? Нет! Более разумным кажется всё же взрыв после выстрела. А ты как думаешь?

— Пожалуй... всё же взрыв как результат выстрелов. Сейчас уже стемнело, а завтра попробуем найти позицию стрелка. — Виктор помолчал и добавил: — Зря я логиков и философов недооценивал. А как ты догадался, что я майор?

Глава двадцать шестая Поздний вечер четвертого дня. Дружеские беседы под холодное пиво

*Согласно закону Запада,
кольт 45-го калибра бьёт четырёх тузов.*

Билл Джонс

В тот момент, когда прозвучал вопрос Виктора, в домик без стука ввалился Сан Саныч с шестью бутылками пива в руках и с порога спросил:

— Ну, что? Раскололся майор?

— Сан Саныч, Вы меня огорчаете — я с удивлением развел руками. — Какой раскол? Откуда такие выражения? Мы с Виктором обсуждали вопрос необходимости изучения таких научных и учебных дисциплин, как логика и философия. Он признаёт, что они имеют право на существование. Предложил на завтра свою помощь в обнаружении точки, откуда велась стрельба. Давай пиво, открывай быстрее — умные разговоры горло сушат.

Виктор достал три пивных бокала, а Сан Саныч сноровисто разлил пиво. Он поднял свой бокал и провозгласил:

— Ну, за обнаружение!

«Шутник, однако» — промелькнула у меня мысль. «За обнаружение», понимаешь ли, он тост произносит... Не уточняя, однако, кого или чего?

Дождавшись, пока мы начнём пить и Виктор наполовину опустошит свой бокал, Сан Саныч, глядя в упор, спросил его:

— Ты нам всем жучков для прослушки насовал или только бабам?

Вот тут Виктор захлебнулся и закашлялся. Это не было притворством... несколько секунд. Но когда кашель стал затягиваться — Виктор явно тянул время, чтобы сформулировать ответ, — я добавил:

— Виктор, давай поговорим без дураков. Не надо «песен», что ты ничего не понимаешь. Мы точно знаем, какой комплекс для прослушки ты купил в Паттайе, в каком магазине и сколько за это заплатил. При необходимости будет копия кассового и товарного чека, а также видеозапись самой покупки, сделанная камерами видеонаблюдения в магазине.

Сан Саныч взглянул на меня и тут же отвёл глаза. А что я такого сказал? И пошутить уже нельзя? Ну, чего не скажешь в шутейном разговоре? Он пошутил, я тоже посмеялся. Что же все шутки так близко к сердцу принимать?

Виктор поставил свой стакан на столик. Выглядел он растерянным... Или хотел так выглядеть в наших глазах?

— Бл...ь, вы ребята кто? Коллекционеры, искусствоведы и философы в штатском? Я же проверялся перед тем, как в тот магазин зайти. И выбор магазина был случайным — таких там десяток или больше... И что вы от меня хотите?

— Правду, одну только правду и ничего кроме правды, — сказал Сан Саныч.

Чеканная фраза — такие формулируют на века.

— Виктор, если бы не трупы, не убийства и не взорванный сегодня катер... И не сложившаяся в целом ситуация, — уточнил я, — нам было бы совершенно безразлично, за кем ты наладил акустический радиоконтроль и кого круглосуточно пишешь. Вообще было бы наплевать — кто ты и что ты здесь делаешь. Отдыхаешь или работаешь? Но ситуация очень поганая, и нам всем на этом острове крупно не повезло. Но одним уже смертельно не повезло, а другие ещё живы. И с непонятками³⁹ надо срочно разбираться.

Снова встрял «злой полицейский» Сан Саныч:

— Утонувший в бассейне Николай в свое время руководил кафедрой, которая разрабатывала двигатели для бронетанковой техники. И таких разработок пока нет ни в одной технической ³⁹ Непонятка (разг. или жарг. выражение) — непонятная, подозрительная ситуация.

развитой стране. Так что версия его отравления женой или несчастный случай в бассейне пока остаются только версиями. Тебе намекнуть на иные варианты или нет такой необходимости?

«Однако какие оригинальные экспромты рождаются у директора маленькой туристической фирмы! Bravo, Сан Саныч! Снимаю свою оранжевую шляпу и низко склоняю главу в знак почтения. Лихо...» — эти мысли мгновенно пронеслись в моей голове.

А Сан Саныч сурово продолжал:

— Поэтому, Витя, или ты колешься, как сухое полено, и мы тебе верим, или делаем другие выводы и начинаем тебя подозревать во всём сразу и ещё немножко больше.

Так... снова доброму пора на сцену. Моя очередь подошла:

— Виктор, у нас есть видеоролик... и там хорошо видна на экране женская сумочка. Я этому эпизоду присвоил поэтическое название — «Бережное обращение с «жучками»». И свидетель есть, который видел, как ты днём выходил из домика Надежды, пока она плавала в бассейне. Если будешь отрицать — можем очную ставку провести. А можем просто «жучки» собрать... там, где они обычно не водятся, да побросать их в море.

В комнате повисла тишина... «Э-э... злой! Ты уснул, что ли? Твой выход! Молчит злой... не слышит мои мысленные призывы. Потерял нить разговора или вдохновение пропало? Придётся доброму продолжать свои речи и «пряником манить».

— Виктор, у меня есть версии, по поводу того, что ты здесь делаешь... И если мы услышим правду, то можешь рассчитывать на нашу помощь. Я расскажу тебе про конкретного человека с интересной биографией... то, что ты сам никогда не узнаешь. Информация — «без дураков» — эксклюзивная... и надеюсь, что она облегчит тебе принятие решений.

Виктор думал, я затаил дыхание — лишь бы сейчас Сан Саныч не влез и не испортил игру.

— Хорошо, — сказал Виктор, — договорились. Но на равных условиях. Вы тоже о себе расскажете. Что вас интересует?

«Молодец! Мне нравится этот парень, — подумал я. — Изящная попытка аккуратно выведать, что же мы сами-то знаем. Классическая методика».

— Давай с самого начала, — сказал Сан Саныч. — Ты действительно директор и владелец екатеринбургского агентства маркетинговых исследований?

— Да.

— А конкурентной разведкой агентство занимается? — продолжал Сан Саныч.

— Иногда.

«Точно, молодец! — я мысленно восхищался Виктором. — На два развёрнутых вопроса дал ответы — по одному слову. Ну что же, пора и мне несколько вопросов задать».

— Виктор, сотрудники агентства пишут научные статьи или экономические обзоры?

— Нет... у нас другие задачи.

(Молодец! Но ответил с замедлением).

— Сколько глубинных интервью в год проводится твоими сотрудниками? Примерное число?

— Не помню... «Не царское это дело — прикажу оттрахают».

«Тоже знает этот старый анекдот, — подумал я. — А что... в одной стране выросли, одни анекдоты травили. Отлично! В ход пошли «шутки юмора». От конкретики уходит».

Виктор тем временем продолжил:

— Я — директор! Другие занимаются обзорами и статьями.

— Агентство оказывает детективные услуги?

— Бывает...

— Какова доля детективных услуг в доходах агентства?

— Не помню.

— Директор и владелец агентства не помнит о доходах агентства?

— Не помню точно...

— Самому не смешно?

— Да у меня зам. по экономике за этим смотрит. Моё дело — общее руководство, самые важные предварительные встречи, контроль и всё такое. Главное, чтобы деньги за работу нормальные шли.

«Молодец. Думает, что выкрутится. Но ответы стали многословнее. Однако продолжим... Усилим темп. Лишь бы Сан Саныч не вмешался».

— Виктор, а до того, как создать агентство маркетинговых исследований, ты чем занимался?

Пауза была недолгой. Виктор взглянул на Сан Саныча, потом перевёл взгляд на меня и ответил:

— Был инструктором физической подготовки в областном управлении налоговой полиции. Точнее, начальником отдела физической подготовки.

— Любишь рукопашку? Сейчас занимаешься? В соревнования участвуешь?

— Да. Руководжу спортивным клубом... на общественных началах. Иногда на соревнования езжу — не сам выступаю, судьейством занимаюсь.

— Виктор, давай подведём промежуточный итог. — Речь моя была спокойной и плавной. — Я верю словам, что ты владелец и директор агентства маркетинговых исследований. Верю, что любишь рукопашку, участвуешь в соревнованиях, что руководишь спортивным клубом на общественных началах. Подтверждением является, что ты в прекрасной физической форме, — с террасы видел, как ты в море плавал — очень впечатляет. Верю, что агентство занимается конкурентной разведкой и оказывает детективные услуги. Я ничего не пропустил?

— Вроде бы ничего — ответил Виктор, явно ожидающий подвоха с моей стороны.

Сан Саныч молчал, видимо понял, что его помощь пока не нужна. Но тяжёлый взгляд с Виктора не спускал. А это, между прочим, серьёзный отвлекающий фактор.

— Отлично! Ещё вопрос — много в агентстве работает бывших сотрудников милиции-полиции, разведки, контрразведки и прочих силовых и специальных структур?

— Ну, есть, конечно, они все хорошие работники, бывшие офицеры. На них можно положиться в серьёзных делах.

— Прекрасно. А теперь скажу, чему я не верю. Пойдем по пунктам. Не верю, что инструктор по физической подготовке, а я бы уточнил — по боевой и физической подготовке, даже бывший начальник отдела, после увольнения из управления налоговой полиции самостоятельно создаёт и раскручивает агентство маркетинговых исследований. Формально ты владелец и директор, но реально бизнес делают и руководят им другие люди. И поэтому агентство процветает, пока номинальный директор занимается рукопашкой, ездит на соревнования и руководит делами спортивного клуба. Маркетинговые исследования — это лишь вывеска. Основной доход приносят конкурентная разведка, она же — бизнес-шпионаж, а также детективные услуги. Реальные владельцы не желают светиться — причины могут быть самыми разными, в том числе то, что они ещё носят погоны, возможно с генеральскими звёздами, и занимают высокие посты. Скажи, в чём ущербность моих выводов?

— А почему ты решил, что агентство процветает? Я про это ни слова не говорил.

— Ты же хвалил своих работников! Будут классные специалисты за гроши работать? Или ты им зарплату задерживаешь, чтобы в отпуск съездить? Мы-то знаем, сколько вот здесь неделя отдыха стоит.

— Кстати, а ты сам-то, бедный пенсионер, на какие деньги сюда приехал?

«Ага, стадия «встречной атаки» началась «вопросом на вопрос». Молодец, Виктор!» — Но вслух я этого тебе не скажу.

— А вот тут нет загадки — дочь подарок сделала. Работает в одной крупной северной нефтегазовой компании и на очень хорошей должности. Это первое. Есть ещё и второе — с чего ты взял, что я — «бедный пенсионер»?

— Слушай, ты реально кто? Чем по жизни занимаешься?

«Ах, Виктор, Виктор, — опять вопросом на вопрос? Ну, что же — я и сам так могу...»

— А сам что про меня и Сан Саныча думаешь? Включи логику...

— Не разведка... и не менты. Да и на особистов не похожи.

— Виктор, всё мимо... Не знаю, как Сан Саныч, а я даже в Советской армии не служил. В российской, впрочем, тоже нелужил. И в ментовке не пахал, и в КГБ не работал. Я вообще к спецслужбам никогда никакого отношения не имел. Хочешь — верь, не хочешь — не верь. Но пусть отсохнут мои яйца, если я вру.

Я действительно сказал Виктору чистую правду и поэтому абсолютно не рисковал своими половыми органами. А то, что десять лет всё же носил мундир, так про это зачем говорить, если никто специально не спрашивает? Мундиры, они ведь разные бывают — взять, к примеру, пожарников, речников, лесников... или МЧС.

— А навыки откуда?

— Какие навыки?

— Допросов.

— Сан Саныч, а Виктор-то шутник, — я широко и очень доверчиво улыбнулся, — смеётся он, друг мой, над навыками общения, обычную беседу допросом называет.

«Пусть ещё задумается: кто мне друг — он или Сан Саныч».

— Виктор, я же тебя предупреждал — не думай ты, что

Петрович дурак. Сам он дураком может сколько угодно прикидываться, да вот Бажена его таким считает и ещё подозревает, что он плохие стихи пишет. Но если ты хочешь с нами в одной команде работать и рассчитываешь на нашу помощь — включай логику.

«А вот теперь Сан Саныч молодец — даже про свою службу в армии ничего не сказал. И чёрт его поймёт — носил ли он когда-нибудь погоны. И если носил, то — какие? И про Бажену хорошо вернул, переключая внимания Виктора на третье лицо».

— Виктор, ты знаешь, что такое перекрёстный допрос? — задал я отвлекающий вопрос.

— Ну, в общем-то... когда двое... или трое допрашивают одного на следствии или в суде.

— Почти правильно. А как это словосочетание звучит на английском языке?

— Не знаю.

— С лёгкостью ликвидирую пробел твоих знаний в этом вопросе. Звучит как cross-examination. И ключевое слово здесь — экзамен. Я почти двадцать лет студентов на экзаменах «допрашивал». Некоторые были как умные собаки — всё знали, но сказать не могли, а выпускать-то их надо... Самые яркие примеры перекрёстных допросов — это сдача государственных экзаменов, когда «перекрёстный допрос» выпускника ведёт комиссия из нескольких человек. И так я «насобачился», что из 100 экзаменуемых всего тремя вопросами 99 мог «вчистую завалить». Давай пари заключим, что ты, человек с высшим образованием и богатым жизненным опытом, «целый директор» агентства маркетинговых исследований, на простые вопросы ответы дать не сможешь?

— На что спорим?

— На бутылку Hennessy: объём не менее 0,7, производство и розлив только Франция — Hennessy Paradis или Hennessy Richard — на твоё усмотрение.

Сан Саныч, услышав это, просто заржал:

— Витя, заключаю пари, ты человек не бедный — проспоришь и отдашь. Но ставь обязательное встречное условие: после проигрыша — твоего проигрыша — Олег тебе должен рассказать анекдот, как две группы юристов на коробку коньяка пари заключали. А я буду рефери! Ты мне веришь?

— Ладно, — немного подумав, сказал Виктор, — сегодня уже некуда спешить, заключаем пари на твоих условиях, но с обязательством рассказать анекдот. Сан Саныч, разбивай!

«Это тебе спешить некуда, потому что ты не хочешь «колоться» и рассказывать о своих делах — вот и тянешь кота за уши. У меня ситуация другая. Но попробовать дожать тебя надо сегодня обязательно, а для этого подойдут и простые методы интеллектуально-эмоционального воздействия... Чтобы не считал ты себя самым умным и самым хитрым», — всё это пронеслось в моей голове.

Мы пожали руки друг другу, Сан Саныч символически «разбил» рукопожатие.

— Первый вопрос: каждый ли человек в России имеет право на жизнь?

— Каждый. Даже я знаю, что это в Конституции записано.

«Класс! Как ты парень сам подставился. Мне теперь и придумывать ничего не надо — на этой теме я тебя точно дожму — легко, просто и даже с изяществом. Конституционалист я или уже «таки нет»?»

— Отлично, что ты знаешь Конституцию, — пригодится. Да, в статье 20 написано: «Каждый имеет право на жизнь». Пять хороших слов... Но там же — в Конституции — чуть ниже написано: «смертная казнь разрешена за совершение тяжких преступлений». Так значит ли это, что не каждый имеет право на жизнь? Поэтому вопрос простой: каждый или не каждый в России имеет право на жизнь?

— В России нет смертной казни с 1993 года — это я точно знаю. Тут ты меня с толку не собьёшь!

«Ага, значит, он всё-таки боится, что в других вопросах я могу его сбить с толку. Это хорошо».

— В России действует мораторий на исполнение смертных приговоров, но это не означает, что приговоры не могут выноситься. Как высшая мера наказания смертная казнь в России не отменена, и об этом прямо написано в Конституции. А это значит, что не каждый имеет право на жизнь.

— Витя, — в разговор опять вмешался Сан Саныч, — возвращаясь на автобусе с реки Квай, я с ним заговорил про эвтаназию и аборты. Поверь на слово — никогда в жизни на эти темы у меня не было столь интересной беседы... Особенно про запреты на самоубийства в раннем христианстве с их экономической основой и указы Петра Великого про позорящие наказания. А некоторые части Постановления ЦИК и СНК СССР⁴⁰ 1936 года «О запрещении аборт» он наизусть цитировал...

— Сан Саныч, не отвлекай, а то Виктор решит, что мы ему «информационную перегрузку мозга» устраиваем.

— Ну что, Виктор, продолжаем?

Виктор молча кивнул.

— Вернёмся к Конституции. В России есть три ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная. Но к какой ветви власти относится Президент?

— К исполнительной — подним правительство, министерство обороны... ну... все министерства и губернаторы.

— Согласен. Но разве представитель исполнительной власти занимается законодательной деятельностью? А наш

⁴⁰ Органы государственной власти и управления в тридцатые годы XX века. Центральный исполнительный комитет СССР — высший орган государственной власти СССР в 1922–1938 годах, формируемый Всесоюзными съездами Советов. СНК — Совет Народных Комиссаров (правительство, аналог Совета министров).

Президент законы, принятые Госдумой и одобренные Советом Федерации, подписывает. А это, согласишься, уже законодательная деятельность. И соответственно — законодательная ветвь власти.

— Да, пожалуй... как-то про это я раньше не думал.

— Но Президент ещё осуществляет функции судебной власти...

— Да ладно, тут ты мне лапшу на уши уж точно не навешаешь — суд у нас независимый, и президент никого не судит...

— Согласен и про независимый суд, и про то, что президент сам никого не судит. Но Президент назначает федеральных судей — а это функции судебной ветви власти. Кроме того, в России только Президент может помиловать осужденного. И это тоже относится к судебной власти.

Виктор заметно помрачнел. Оно и понятно — кому охота дураком выглядеть... даже в собственных глазах. Но какой чёрт его за язык дёрнул? Не ляпнул бы про Конституцию, мне бы сложней было.

— Ну и третий вопрос — про любовь. Упоминается ли в действующей российской Конституции слово «любовь»?

На Виктора было грустно смотреть. Нужный уровень подавленности почти достигнут. Я его вполне понимаю — скажи он: «Да, упоминается», — Сан Саныч может заржать и скажет, что Конституция — это не любовный роман или ещё что-нибудь в таком же духе. Скажи: «Нет», — тоже может начать подколки про «брак по любви» и семью, родителей и детей.

И точно — Сан Саныч опять захохотал, а увидев наши взгляды, пояснил:

— Старый советский анекдот вспомнил — «лекция со слайдами про любовь»...

Виктор решил и уверенно сказал:

— «Нет такой буквы»... в смысле — слова «любовь» в российской Конституции нет.

— Ошибаешься ты, а значит, пари полностью проиграл. В Преамбуле к Конституции есть слово «любовь». Цитирую фрагмент: «...что память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость...»

«Вот так, уважаемый супермен... А теперь, пока ты не очухался от интеллектуального поражения, вернёмся всё же к делам нашим скорбным».

— Так, развлеклись маленько и пора к проблемам возвращаться. Виктор, в чём суть твоего задания и что ты должен был сделать на этом острове? И не виляй — я слушал твой телефонный разговор на яхте, когда выходили из Паттайи.

Люблю великий русский язык за его многозначность. Слова: «я слушал твой телефонный разговор» можно истолковать и как то, что я оказался случайным свидетелем фрагмента разговора, и как то, что я сразу контролировал его переговоры или позднее слушал в аудиозаписи. С учётом того, что Виктор сам здесь наладил акустический контроль, скорее всего, сейчас он будет думать по второму варианту. Но может и сообразить — зачем я спрашиваю о задании, если сам слушал его разговор? И тогда он задаст этот вопрос... Что же... придётся напомнить о необходимости предварительного контроля его честности с моей стороны. Мол, доверяй, да проверяй.

И Виктор раскололся...

Глава двадцать седьмая

Поздний вечер четвертого дня.

О бытии маркетинговых фирм и сложностях M&A⁴¹ в российских условиях

— А кто-нибудь мне скажет: зачем нужен маркетинг?

— А зачем нужна травинка, колыхающаяся на ветру,
кваканье лягушки в предрассветной мгле?

Казалось бы — незачем.

Но ведь без них мир стал бы чуточку скушнее...

Современный анекдот

Виктор раскололся... Или пустил в ход «домашнюю заготовку», надеясь убедить нас в искренности своего «раскола» и тем самым ввести в заблуждение?

— Наша фирма, — начал Виктор, — действительно проводит маркетинговые исследования... но только для маскировки. От таких заказов мы не отказываемся, чтобы не расшифровываться, но и не рекламируем этот вид услуг. Если заказы случайно приходят, то мы их тут же передаём на исполнение одной «дружественной структуре». Основной бизнес — промышленная разведка и контрразведка по заказам... «крупных структур» и соответствующий вид детективных услуг. Хотя иногда занимаемся и «классикой» — прошлый год искали пропавшую дочь регионального олигарха.

Сан Саныч снова захохотал и тут же рассказал анекдот:

— Генеральный директор на производственном совещании: «И последнее. Обращаю внимание сотрудников, непосредственно работающих с клиентами, что термин «всякая фигня» не в полной мере отражает перечень товаров и услуг, предлагаемых нашей организацией».

⁴¹ M&A (mergers and acquisitions, пер. с англ. «слияния и поглощения») — процесс объединения активов двух компаний.

Виктор вежливо улыбнулся, но шутку не поддержал.

— Вы правильно угадали — я номинальный директор. Сначала план организаторов был другим... Изначально люди намеревались организовать серьёзное детективное бюро, которое должен был возглавить генерал ФСБ в отставке, бывший начальник одного областного управления. Но тут случилось непредвиденное — он в Алжир съездил с молодой любовницей, видимо, там «по жару» перенапрягся с ней, вернулся и через несколько дней умер от сердечного приступа. Вот тогда и запустили в дело заготовку «Агентство маркетинговых исследований». Спортивный клуб, которым я руковожу, — закрытый. Туда незнакомые люди не ходят — только свои и некоторые действующие офицеры. Тренировки им провожу «без дураков».

Десять дней назад поступил неожиданный заказ — проконтролировать тайные предварительные переговоры о слиянии двух холдингов. Но «слияние» — это красивые слова. На самом деле одна структура на выгодных для себя условиях должна была просто «заглотить» другую. Цена вопроса — чуть меньше миллиарда евро. Но у нас была проблема — все люди заняты в других проектах. Реально некому было поручить — это ведь не бухгалтера из отпуска выдернуть. И от заказа отказаться нельзя — уж слишком серьёзные люди попросили помощи. Напрямую фирма на «оборонку» не работает, но выполняет отдельные заказы, о которых «недругам» лучше не знать.

— Пиво будете? — спросил Виктор, открывая бутылку. Мы молча подставили свои бокалы.

«А вот этот момент надо будет потом обдумать — почему он прервал рассказ? Что-то на ходу решил изменить или о чём-то промолчать?» — я пытался одновременно запоминать слова в конкретной ситуации и свои впечатления обдумывать. «Смежники» оборонных предприятий — это еще та «поляна», на

которой «растут сто цветов». А успехи OSINT⁴² с повсеместным внедрением компьютерной техники и средств коммуникации достигают космических высот и глубин. Толковому специалисту только палец покажи — он руку по колено откусит. Неужели я вляпался все-таки в шпионские игры? Пусть даже это только промышленный шпионаж...

— Заказчики знали, кто из представителей одной стороны поедет на этот остров, — продолжал Виктор. — Но вот кто будет с другой стороны — до сих пор неизвестно. Знали только, что этот человек готов «сдать интересы фирмы» и здесь должны были пройти предварительные переговоры о его «личных условиях». Не исключался вариант, что человек приедет не сам, а вышлет представителя — доверенное лицо с чёткими инструкциями до каких границ можно торговаться. Условия на острове для таких переговоров идеальные — народу мало, а мест для тихой беседы много. А если скал для уединения не хватит, так можно в море вдвоём на лодке выйти и уже не один жучок не поможет.

Короче, решили послать меня, хотя, конечно, знали, что опыта оперативной работы у меня нет. Все всё понимали, но уж так «карта легла» — либо я сюда лечу, либо вообще некому будет даже попытку сделать. Приказ был простым: «Сделай, что сможешь, и будь что будет», а инструктаж — подробным. В конце концов, тут должны были согласовать только «условия предательства», а это не самое важное. Основные переговоры профессионалы будут контролировать. Если я отсюда ничего не притащу, то это затруднит работу, но не смертельно. Сумею что-то узнать — спасибо скажут. В общем, командировка с приятным отдыхом и без серьёзных обязательств. Кто же мог подумать, что тут среди нас смерть разгуляется...

⁴² OSINT — «разведка из открытых источников», методология сбора и анализа данных, находящихся в открытом доступе, для получения дополнительной информации о выявленных целях.

Виктор помолчал, а я для себя поставил новую мысленную отметку — почему он опять сделал паузу? Ждёт наших вопросов? Или дух решил перевести? Или опять сюжет на ходу перекраивает? Лишь бы Сан Саныч промолчал. Мне нужна тут «мхатовская пауза», хотя я сам сейчас ничего не говорю.

Виктор отхлебнул пива и продолжил:

— Вылетел я не из Екатеринбурга, тайно... под контролем наших людей — слезка со стороны иных заинтересованных лиц не исключалась. Поэтому и оборудование для прослушки не тащил с собой «через три границы», а в Паттайе купил в последний вечер. И всё равно влип, раз вы это узнали.

Виктор посмотрел на меня, ещё отпил пива и сказал:

— Все равно не пойму, зачем всё это надо начинающему философу?

«Так, собеседник отвлекается и меня отвлекает... Время хочет выиграть? А подгружу-ка я его еще немного».

— Хорошим философам, Виктор, всё бывает интересно. Как говаривал один член НСДАП⁴³ и офицер вермахта, человек живёт в состоянии хронической рефлексии и постоянно находится в ситуации выбора. Вот только не помню, говорил ли он это до денацификации или после. А вообще-то зря историки философии не занялись до сих пор интересным вопросом, о том, как сильно взятие Берлина советскими войсками в апреле 1945-го повлияло на развитие западноевропейской философской антропологии? Занялись бы этим интересным делом, а то не к добру приведет одержимость западной культуры дискурсом о сексуальности, а также толерантностью и политкорректностью, русофобией и прочей хренью...

Я тоже отпил немного пива.

— А для меня сейчас важен ответ на вопрос о том «настоящем, которое есть мы сами». Поэтому-то моя сегодняшняя философия

⁴³ Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, существовавшая в Германии с 1920 по 1945 год, политический носитель идеологии нацизма.

носит полностью познавательный и целиком исторический характер. Это история наших жизней сейчас влияет на нашу потенциальную смерть, и надо понять хотя бы некоторые исторические аспекты жизни тех, кого Судьба или Случай собрали на этом острове в конкретное время.

Сан Саныч уважительно посмотрел на меня и сказал:

— Приятно слушать ваши высокоинтеллектуальные разговоры, но я предлагаю вернуться к будням маркетинговых услуг.

— Да, — поддержал я Сан Саныча, — тоже с интересом жду продолжения.

Виктор отхлебнул пива и сказал, глядя на меня:

— Ты знаешь, что в последний момент меня предупредили, что первый представитель не прибудет на остров. Что произошло — не знаю... Может, внезапно дизентерией заразился... может, помогли аллергии обостриться, а может быть, вообще чистая случайность произошла.

«Почему он так часто пьёт пиво? Сохнет во рту, потому что врёт? Или выигрывает время для обдумывания дальнейших слов? — размышлял я, глядя на Виктора. — Вазомоторные реакции в норме, то есть без сильных видимых проявлений. Тело расслаблено... когда не держит бокал, руки спокойно лежат на коленях. Но ведь он же опытный рукопашник, а это значит уверенно владеет своим телом».

А Виктор тем временем продолжал свой рассказ:

— Дополнительной информацией было то, что на второй стороне переговоры должна будет проводить женщина. И я уж было вздохнул с облегчением, но тут услышал, что и первый представитель мог послать своего гонца — чтобы «успокоить, заверить, а может быть, аванс выплатить». И что второй гонец тоже мог быть женщиной. В общем, на острове я должен был бдеть, вычислять и контролировать. И ни хрена у меня до сих

пор не получилось — никого вычислить не могу, хотя и баб вроде немного и у всех у них жучки. На вас микрофонов не хватило — уж не обижайтесь.

Опять шутит? Это хорошо. Осознание, что к тебе применяют отвлекающий момент, это всегда интересно. А может врет, что у нас жучков нет?

Верил ли я Виктору? Конечно верил — всё, что он сказал, в целом укладывалось в набросок картины, которую мы с Сан Санычем нарисовали. Он её только расцветивал красками деталей и подробностей. Но ещё была мысль — а не услышал ли я «прекрасную городскую легенду» из славного града Екатеринбург? И не заглотив ли блестящий крючок отличной дезинформации? Как вариант: Виктор «складно прозвонил» — а я, честный лох, с удовольствием всё «схавал»... Ладно, потом обсудим это с Сан Санычем, и сам ещё подумаю.

— Я всё сказал... Теперь жду ваших слов, — Виктор с видимым удовольствием допил свое пиво.

— У нас не только слова — у нас картинка есть, — задумчиво пробормотал я. — Сейчас к себе схожу за бумагой, а Сан Саныч ещё пиво принесёт. Потом, поглощая пенный напиток, мы окажем тебе скорую информационную помощь. Не закрывай дверь — сейчас вернёмся.

Мы вышли, переместились на безопасное расстояние, и я тихо сказал Сан Санычу:

— Пиво носи и быстро возвращайся. Пока Виктор не успел всё проанализировать... если ещё не успеет... надо ещё кое-что у него узнать. Если вернёшься раньше меня — начинай неторопливый рассказ про «Любу-Надежду», но про имя, возраст, ум и красоту пока ничего не говори... и без подробностей, касающихся меня. Короче, отвлекая его внимание, не переусердствуй при изложении «сухой информационной справки о бизнес-карьере». И жди меня.

— Умешь ты предельно простые задания ясно формулировать. А может, ты всё-таки шпион? А? Как это было бы интересно, — Сан Саныч даже зажмурился от удовольствия. — Но мастер-класс у тебя был отличный — мне самому захотелось изучать и философию, и логику, и методики перекрёстных допросов. Извини, оговорился — «практику приёма экзаменов». Ты там что залепил ему про кассовый чек при покупке прослушки? Врёшь как дышишь?

— Ничего подобного. Я же не сказал Виктору, что кассовый чек у меня в кармане, — он это сам додумал. Я всего лишь имел в виду, что потом... при острой необходимости у твоего приятеля из магазина копию чека получим. Вот и всё — «простенько и со вкусом». Всем советую — никогда не лгите, люди сами всё за вас придумают. Сам только так и делаю. Теперь про твою мечту — если мозги занять больше нечем, поработай над версией: «Олег Петрович — престарелый шпион на экзотическом отдыхе». Но про пиво не забудь. Всё, пошли. Я тоже мигом вернусь.

Но мигом не получилось...

Глава двадцать восьмая Очень поздний вечер четвертого дня. Объяснение в чувствах в условиях цейтнота

*В эндшпиле необходимо играть точно
и не теряя темпов: каждый ход,
выигрывающий или сберегающий время,
должен быть учтен немедленно.*

Хосе Рауль Касабланка, кубинский шахматист

Выпитое пиво давило не только на мозг, и, зайдя в свой домик, первым делом я отправился в туалет. Потом, уже намыливая руки, услышал стук в дверь. «Чёрт возьми, Сан Саныч, тебе надо к Виктору торопиться, а я сам найду к нему дорогу, — подумалось мне, когда взялся за дверную ручку. Но это была Ольга.

— Я тебя давно жду, а ты где-то пропал. Я уже беспокоиться начала. Слушай, мне надо тебе кое-что срочно рассказать.

Господи, как это было сейчас некстати — «время летело, клиент остывал» — всего несколько лишних минут... и психологическая готовность Виктора к сотрудничеству могла испариться. При условии, что она вообще у него была. Ах, Ольга, Ольга, как ты мне сейчас мешаешь... но всё это я тебе, конечно, не скажу. Вот она, вечная проблема выбора — дело или обязанность против объяснения чувств или ситуаций. И никогда не знаешь в конкретный момент, что важнее. Сколько у меня было дел, которые казались важными и нужными — себе и людям... А потом оказывалось, что все это было «тлен и суета», а люди даже для приличия не говорили слов благодарности за то, что получили или сохранили.

В последние годы мне часто хотелось оборвать консультационно-юридическую суету, молча сидеть на веранде в любимом кресле, слушать как летний дождь стучит по крыше

и спокойно предаваться полудрёме. Или зимним утром, никуда не спеша, лежа на диване, перечитывать старые книги или листать художественные альбомы. Не хотелось вспоминать прошлое, планировать будущее, а лишь ощущать текущую реальность... Может быть, это и называется старость? Ведь и на этом острове я хотел всего лишь безопасного экзотического отдыха... может быть, необременительного флирта... или даже легкой кратковременной сексуальной связи. Но что-то пошло не так. И в этой реальности у некоторых неизвестных мне акторов есть потаенные цели, невидимые и не декларируемые во внешнее пространство. А отельной прислуге приходится трупы складировать в холодильники. И это тоже суровая правда.

Но это всё только что продуманное я не скажу сейчас встревоженной девушке, которая по неизвестной причине выбрала в краткосрочные любовники меня — человека, который в два раза старше ее. При наличии сравнительно молодых и привлекательных мужиков. Почему? Не знаю... И не уверен, что хочу знать правду о причинах этого выбора. Говорят, что правда — как женщина с низкой социальной ответственностью: все её хотят, но никто не любит». А вот я правду даже не всегда знать хочу...

И поэтому я сказал совершенно иные слова:

— Гордость и тщеславие, расширяющееся мужское самолюбие, мощное самолюбование сейчас взорвут меня изнутри, а плачущая от счастья душа взлетит в ночное небо как тайские фонарики кхой⁴⁴. И всё это только потому, что красивая девушка Оля беспокоилась за меня!

— Да ну тебя... я серьёзно, а ты... До последних слов не могла понять, о чём же ты сейчас сказать собирался. Где так

⁴⁴ Тайские фонарики, кхой лой или кхой фай, традиционно изготавливаются из промасленной рисовой или тутовой бумаги, натянутой на бамбуковый каркас с небольшим топливным элементом из воска, который нагревает воздух внутри. Запускать такие фонарики — это древние традиции.

красиво говорить научился? Тоже в глубокой юности на бедной городской окраине среди провинциального плебса... слушая ранее судимых?

Неприкрытое ехидство звучало в её голосе. А в моей голове плескалось пиво... И я «завёлся с пол-оборота»:

— Милая девушка, если бы ты знала, какие люди иногда живут на окраинах в провинциальных городках России! Как иногда за обеденным столом вспыхивают споры на английском языке, а потом — в запале — собеседники неожиданно переходят на французский и немецкий, при этом каждый понимает другого. Как раскрывают люди большой и толстый энциклопедический словарь, изданный в Лондоне в 1907 году, как бережно перелистывают его цветные иллюстрации, защищённые матовой папиросной бумагой... Как вечером слушают фортепьяно и скрипку, а по ночам всматриваются в комбинации маджяна.⁴⁵ Но вам, надменным москвичкам, это неизвестно. И даже если бы случайно вы стали этому свидетелями, то всё равно ничего не поняли бы и не осознали в надменности своей.

Ольга молчала... Потом промолвила:

— А ведь ты это не выдумал... Ты словно описывал картинку, заглянув куда-то в своё далёкое прошлое. У тебя было такое выражение лица... и голос...

«Чёрт возьми, от усталости становлюсь раздражительным и сентиментальным, — укорил я себя, — а ведь задача-то простая

⁴⁵ Рассказчик неправильно произносит название старинной китайской азартной игры «маджонг» или «мацзян». Предположительно, у него шанхайская версия произношения, но с уверенностью это нельзя утверждать. Игра происходит с использованием игровых костей для четырёх игроков (каждый играет за себя). Она широко распространена в Китае, Японии и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Игра ведётся костями, по внешнему виду напоминающими очень толстые костяшки домино, по правилам подобна покеру, требует от играющих таких качеств, как опыт, память и наблюдательность. В игре присутствует также случайный фактор, роль которого, в зависимости от используемых игровых правил, может быть, как очень малой, так и решающей. Цель игры — набрать как можно большее количество очков, собрав наиболее ценную комбинацию из заданного количества костей. Игра содержит карточный азарт, аналитику шахмат и психологию блефа.

— любимым способом отделаться сейчас от девушки и вернуться к Виктору и Сан Санычу. Как бы он там не напортил чего-нибудь».

— Слушай, — сказал я решительно, — мне надо завершить небольшой разговор. Сан Саныч и Виктор ждут меня. Клянусь, буду стараться закончить его как можно скорее. А чтобы у меня был мощный стимул для ускоренного возвращения — жди здесь. Зная, что ты одна скучаешь, мне будет очень стыдно задерживаться без нужды...

— Ты и стыд — понятия несовместимые, — засмеялась Ольга. — И как тебя жены выдерживали?

— Увы, не выдерживали... поэтому систематически разводились со мной... и оставался я на несколько лет печальным и одиноким... до следующей жены.

— Ладно, давай ключ, я схожу к себе и потом вернусь сюда. Беги уж... а то на месте подпрыгиваешь от нетерпения. Вот ты бы ко мне так рвался... как к этим странным мужикам.

Я улыбнулся, поцеловал Ольгу в левую щеку и ушел с простой мыслью — значит и Ольге Сан Саныч и Виктор кажутся странными...

Глава двадцать девятая

Очень поздний вечер четвертого дня.

Об искусстве заключения вынужденных сделок

*Джентльменское соглашение — это сделка,
условия которой не потрудились изложить
на бумаге оба партнера.*

**Из печальных воспоминаний
старого адвоката**

Захватив листок со сканом паспорта Надежды Владимировой, я вернулся в домик Виктора. Хвала Всевышнему, Сан Саныч ничего не испортил. Он как-то сумел растянуть свой рассказ надолго и при этом ухитрился не сказать больше, чем надо. Виктор слушал его внимательно. Я сел в кресло и положил на столик свёрнутый четверо лист бумаги.

— Просветите отсутствовавшего, до какого момента интересной истории вы уже добрались?

— До третьего замужества нашей героини, — сказал Сан Саныч.

«Вот орёл! — мысленно восхитился я. — Так долго «жевать» три строчки краткой информации, пока я от девушки пытался отделаться. Наверняка, он классный переговорщик».

— Виктор, мы будем менять «слова на слова». Мы тебя выслушали, ты — нас. Как пишут в официальных сообщениях, «стороны выразили глубокое удовлетворение достигнутыми результатами и в дальнейшем намерены расширять сотрудничество».

«Грузи его словами, грузи, — мысленно подстрекал я сам себя, — предложение должно быть неожиданным. А вдруг да получится...»

— Предлагаю развивать сотрудничество на новом этапе и от вербальной стадии перейти к передаче материальных объектов

в порядке дружеского обмена. Короче, ты нам даёшь аудиокопии всех материалов прослушки, а мы тебе — этот листок с дополнительными пояснениями. Кроме того, в качестве бонуса — ну совершенно бесплатно, то есть даром, — я излагаю идею проверки — в твоих интересах — одной милой дамы. Проверку можем провести завтра вечером... Или в иное удобное время.

Виктор опять задумался. Я выразительно глянул на Сан Саныча, он всё понял и мгновенно вступил в торг.

— Витя, не жмись — может быть, мы там услышим что-то такое... на что ты, исключительно по недостатку информации, просто не обратил внимание. А потом втроём всё обсудим. «Включив логику».

«И опять Сан Саныч «на лету из ствола в тарелочку с одного выстрела попал»», — с одобрением подумал я. И добавил уже вслух:

— Как говорит старинная русская поговорка, в современном изложении, — одна голова хорошо, а три с половиной лучше.

— Ну, про три головы мне понятно, а половина чья? — Виктор косо усмехнулся. — Женская?

— Женоненавистник, — проворчал Сан Саныч, — не слышат тебя воинственные феминистки, а то бы заклеили за сексизм и дискриминацию по гендерному признаку... и по судам бы за-таскали.

— «Полголовы» — это образное выражение, иллюстрирующее синергетический эффект от активной детальности трёх светлых голов.

— Слушай, немолодой философ, ты случайно на курсы красноречия и ораторского мастерства не ходил? — интонацию, с которой Виктор задал этот вопрос, я определить не смог, но он явно хотел меня задеть.

— Ходил, — солидно ответил я, — как могут быть хорошие курсы без живого лектора. Более того, я после этого для

слушателей даже учебное пособие по риторике написал. Но, правда, в соавторстве.

— Бл...ь, да с вами даже пошутить нельзя... в разговоре, как на минном поле, осторожность надо проявлять.

«Ты мне зубы не заговаривай — понимаю, размышляешь, как правильное решение принять, подсчитываешь выгоды и возможные убытки. И глазом косишь на мой листочек». Но вслух я сказал совершенно иное:

— Виктор, время позднее, а у меня ещё одна встреча назначена. Давай решать, и пусть твоё «да» будет «да», а твоё «нет» будет «нет». Ибо всё остальное от лукавого.

— Умеешь ты, Олег Петрович, уговаривать. Договорились. Давай листок.

— Отличное решение, принятое в надлежащий срок. Сбрасывай файлы на телефон Сан Саныча, а я, пока перезапись идёт, изложу детали.

Виктор встал, чтобы достать аппаратуру из чемодана, а Сан Саныч за его спиной округлил глаза и начал активно, но молча жестикулировать.

«Ага, значит ты тоже на свой телефон нашу беседу пишешь. Молодец! Но так надо — сейчас у меня миг невиданной щедрости. Ты же первый записи прослушаешь. А мне этой ночью, похоже, будет не до чужих разговоров», — я надеялся, что Сан Саныч на моём лице прочитает хотя бы половину текущих мыслей.

Жестами кое-как я успокоил Сан Саныча, пальцем показав ему на свой телефон. Он понял, что я тоже пишу наши разговоры с первой минуты и немного успокоился.

Всё это заняло несколько секунд, пока Виктор брал магнитофон из комплекта прослушки. После начала копирования аудиофайлов Виктор вернулся на своё место.

— Держи... и смотри внимательно, — сказал я ему, подавая листок. — Понятно, что розыскников из вас не готовили, но очень

надеюсь, что хотя бы основы габитологии⁴⁶ преподавали. Ну, на самый худой конец, учили использованию словесных портретов, проверке документов и анализу фотографий разыскиваемого лица. Не торопись делать выводы, включи логику.

Виктор долго и тщательно молча изучал изображение и паспортные данные. У меня сложилось впечатление, что он старался выучить текст наизусть и фото «впечатать» в оперативную память. Ну, что же, и ему пусть пойдёт на пользу моя невиданная щедрость.

— Листок оставь себе — для меня это уже «вчерашний день», в смысле отработанная версия. Приложишь к отчёту — вдруг твоим коллегам пригодится.

По доброте душевной я промолчал о том, что в моём телефоне есть фотокопия, а при необходимости на компьютере Вана скан паспорта ещё раз распечатаю. Полагаю, что такая дополнительная информация могла бы — в глазах Виктора — частично обесценить мой подарок.

— Похожа. Чертовски похожа, — наконец сказал Виктор. — Если бы ты не предупредил о ненужности поспешных выводов, а Сан Саныч не рассказывал о карьерном росте пока неизвестной мне личности, сам бы не догадался — даже если бы паспорт увидел. У неё отличная легенда — «усталая женщина, приехала на отдалённый остров отдохнуть и дописать книгу». Я ко всем присматривался: Инна и Надежда в первой паре, Бажена и Ольга — во второй. Соответственно и скудный запас жучков так распределял.

— А почему Инна на первом месте была? — с интересом спросил Сан Саныч.

— Понимаешь, мне показалось её поведение талантливой

46 Габитология — криминалистическое учение о внешнем облике человека — подотрасль криминалистической техники, изучающая закономерности запечатления внешнего облика человека в различных отображениях. Разрабатывает технико-криминалистические методы и средства собирания, исследования и использования данных о внешнем облике человека в целях раскрытия и расследования, а также для предупреждения преступлений.

игрой. А потом она пропала. Кстати, по исчезновению Инны есть рабочие версии?

— Есть рабочие версии, — заверил его я. — Но сейчас давай о Надежде поговорим.

— А как её зовут на самом деле?

— Мне она известна как Любовь Васильевна Костырева. Отдельные факты её биографии торчат, как Курильские острова над водой, а вот все остальное — в глубине. От усталости я образно выражаюсь, но ты меня поймёшь.

И я подробно пересказал Виктору всё, что знал о Любе Костыревой и закончил словами:

— На сегодняшний день она заместитель генерального директора крупного издательского холдинга, член советов директоров нескольких очень крупных предприятий, включая пару-тройку оборонных. Чьи интересы она там представляет, мне неизвестно. Снова разведена. Полагаю, что это твоя цель.

Время было позднее. Мы ещё немного поговорили, как будем действовать завтра, и разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи. Мне показалось, что Виктор с облегчением закрывал за нами дверь.

— Пойдём пошепчемся на краю скалы, — предложил Сан Саныч. Я молча кивнул, хотя сил уже не было. Предыдущая ночь была весёлая... Долгие сексуальные забавы в большом количестве хороши в период с двадцати пяти до сорока пяти, ну... в крайнем случае — до пятидесяти лет, но потом требуется многодневный отдых. А нынешний день был напряжённым, и вечер не очень отличался от дня. Да, я помню, что «свистеть — не мешки ворочать», но свист свисту рознь.

— Что думаешь? — спросил Сан Саныч, когда мы остановились в таком месте, где нас никто не мог подслушать без специальной техники. — Правду Виктор говорил или нет?

— Может быть, и правду, но не всю, — да и ты бы вряд ли на

его месте вывернулся до доньшка. Проверить мы его всё равно не можем. Но результаты есть — прослушай всё, что он записал, — может, действительно что-то интересное мелькнёт. В то, что он причастен к смертям на острове, я сильно сомневаюсь — похоже, что задачи у него действительно другие. Пока будем работать вместе — нам его навыки завтра точно пригодятся. Всё, пошли по домикам... спать охота, сил нет.

— К Ольге спешишь? Как у тебя с ней?

— Ты о чём?

— Брось, Петрович, мы оба уже давно не мальчики. Видел я её сегодня утром — на лице блаженство лучилось. Помнишь — «После тщательно измятой постели, женщина выглядит хорошо отдохнувшей»? Эти дни за всеми смотрел — и поверь, все женщины внимательно изучали и продолжают изучать не только друг друга, но и мужиков. До вчерашнего дня мы с тобой котировались не очень высоко, видимо из-за возраста, а Костик вообще во внимание женщинами не принимался. Основной интерес был сосредоточен на супермене Викторе.

— Сан Саныч, завидовать грешно, — вяло пробормотал я, усталость нахлынула так, что не хотелось ни говорить, ни двигаться. — Включи обаяние, да сам приголубь кого-нибудь. Или с Виктором переговори — чтобы не было пересечения сексуальных интересов. Ладно, всё оставляем на завтра... Потацились по хатам.

Про второе значение слова «хата»⁴⁷ и про игру слов от усталости у меня даже мыслей не возникало. Но Сан Саныч как-то неопределённо крякнул...

⁴⁷ Хата — жилье, камера, притон (жаргон).

Глава тридцатая

Ночь между днём четвертым и днем пятым. Короткий разговор в состоянии сильной усталости

*Жизнь прекрасна... Если не вспоминать
о прошлом и не думать о будущем.*

Из моих размышлений перед первым разводом

Видимо, Ольга вздремнула, пока я развлекался беседой с Виктором. Вид у неё был заспанный, и, открыв дверь на мой стук и голос, она откровенно зевнула.

— Теперь я точно знаю, что ты старый импотент, — красивая девушка в постели ждёт, а ты где-то шарахаешься.

Разговаривать не было сил, но и молчать тоже было неловко.

— Спасибо, добрая душа, за то, что критика твоя актуальна и конструктивна. Что там в баре осталось?

— Я вообще к твоему бару не подходила.

Сбросив туфли у порога, я дотащился до бара, взял коньяк и вино, потом добрался до холодильника и залпом выпил бутылку холодной минеральной воды. Стало чуть-чуть легче. Хорошо ещё, что я пива мало выпил. Ольга стояла и молча смотрела на меня.

— Присядь, красивая девушка с доброй душой, пока я очухиваюсь, — сказал я, снял очки и, прикрыв глаза, опустился в кресло.

Ольга тоже молча села. Мысли мои продолжали крутиться вокруг услышанного вечером, но ничего интересного в голове не рождалось. Ладно, как правильно говорила Василиса Прекрасная... — или Василиса Премудрая? — утро вечера мудренее, завтра и будем разбираться. Тем более что Сан Саныч, может быть, что-то интересное услышит в аудиофайлах, добытых честным трудом и без применения насилия.

Открыв глаза через пару минут, я увидел, что Ольга внимательно смотрит на меня.

— Что-нибудь выпьешь? Вино? Коньяк? — преодолевая усталость, спросил я.

— А ты что будешь?

— Как всегда вопрос на вопрос... Я, пожалуй, немного коньяка.

— Тогда я тоже...

Мы молча выпили по рюмке.

— Я хотела тебе про Костика рассказать.

— Дорогая, если это не вопрос жизни и смерти, то чёрт с ним, с Костиком. Устал я... Ты вздремнула?

— Немножко... пока тебя ждала.

Наступило мгновение, когда надо было принимать решение — нанести Ольге «смертельную обиду», отправив девушку в её домик, или забираться вместе в постель с риском продолжения сексуальных забав. Эх, «где мои семнадцать лет? На Большом Каретном». Была бы смертельная обида? Была бы, хотя, может, и не до конца «смертельная»... Женщины таких вещей не прощают и не забывают, даже если потом с пылом утверждают обратное. Были у меня печальные прецеденты. До прихода яхты ещё два дня, а ведь другие опасности не исчезли, и надо было разбираться с остальными «непонятками»... и ещё что-то надо «делать с Инной»...

Похоже, что Ольга что-то поняла в моём поведении и в раздумьях... или уловила извечным женским чутьём. Она как-то напряглась и чуть-чуть — совершенно непроизвольно — надула губки. Вот он — «момент истины»... И ни бык, и ни матадор не имеют к этому никакого отношения⁴⁸. Всё сейчас зависит только от меня.

Через полчаса в измождении мы откинулись на подушки. Потом Ольга повернулась и прошептала в ухо:

— Я думала, что ты даже шевелиться не мог... с трудом рюмку коньяка поднял. И вдруг...

48 Момент истины — в испанской корриде решающий момент поединка, когда становится ясно, кто будет победителем.

— Да будет тебе известно, что хороший коньяк в умеренных дозах оказывает на мужской организм стимулирующее воздействие... почти такое же, как красивая женщина. А красота женщины — с коньяком в придачу — вообще творит чудеса со старыми импотентами. Я сейчас готов горы свернуть... прямо во сне!

— Тьфу на тебя! Запомни, что дважды повторенные шутки про старых импотентов уже не кажутся мне оригинальными. Другим можешь это по-прежнему говорить. Пусть мне все сочувствуют...

— А что — все уже знают про нас?

— Конечно, и пусть вместо зависти испытывают ко мне сочувствие.

— Полностью с тобой согласен, шутить не буду, повернись ко мне спиной и будем спать.

И, обняв Ольгу, я провалился в глубокий сон. Последняя мысль была проста, как три копейки: «Плевать на завтрак, надо отоспаться».

И, может, так всё и получилось бы, если бы рано утром Виктор не обнаружил тело Костика...

Глава тридцать первая

Утро пятого дня. «Каждый счастья своего хозяин, доли своей кузнец»

*Не нужно титать глупых иллюзий,
это не лечится.*

Юхи Инугами

Очень ранним утром Виктор пошел купаться в море и, проходя вдоль ограждения террасы, увидел, что Костик лежит внизу на скалах и не шевелится. Прикинув расстояние вниз от террасы до тела, рассмотрев кровавое пятно под головой, Виктор сделал совершенно правильный вывод — Костик мертв. Сначала он постучался ко мне в домик, но я этого не слышал. Потом Виктор поднял Сан Саныча, и они вместе пошли к Вану, а потом втроем отправились на террасу. В это время уже поднялись и вышли Надежда и Бажена для своей утренней гимнастики. Увидев группу куда-то спешащих мужиков, они тоже, как позднее выразилась Надежда, не подумали ни о чем хорошем... двинулись за ними, а дойдя до края террасы, увидели тело Костика.

Сан Саныч был настойчивее Виктора и громким стуком в дверь сумел меня поднять с постели. Чертыхаясь (не мог спросонья найти свои шорты), я обернулся полотенцем и открыл дверь.

— Костик мертв, — тихо сказал Сан Саныч, — лежит на камнях под террасой.

Я выматерился, помолчал и сказал:

— Возвращайся, сейчас подойду.

Разбудив Ольгу, я спросил:

— Что ты мне вчера хотела сказать про Костика?

Невыспавшаяся Ольга таращила на меня глаза и ничего не могла понять. Я встряхнул ее и повторил вопрос. Ольга

молчала — видимо, просоночное состояние⁴⁹ не проходило. На деликатность не было времени — встряхнув ее покрепче, я рыкнул:

— Костик мертв! О чем ты вчера мне хотела рассказать?

Наконец-то она проснулась и помотала головой, постепенно приходя в сознание.

— Давай про Костика в темпе и коротко. Подробности потом, — безжалостно продолжал я.

Выслушав короткий рассказ Ольги, через три или четыре минуты после этого я был на террасе. Как и говорил Сан Саныч, тело Костика лежало внизу, на скалах. На террасе столпились почти все, кто был на острове, включая отельную прислугу, державшуюся чуть поодаль. Бледная Бажена стояла чуть в стороне, отвернувшись от ограждения. Все молчали в каком-то печальном ожидании.

Я подошел, машинально поздоровался со всеми и посмотрел вниз на труп. Потом достал из кармана шорт телефон и, сделав несколько снимков, взглянул на Виктора. Он кратко доложил, при каких обстоятельствах обнаружил тело. Надо было что-то делать... Я еще раз посмотрел на скалы — как доставать тело? Скоро начнется жара, и через несколько часов труп распухнет и начнет зловонить. В это время подошла Ольга, но обращать внимание на ее состояние не было времени.

— Виктор, высотно-штурмовая подготовка в комплекс входила? — спросил я, уже прорабатывая в голове варианты, если ответ будет отрицательным.

Эх, если бы вы видели, как на меня женщины смотрели! Наверное, подумали, что человек слегка умом подвинулся.

49 Просоночные состояния, также опьянение сном, — разновидность сумеречного помрачения сознания, характеризующаяся замедленным или частичным пробуждением после глубокого сна, которое распространяется на наиболее простые функции и инстинкты, при этом отделы коры, регулирующие сложные функции и поведение, остаются охваченными сонным торможением. Возникают во время неполного пробуждения от сна в фазе медленного движения глаз.

И только Виктор и Сан Саныч правильно поняли мой вопрос. — Нет, — ответил Виктор, — но у меня был «первый юношеский» по туризму. Справлюсь.

— Ван, опять нужны носилки и крепкие веревки или канаты. Вроде тех, которые мы нашли...

Я не стал уточнять, где мы нашли крепкие веревки, — Ван понятливо закивал и что-то сказал на вьетнамском и еще каком-то языке. Три человека из obsługi куда-то заторопились.

— Ван, — спохватился я, — еще мне хороший бинокль нужен.

— У меня в кабинете есть, я сейчас сам принесу, — быстро сказал Ван и устремился с террасы. «Тоже, наверное, решил, что у меня крыша поехала», — мысленно усмехнулся я.

Подъем тела прошел быстрее, чем я предполагал. Виктор из принесенных веревок сделал нечто вроде страховочной петли и закрепил конец за стойку ограждения. Перед тем как Виктор спустился вниз, я отвел его в сторону и тихо сказал:

— Посмотри вокруг тела и под телом — если что-то увидишь... а может быть найдешь, незаметно спрячь у себя. Потом посмотрим.

После того как Виктор добрался до трупа, мы сбросили ему веревки и опустили носилки. Закрепив на них тело Костика, он махнул рукой, и мы втроем потянули веревки вверх. Но когда переваливали носилки через ограждение террасы, чуть не уронили их вниз. Мы слишком поспешно дернули и перевалили «груз». Носилки грохнулись на террасу. Кто-то из женщин глухо вскрикнул, а Бажена отбежала на несколько шагов и начала блевать.

— Да идите вы все... отсюда, — я в последний момент прикусил язык, и остаток фразы женщины не услышали. Но явно поняли, что я хотел сказать. — Отведите Бажену наверх и сами там сидите. Нет здесь ничего интересного или любопытного для женских глаз. Ван дай команду, чтобы и твои девушки удалились.

Женщины ушли. Потом я взглянул на Виктора — он отрицательно помотал головой. Наклонившись над мертвым телом, стараясь не испачкаться кровью, я открыл один глаз Костика, потом второй... посмотрел суженные зрачки. Затем согнул руку и ногу — окоченения не было. Мало времени прошло для трупного окоченения. Обшарив карманы его спортивных брюк и ничего не найдя, я разогнулся, тихо крикнул и сказал Вану:

— Пусть твои орлы тащат тело в холодильник. Где бинокль?

После того как труп унесли, я принялся в бинокль по секторам осматривать камни вокруг того места, где лежало тело. Сан Саныч, Виктор и Ван молча стояли рядом. Может быть, на осмотр ушла бы куча времени, если бы не глазастый Виктор.

— Влево на 45 градусов от точки, где лежала голова, метра два, — негромко сказал он.

Переместив бинокль в нужную точку, я долго смотрел на кусок картонной упаковки, лежавший между камней. Ветер шевелил его и в любой момент мог унести в море. Потом передал бинокль Виктору. После него посмотрели Сан Саныч и Ван. Я достал из кармана шорт свой телефон и на максимальном увеличении сделал несколько снимков.

— Может, достать? — Виктор кивнул на клочок картона, застрявший меж камней. — Я спущусь.

Пока я размышлял над этим предложением, порыв ветра поднял клочок и унес его в море.

— Да и не очень-то надо было, — сказал я то ли себе, то ли окружающим, то ли ветру.

— Пойдемте, осмотрим домик Костика, — сказал я, и мы вчетвером двинулись наверх к отелю. Что надо было искать, поняли все, кто смотрел в бинокль на клочок картона, и поэтому осмотр комнаты и вещей погибшего много времени не занял. Всё собранное в домике — несколько упаковок из-под лекарств

— я сложил в три почтовых конверта с символикой отеля, которые лежали в ящике письменного стола.

«Каждый доли своей хозяин, счастья своего кузнец». На 99 процентов я уверен, что Костик погиб без посторонней помощи, сорвавшись со скалы в состоянии сильного наркотического опьянения. Но тут надо хорошо подумать — говорить ли нашей публике именно о наркотическом опьянении.

Возвращаясь к бару, я увидел, что женщины сидят и о чем-то очень оживленно спорят. Когда мы подошли, все замолчали. Ну, что же — придётся сейчас говорить и о Костике, и об Инне. Дальше тянуть нет смысла. За барной стойкой в холодильнике я взял бутылку минеральной воды и бокал. Потом вернулся к сидящим за столиками, сел, налил воды, выпил и сказал:

— Почти на 100 процентов я уверен, что Костик погиб без посторонней помощи, сорвавшись со скалы... в состоянии сильного... опьянения. Можно один раз обмануть людей, можно долго их обманывать, но Бог всё видит. Может быть, для Костика это самый лучший исход. Подробности, если есть у кого-то желание услышать их, могу рассказать позднее. Сейчас меня интересует Инна, точнее — ее исчезновение.

Мои слова произвели эффект! Надежда дернула головой, Ольга, которая всё еще отпаивала Бажену, застыла, а Бажена захлебнулась водой. Сан Саныч, Виктор и вернувшийся из своего кабинета Ван тоже с удивлением посмотрели на меня.

— Для себя я составил ее психологический портрет — вздорная баба, которая изводит окружающих и сама мучается. Детство, юность, а может быть, и молодость прошли в бедности, а потом на голову свалилось богатство. Так случалось у людей и раньше, но в «лихих девяностых» это проявлялось очень красочно. Богатство пришло, но и страх потерять его навсегда поселился в душе. Все это осложнялось еще особенностями психики: ревность и страх потерять мужа, богатство плюс низкий

культурный уровень. Знаете выражение: «Девушку можно вытащить из деревни, но нельзя деревню вытащить из девушки...»

Тут подала голос Надежда:

— Олег, есть такое выражение: «О мертвых — или хорошо, или ничего».

Бажена вдруг истерически закричала тонким визгливым голосом:

— Ты сволочь! Ты злой дурак! Ты... ты... — а потом разрыдалась.

Ольга смотрела на меня с укоризной.

— Есть такое выражение, — согласился я с Надеждой и даже не посмотрел в сторону Ольги и Бажены. — Но кто знает его продолжение?

Повисло молчание, а потом Виктор хмуро сказал:

— «О мертвых — или хорошо, или ничего, кроме правды».

— Спасибо, Виктор. Мне плевать, что по этому поводу может подумать обо мне Бажена. Есть такое понятие в психологии — «значимый другой». Для меня ее мнение ничего не значит. Но скажите мне, почему вы все решили, что Инна мертва?

Сегодняшним утром сотворение эффектов мне явно удавалось. Публика замерла. Однако Сан Саныч всё понял очень быстро:

— Петрович, не тяни kota за уши. Пусть народ хоть что-то позитивное услышит.

— Инна жива, и я так думаю не потому, что ее мертвое тело не нашли на острове. Понятно, что она могла утонуть, но я в это сразу не верил. Не хотел ничего говорить, пока не придет яхта, но смерть Костика заставляет действовать. Как бы с этой истеричкой тоже не случилось что-нибудь... худое.

Я допил воду и продолжил:

— Дорогие дамы, нужна будет ваша помощь — причем всех сразу. Кому-то одной из вас или мужикам Инна не поверит... может не поверить.

Тут вмешался Сан Саныч, сказав с широкой усмешкой:

— Петрович, чтобы весь народ не считал тебя дураком, как Бажена, изложи вслух свои дедуктивные мысли.

— Нет проблем, — отозвался я на этот призыв. — Первые сомнения у меня зародились при осмотре комнаты Инны. Все вещи были на месте, кроме денег, украшений, документов и телефонов. И это наводило на размышления о краже или грабеже. Потом на пляже мы с Ольгой нашли один из телефонов Инны, ее солнечные очки, сумку и шляпу. Появилась версия об утоплении. Но еще в домике Инны я внимательно осмотрел бар и холодильник. Алкоголь был не тронут — это понятно, Инна вообще его не употребляет, и я это помнил. Но в баре не было ничего, кроме алкоголя, — ни шоколада, ни орехов, ни печенья и прочего, чем отельная обслуга набивает наши бары. В холодильнике не было ни одной бутылки воды. Позднее горничная рассказала, что накануне днем она приносила Инне две литровых бутылки воды. Но пустой тары в домике не было — я специально все осматривал и даже проверил мусорное ведро. Полагать, что Инна все содержимое бара разом сожрала, выпила всю воду и где-то спрятала упаковку и пустые бутылки, было бы не очень разумным. Вывод у меня был простой: Инна сделала запасы воды и пищи и со страху забилась в какой-то угол, чтобы дожидаться яхты. Думаю, что она прячется в одной из вилл, благо туда никто из обслуживающего персонала отеля сейчас не ходит.

Все потрясенно молчали.

— Мое предложение: женщины сейчас вместе с Ваном идут осматривать виллы. Кричите Инну по очереди, чтобы она слышала ваши голоса. Ван будет открывать двери — у него есть универсальный ключ. Аллу Петровну не тревожьте — она еще не вышла из запоя. А мы посидим здесь и подождем вас с Инной.

Через двадцать минут Инна была найдена и возвращена «го-

роду и миру»⁵⁰. Завтрак прошел в приподнятом настроении. Ко мне подошла Бажена, извинилась, поцеловала в щеку... и как-то уж очень крепко прижалась всем телом. Когда она оторвалась от меня, я увидел взгляд Ольги и молча пожал плечами: «А я-то в чем виноват?» Вот только женской борьбы за мое немолодое тело здесь еще не хватало...

Подошел Ван и долго тряс мне руку. Похоже, меня никто больше не считал ни просто дураком, ни сумасшедшим на отдыхе. Но проблемы не растворились в морской дали, и я нутром чуял — рано радоваться тишине и покою...

⁵⁰ В тексте явно просматривается издевательская насмешка Олега над Инной. «Городу и миру» — на латинском: *Urbi et orbi*. Переводится как «городу (Риму) и миру» и восходит к началу XIV в. Слова из церемониала возведения нового Папы Римского в звание Наместника Бога на земле. В иных случаях употребляется, когда хотят подчеркнуть декларативность какого-нибудь высказывания или иронически отметить какое-нибудь широковещательное заявление.

Глава тридцать вторая

День пятый, после завтрака.

Как правильно вводить в заблуждение...

*Скрыть правду там, где это нужно, —
и благоразумно, и непредосудительно,
тогда как солгать — в любом случае —
и низко, и глупо.*

Филип Честерфилд

После завтрака я стоял на террасе и смотрел, как над волнами парили какие-то птицы. Одинокие птицы над безмолвным морем... Чайки это были или альбатросы — я не знал. Может быть, представители каких-то других видов? Я был уверен только в одном — это не бескрылые птицы пингины. И больше ни в чем другом у меня не было уверенности. Что за люди собрались на этом острове? Впрочем, была еще одна уверенность — в личной непричастности к происшедшим смертям.

Подошел Виктор — похоже, что он хотел о чем-то переговорить без лишних ушей.

— А Сан Саныч где? — я задал ему вопрос, потому что искренне был удивлён отсутствием моего невольного напарника.

— Остался успокаивать Бажену... а может и охмурять. Впрочем, не мое это дело, оба люди взрослые и даже половозрелые, — ответил Виктор.

— Полностью согласен с тобой. А я предлагаю продолжить начатый разговор. Сможешь сегодня поплавать с аквалангом вокруг острова?

— А сейчас-то зачем? — удивился он. — Я думал, что ты надеялся тело Инны в море найти.

— Как проверочный вариант я не исключал и такого. Но больше интересуют остатки катера. Может быть, после взрыва не все сгорело и что-то интересное пока лежит на дне.

— Не устаю удивляться широте твоих философских интересов, — сказал Виктор. — А если бы сам умел плавать с аквалангом, первым бы в море полез?

— Бодливой корове Бог рогов не дал, — вздохнул я с сожалением.

— Видел я, как ты утром размышлял — не спуститься ли самому к телу Костика.

— Что, сильно было заметно? — спросил я.

— После вчерашнего я теперь с тебя глаз не спускаю, а уж слушаю внимательно... как любимую девушку. Лихо ты меня вчера выжал.

— Не лъсти царю. Кстати, о вчерашнем... пока никто не слышит. Скажи, а действующие коллеги услугами вашей фирмы не пользуются? Ну так, не в службу, а в дружбу... в ответ на ваши «просьбы». Этаким взаимовыгодный обмен, он же симбиоз⁵¹.

Виктор долго молчал.

— Ладно, не отвечай, — улыбнулся я, — и так всё понятно.

— Умеешь хранить тайны? — наконец спросил Виктор.

— А ты когда родился?

— В 80-м, — с удивлением ответил Виктор.

— В каком месяце? — уточнил я.

— В феврале, — с еще большим удивлением сказал Виктор.

— Какое парадоксальное совпадение, — промолвил я с улыбкой, — именно в феврале 1980 года мне и объяснили, что такое «служебные и другие тайны» и как надо их хранить. Добрые люди студента учили, «как правильно жить и работать».

— А тебе тогда сколько же было, — спросил Виктор, явно в уме что-то подсчитывая, — если ты был студентом?

— Виктор, не ломай голову, — засмеялся я, — и так всё скажу. Чуть больше двадцати... цветущий возраст... и учился тогда на

51 Симбиоз — близкое сообщество живых организмов, принадлежащих к разным видам. Такое сообщество может принимать различные формы в зависимости от природы отношений между двумя видами и от того, полезны эти отношения или вредны.

четвертом курсе. Но ты меня не отвлекай от главного — когда в воду пойти сможешь?

Виктор поднял голову, посмотрел на солнце и на море, что-то прикинул и сказал:

— После обеда освещение будет лучше, тогда и поныряю.

— Отлично, а я в это время тогда на пляже позагораю... в тени скалы. А пока пойду и вздремну часок-другой. Что-то меня наш интенсивный отдых и количество происшествий утомляет очень сильно.

Но стоило мне вернуться в домик, как пришла Ольга. «Придется попрощаться с мыслями об отдыхе», — уныло подумал я, но вслух сказал другое:

— О звезда его очей! О знойная девушка и мечта поэта! Предлагаю переспать до обеда — вдвоем или поодиночке. Утомлен я... чуть-чуть, но до крайности.

— Ага, герой дня боится оставаться наедине со скромной девушкой! — засмеялась Ольга. — Успокойся, я тоже хочу спать, но еще больше хочу удовлетворить свое любопытство. Отблеск твоей славы упал на меня, а вот на расспросы любопытствующих дам мне сказать нечего. Бажена рвется лично расспросить тебя наедине, чтобы было «полное понимание и удовлетворение по всем вопросам». А может быть, хочет загладить свою вину невинными поцелуями — так, чтобы всё её худое тело чувствовалось... Сан Саныч пока ее удерживает, но на сколько его хватит? Плюнет и переключится на обаяние Надежды. Так что смотри у меня...

— Сан Саныч правильно и мудро регулярно цитирует старика Шекспира: «О женщины, порождение крокодила!».

— Давай выпьем по стакану шампанского за твои успехи, и ты мне всё расскажешь.

— По утрам пьют шампанское аристократы и...

Но Ольга не дала мне закончить известную цитату:

— Да кто же виноват, если у тебя успехи и подвиги происходят до десяти часов утра? Нет, серьезно, давай выпьем немного, поговорим, а потом спи до обеда. Если я с тобой не усну, пойду собирать «аки пчела нектар» новую информацию. Вот — вспомнила твои слова про французов, желание Бога и женщину.

— «И создал Бог женщину — существо зловредное, но временами забавное». Ты про это?

— Не уклоняйся от темы. И шампанское наливай, — Ольга была непреклонна.

Пришлось подчиниться. Выпив по бокалу и выслушав вопросы Ольги, я сказал:

— Друг мой, очень часто бывает, что не всё из того, что ты видишь своими глазами или слышишь ушами, отражает реальность, соответствует истине и является правдой, либо хотя бы частичной правдой, или элементами истинного положения.

— Да ладно тебе...

— Есть у меня приятель — большой шутник и оригинал. Практически никогда не врет, но так умеет говорить правду, что у самых разных собеседников, от молодых женщин до старых адвокатов, возникают иллюзии, практически соответствующие истине.

— Очень интересно. Правда, интересно. А может, и примеры приведешь? Для наглядности и лучшего понимания...

— Можно и примеры — это не тайна, он и сам частенько про это рассказывает. Пример номер «раз». Работал он начальником юридического отдела в городской администрации, а в обеденный перерыв успевал что-то преподавать в местном университете — какой-то мелкий спецкурс, вроде спортивного права или юридических основ физкультурной деятельности. Благо, от места его постоянной работы до университета идти было меньше пяти минут. Не помню уже всех подробностей этой истории. Вот краткая суть. Познакомился он с красивой

девушкой, честно сказал ей, что преподает в университете, а про работу в городской администрации промолчал. Не знаю, по каким причинам не хотел об этом упоминать. И вот как-то раз утром — после бурно проведенной ночи — шел он с девушкой по улице, на которой стояли и здание городской администрации, и корпуса университета. И приятель, широким жестом показывая вдоль улицы, говорит: «Вон там я работаю» — и показывает на здание городской администрации. А девушка искренне полагает, что он указывает на университетский комплекс — ибо помнит, что он преподает в университете. А на здание администрации, которое ближе, просто не обращает внимание.

— Ввел девушку в заблуждение. Видимо, по привычке. А что за история с адвокатом?

— Там было немного по-другому. Приятель с большим удовольствием ее рассказывает, похотывая над опытным тюменским адвокатом. Если я правильно помню, суть дела была такова. Приятель в суде выиграл практически безнадежное дело — юрист-то он хороший. Тот адвокат был на другой стороне. Процесс тянулся очень долго, и по какой-то причине на последнем заседании адвоката не было. Короче, через несколько дней он позвонил моему приятелю с вопросами, «что да как» было в суде. И представляешь — не сказав ни одного ложного или неправдивого слова, только отвечая на уточняющие вопросы адвоката, сумел мой приятель породить у него иллюзию, что это адвокат выиграл дело. Еще раз подчерку — не врал, а только употреблял такие слова и выражения, рассказывая о последнем судебном заседании, что адвокат, твердо рассчитывающий на свою победу, поверил ему. Дословно этот рассказ я, конечно, не помню, но что-то в таком духе: «Ну, вы же понимаете, что суд должен был принять такое решение... Доказательства такие-то и такие-то были судом были исследованы... Ваши доводы были учтены... Дело сложное, у меня давно не было таких дел...». Всё

соответствовало действительности — и доказательства были исследованы, и доводы адвоката суд учел, и дело действительно было сложным. Но в самонадеянности своей адвокат не спросил, какое именно решение было вынесено судом или хотя бы в чью пользу оно было принято? А приятель промолчал, поскольку его об этом собеседник не спрашивал...

— Любопытные примеры. Теперь понимаю, почему, когда я отвечаю на твой вопрос «Конечно», ты всегда уточняешь — «Конечно, да, или конечно, нет?».

— Ну, по сравнению с приятелем я тупой студент... если вообще не первоклассник. Многих я с удовольствием слушаю, но его — с особым удовольствием. У него таких историй «вагон и маленькая тележка».

— Про Инну я сама слышала, про Аллу Петровну и Николая Сан Саныч достаточно много рассказывал, про Костика слушать не хочу, а вот про всё остальное на этом острове расскажи.

— Злобная девушка, дай мне поспать — потом расскажу... если не умру от усталости в дни отдыха. Ложись — у нас есть целых два часа для полноценного сна.

Но опять мы уснули не сразу... Молодость ненасытна, и как отказывать в желаниях «молодой и сексуальной»? Но один самокритичный вопрос вертелся в голове: «А что же она во мне нашла?» И предположение было рядом с этим вопросом: «Страх толкнул ее в мою постель или сексуальное любопытство?»

Глава тридцать третья День пятый, после обеда. «Море, море, шум прибоя...»

*Любая находка ничья,
потому что сложно доказать,
что это кто-то потерял,
а не выбросил за ненадобностью...*

Из курсовой работы по гражданскому праву

Виктор обедать отказался, пояснив, что с аквалангом лучше плавать на голодный желудок, а поесть он может и потом. Пока все остальные обедали, он и Ван готовили акваланг, переносили его на берег и занимались другими нужными делами. Чуть позднее к ним присоединился Сан Саныч.

После полуторачасового сна и хорошего обеда я чувствовал себя великолепно. Отношение женщин ко мне резко переменялось в лучшую сторону, но наслаждаться успехом было некогда. На пляже я нашел место в тени скалы, бросил туда сумку с полотенцем, телефоном и наушниками. К этому моменту Сан Саныч уже переписал на мой телефон аудиофайлы прослушки. Пока Виктор будет исследовать морское дно, я ознакомлюсь с записями.

Ван, Сан Саныч и Виктор на весельной лодке ушли к месту взрыва катера. С берега я видел, как Виктор опрокинулся с борта спиной в воду. Перед отплытием он сказал, что на большие глубины не пойдет, по его расчетам, принимая во внимание температуру воды, запаса воздуха в баллонах должно хватить минут на 45-50. Он считал, что этого времени будет достаточно на осмотр места взрыва катера и дна по окружности острова, благо он был небольшой.

Но всё закончилось раньше...

А пока я включил диктофон и начал работать ушами и моз-

гами. Понимал ли я, что нехорошо прослушивать чужие разговоры? Конечно понимал — разговоры надо анализировать, а не прослушивать, иначе это напрасный труд и трата времени. В таких вопросах я полностью согласен с мнением советского суперразведчика Кима Филби, который говорил, что бесполезно записывать чьи-то разговоры, если не намереваются прослушивать пленки или прочитывать расшифровки⁵².

Как всегда, в таких ситуациях было много словесной шелухи, которая не давала никакой полезной информации. Подобное я пропускал сразу или прослушивал в ускоренном виде. Была бесконечная женская болтовня, среди которой время от времени появлялись «перлы», они же — «жемчужины стиля». Например, после поэтического вечера Надежда сказала Ольге про Бажену: «Пьяный неликвид брачного рынка». Понравился мне фрагмент диалога Инны и Надежды:

Инна (с дрожью в голосе): «Я чувствую, что меня все ненавидят...»

Надежда (пьяным голосом): «Не драматизируй — только те, с кем ты знакома...»

Умные люди, особенно женщины, умеют тонко, но издевательски шутить над другими. У самого иногда получается так — правда, совершенно случайно. Один из моих бывших руководителей как-то сказал: Олег Петрович, вот Вы скажете иногда «что-нибудь этакое» — вроде бы похвалите кого-то из сослуживцев или мне комплимент сделаете, а я потом подолгу размышляю — нет ли в этом оскорбления?

О-хо-хо... вот и я попал на запись в первый вечер (голос пьяный, рассказываю еврейский анекдот Ольге и Надежде: «Абрам Моисеевич, шо Вы имеете сказать за старость?») — «Моня, старость — это когда из половых органов остались одни глаза. Но взгляд — твердый!» Веселый женский смех и звон бокалов).

52 Публикатор полагает, что в данном фрагменте имеется замаскированная ссылка на разговор, состоявшийся 18 января 1988 г. между Кимом Филби и Филиппом Найтли, автором книги «Ким Филби — супершпион КГБ», изданной на русском языке в 1992 г.

Опять ненужный мне треп, как информационный мусор. Стоп! Еще интересный фрагмент — голос Надежды: «Что ты читаешь?» Ответ Ольги: ««Как стать успешной стервой, которой все завидуют». Перед вылетом скачала с десятков книг этой авторки».

Ну, ни хрена себе — какое чтение у современных девушек! А вот еще прикольный момент:

Инна (Ольге). Ты неправильно питаешься...

Ольга (в ответ). А ты мне не завидуй.

Интересно, куда Виктор в тот вечер микрофоны затолкал? Под столиками прикрепил? Надо будет потом спросить у него... Интересно же...

Так... что там дальше? Сан Саныч Шекспира цитирует, правда на русском: «Любовь бежит от тех, кто гонится за нею. А тем, кто прочь бежит, кидается на шею». Это мы пропустим...

А это что такое? Разговор Инны и Бажены и очень интересный...

Инна. Просто ты сейчас не в ресурсе. Ты вышла из зоны комфорта и тебе страшно. Это нормально.

Бажена. Инна, ты меня не понимаешь...

Инна. А? Почему?

Бажена (судя по голосу, разозлилась не на шутку). Инна, ты это в своем блоге другим дурам рассказывай, а не мне. Я же нормальным тебе человеческим языком говорю: «Все, мне кранты! Эта сука решил от меня избавиться... Или его жена, сука, меня заказала».

Да, высокие, вы-с-с-со-кие отношения! Или вполне нормальные для таких, как Бажена и ее неизвестный мне богатый любовник? Надо будет это обдумать. Вот значит чего Бажена побаивается... Хотя если бы не хорошо различимые голоса, то можно было бы подумать, что боится именно Инна.

А вот это явно обо мне.

Виктор (со скрытым осуждением). Смотри, как Олег надрался, еле на ногах стоит. Старейший алкоголик?

Сан Саныч (задумчиво). Может быть... но еще не вечер... и до восхода солнца далеко. Может быть, его жатва еще в траве? Видел я, как он пил на реке Квай... Алкоголики так не употребляют...

Стоп, а это что за суета на лодке? Посмотрел время на телефоне — с момента погружения Виктора прошло 25 минут. Что случилось? Так... Виктора поднимают на борт лодки... гребут сюда... Ну, ладно, «спасибо, что живой».

Я снял наушники, сунул телефон в карман и пошел на пирс. Через несколько минут причалила лодка.

— Виктор, что случилось? — встревоженно спросил я.

— Что-то редуктор забарахлил после того, как место взрыва катера осмотрел, — ответил Виктор, — не стал рисковать понапрасну, тем более что там нет ничего интересного. Завтра попробую еще раз — но сначала акваланг тщательно проверю.

— Правильный подход, — одобрил я его, — нам еще только аквалангиста-утопленника для полноты коллекции не хватает.

— Сплюнь и постучи по дереву, — серьезно сказал Сан Саныч.

Ван молчал.

— Ладно, давайте отдохнем, — сказал я, — а вечером праздничный ужин устроим по поводу возвращения Инны в нашу теплую компанию.

— А по поводу гибели Костика праздновать не будем? — с каким-то непонятным мне недовольством в голосе спросил Виктор.

— Слушай, — ответил я ему достаточно жестко, — у меня на сегодня ещё осталась одна скупая мужская слеза для демонстрации скорби и печали. Скажи мне, кто-то в Костика наркоту силой заталкивал? Нет, он сам решил покайфовать. Ну и хрен с ним! Решил полетать над скалами — лети, голубь.

Мужики смотрели на меня с удивлением и каким-то упреком.

— Да не смотрите вы на меня так, — с раздражением продолжал я, — туда ему, суке, и дорога. Если бы не сорвался со скалы, так от передоза бы умер. Я первый раз в жизни наркомана увидел в 15 лет — а это были сравнительно спокойные советские годы. Застой, середина семидесятых... тогда наркомания в России была еще в новинку... И с тех пор много еще чего увидел.

Мужики молчали.

— Ладно, хватит об этом, — примирительно сказал я, — что-то разгорячился на пустом месте. Пошли наверх. Вам помочь с аквалангом?

— Иди. Сами справимся, — буркнул Виктор, а Сан Саныч посмотрел на меня каким-то странным взглядом. И Ван что-то уж слишком внимательно осматривал акваланг, делая вид, что нас не слышит.

Ну вот, ещё проблема недопонимания на пустом месте возникла. Придется мужикам всё рассказать... Но без Вана...

Глава тридцать четвертая День пятый, перед ужином. Версии, рожденные на пирсе

*Случай — псевдоним Бога,
когда он не хочет подписываться
собственным именем.*

Анатолий Франс

Перед ужином я предложил Виктору и Сан Санычу снова вернуться на пирс. Они согласились с неохотой, но все же пошли. Я изложил все, что услышал утром от Ольги и что сам раньше читал в интернете об этом нашумевшем деле. В моем кратком изложении (без молодежного сленга) и некоторых подробностей это звучало так...

Костик, стремясь произвести впечатление на Ольгу, рассказывал, как из Москвы он летал в Лондон на концерт Билли Айлиш. Ольга кивала головой, но не впечатлялась. Потом Костик, крепко поддав рома с колой, трепался, какой у него «родак крутой мэн» — владеет контрольным пакетом акций в греческой отельной сети, а также имеет крепкие позиции в российском информационном бизнесе. Вдруг Ольга, сопоставив треп Костика со своими знаниями, поняла, что на самом деле это не «Костик» — это Тарас Христофоров. После возвращения из Лондона в Москву, находясь под воздействием наркоты, он изнасиловал десятилетнюю девочку, младшую сестру ее подруги, тоже работавшей в банке. Девочка случайно осталась без охраны — какой-то «дикий сбой» в работе службы безопасности ее отца, Ольга подробности не знала. Накануне вечером она именно это хотела мне рассказать — но я, уставший, не стал ее слушать. А Ольга, видя мое состояние, решила, что до утра может и промолчать о своем открытии.

Будь потерпевшая обычной девочкой, «Костик-Тарас» мог

бы и «соскочить» с этого дела или отделаться легким испугом по случаю... Сами знаете, каким бывает наше «правосудие», если в деле большие деньги... Но не знала эта сука поганая, что отец девочки — крупный чеченский бизнесмен, и что позднее братья ее на Коране поклялись — любого достать! Вы — парни взрослые, сами понимаете, что такое для чеченцев клятва на Коране и что бы они с насильником сделали? «Костику» сегодня очень крупно повезло, что он сам в состоянии кайфа со скалы рухнул.

Дальше — моя реконструкция последующих событий, потому что Ольга сама не до конца понимает, что говорит. Не её это профиль — впервые в жизни с таким столкнулась. Когда родители «Костика-Тараса» поняли, что на этот раз «бабло» не поможет и никто переговоров с ними вести не будет, когда осознали, что их самые дорогие и надежные адвокаты, не рискуя своей головой, дружно отказываются от защиты «мальчика», то сыночку спрятали сначала на Украине, через несколько недель по чужому паспорту через Турцию перебросили в Таиланд, а потом — на эту одинокую скалу. Телефон у «Костика» сопровождающие отобрали, чтобы не заказывал наркоту и «не светился в эфире». Думаю, что чеченцы потеряли его след в Бангкоке. Но полагаю, что рано или поздно они бы его нашли — немного знаком с такими ребятами, и представляю, на что они способны. Может быть, в этой схеме что-то не знаю и не учитываю, но это не принципиально и подробности не важны.

Свою легенду «Костик» выучил плохо — поэтому в первый же вечер я за минуту легко проверил, где он «учился в Питере». Но дальше этих подозрений продвинуться не успел. Сами знаете, как потом события разворачивались... А «Костик» отошел от первого испуга, решил, что здесь его никто не узнает, и начал трепаться при Ольге про бизнес родителей. Ума не хватило прикинуть, что люди, работающие в крупных банках,

тоже много знают. Пока не знаю точно, где он взял наркоту. Была сначала мысль — может, кто-то из персонала снабдил? Но сейчас основная версия — вытряхнул лекарства из аптечки Аллы Петровны. Она в отрубе могла даже не заметить не только пропажу таблеток и капель, но и в упор не увидеть самого «Костика». Упаковку от таблеток вы сами сегодня на камнях в бинокль видели. Остальное мы в домике нашли. Надеюсь, что теперь вы меня понимаете — почему я на пирсе так взорвался? Ну, когда Виктор спросил с упреком, не будем ли мы гибель Костика «праздновать». Не знаю, как вы, а я смерть этой суки поганой сегодня отпраздную.

Все молчали несколько минут, глядя на море, а потом Сан Саныч спросил:

— У тебя что-то личное было связано с изнасилованием малолетних?

— А? — не сразу поняв, о чем вопрос, я «тормознулся» с ответом. — Нет, это не то, что ты подумал — ничего личного. Студентам иногда шутя говорил, что надо выяснять, кто кого изнасиловал. Но к десятилетним девочкам это никак не относится. Две категории нелюдей ненавижу — насильников малолетних и конченных наркоманов. «Костик-Тарас» — избалованный мажор, единственный наследник супербогатых родителей — это «два в одном».

Виктор зло сплюнул в море, и я вдруг вспомнил, что у него вроде бы маленькая дочка... Или две? То-то у него желваки на скулах ходят.

— Вот так, парни, у меня все... Подымаемся наверх?

— Ну, раз зашла речь о наркоте, то, наверно, пора и мне новостями поделиться, — Виктор заговорил о другом, и к вопросам об изнасиловании и гибели Костика мы больше не возвращались.

Солнце уже садилось в море и, подсвечивая облака, создавало

удивительную игру света и тени. Нам бы наслаждаться красотой и покоем, но услышанное от Виктора успокоению не способствовало.

— Акваланг был полностью исправен, — не торопясь продолжил Виктор, — при Ване я навел тень на плетень. Мы ошиблись с расстоянием, и лодка не вышла на место взрыва катера. Когда искал его обломки, увидел на дне каменные выступы. Если посмотреть на окончание пирса, — Виктор рукой показал направление, — влево примерно на тридцать градусов и на расстоянии отсюда около трехсот метров — есть явно подводная часть нашего острова. Глубина там около пятнадцати метров. Осматривая камни, случайно заметил в одной расщелине оранжевый буюк на коротком конце. Подплыл, осмотрел, убедился, что никаких поганых сюрпризов там нет. Большие пластмассовые контейнеры голубого цвета, похожие на корзины в супермаркетах. Открыл крышку одного контейнера, а в нем — упакованные пластиковые пакеты, размером примерно сорок на шестьдесят сантиметров. Может быть, чуть больше... Думаю, что там наркота, хотя возможны варианты. В любом случае место для тайника выбрано очень хорошо — пока прямо над расщелиной не проплывешь — ничего не увидишь. Поскольку это рядом с островом, я не стал ничего при Ване говорить. Может быть, он сам и «не в теме», но кто-то на острове должен об этом знать. Мне кажется идеальным вариантом закладка тайника с небольшого суденышка, ночью, когда на острове все спят. Подойти можно под парусом — тихо, без огней. Даже если кто-то из посторонних заметит — решит, что местную рыбацкую лоханку случайно занесло к острову. Но кто заметит, если ночью в море не смотреть? А на экране хорошего эхолота эти камни должны быть отлично видны.

Сан Саныч и я согласно покивали головами и, может быть, одинаково подумали, что никто из нас за всё время ни разу не смотрел на ночное море.

— Боюсь впасть в конспирологию, — задумчиво сказал я, — но меня как-то удивляло обилие светильников на ограждении скалы и у отеля, на нижней террасе и на пирсе. Заряда солнечной энергии хватает практически на всю ночь, хотя, конечно, к утру уровень освещения слабеет. Но если развивать мысль Виктора, то, стоя ночью у ограждения между светильниками или на пирсе, на море ничего не увидишь. А вот с моря можно прекрасно ориентироваться на хорошо освещенный остров и пирс.

— Пожалуй, соглашусь с тобой, — ответил Сан Саныч, — а сегодня ночью постою между светильниками, чтобы проверить твои рассуждения. — Он повернулся к Виктору. — Что-то еще интересное?

— Вроде всё — ответил Виктор. — Обломки катера лежат на грунте, там довольно сильное подводное течение, наверное, всё скоро растащит и занесет. Найти, конечно, можно будет, но что это реально даст? Тела я там не видел — беглец наш мог сам отплыть и потом утонуть, а может быть, контуженный или раненый, сразу пошел на дно, и течением его куда-то подальше оттащило. Короче — трупа возле обломков катера нет.

Слушая их разговор, я пытался новой информацией дополнить картины предыдущих событий. Почему я исключал наших людей из числа подозреваемых в стрельбе по катеру? Потому что не было реальных оснований подозревать их в убийствах. Это же какое фантастическое сплетение обстоятельств должно привести к тому, чтобы в реальных условиях — на далеком острове в теплом море — российский турист голыми руками совершил убийство бармена? Или садовника отеля с применением высокоточного оружия? И кто для этого туриста заботливо приготовил на острове снайперскую винтовку?

Жил в XIV веке в маленькой английской деревушке в графстве Суррей философ и францисканский монах по имени Уильям. Полагаю, что, ошалев от сельской скуки, он сочинил...

а может быть, вспомнил из ранее прочитанного, философский принцип — «Не следует множить сущности без необходимости». Другими словами, и применительно к нашим условиям, «то, что может быть сделано на основе меньшего числа предположений, не следует делать, исходя из большего их числа». Ну, не вписывается участие российских туристов в убийствах обслуживающего персонала. Сан Саныч или Виктор, может быть, и смогли бы свернуть шею бармену и после этого аккуратно столкнуть тело с лестницы. Но представить себе стрельбу из снайперской винтовки по катеру, прыгающему на морской волне, которую ведут Ольга, Надежда или прочие фемины, моя фантазия отказывается. А мужики в момент стрельбы были на виду у нескольких человек — и никто из них в этот момент оружие в руках не держал. Мой здравый смысл совершенно справедливо и обоснованно спрашивает: «Ты бритвой Оккама давно пользовался?»

— Петрович, ты не уснул? — спросил Сан Саныч. — Или в глубокой задумчивости версии прикидываешь?

— Прикидываю, — хмуро буркнул я, — тут явно два потока событий. Один — наш, туристический... В его течении — смерть Николая и «Костика». Другой поток — местная криминальная жизнь. Условно обозначим его «Наркота». Хотя возможны и другие варианты — контрабанда драгоценных металлов или камней, оружия и прочего дорогого товара. Просто наркота мне кажется в этом раскладе самым выгодным делом. Сюда относятся кладовка с оружием, подводный тайник, попытка бегства с острова и стрельба по катеру, и, возможно, смерть бармена. Потоки эти не пересекаются, если не брать во внимание возможность приобретения «Костиком» наркоты у кого-то из местных... и маловероятную причастность к смерти Николая отельной службы. Сам понимаю, что версия с утоплением Николая сотрудником отеля полностью надумана, но, обжегшись на мо-

локе, дуют на водку. Так что абсолютной уверенности у меня ни в чём нет. Единственное реальное пересечение этих условных потоков — совершенно случайное обнаружение Виктором тайника. Если бы не ошибка с определением места взрыва катера, то он и камни мог бы не заметить, не то что тайник увидеть. Случайность чистой воды... Чистой морской воды.

— Как думаешь, — подал голос Виктор, — Ван в курсе местной криминальной жизни?

Крепко поразмыслив, я ответил Виктору:

— Не знаю. Не хватает информации, чтобы уверенно что-то сформулировать. А поэтому включаем на полную катушку режим осторожности и недоверия ко всем «местным кадрам», в том числе и к Вану. наших девушек в причастности к здешней криминальной жизни не могу подозревать — это было бы уже «бесконечной дурной фантастикой» или графоманством авторов плохих детективов. Пусть этим развлекаются создатели российских телесериалов.

— Тогда встаем на крыло и летим в бар, — подытожил Сан Саныч, — девушки ждут вечернего общения. У Виктора — свои заботы, у меня — свои. А ты, счастливец, опять Ольгу будешь очаровывать.

Это замечание я пропустил мимо ушей, потому что задумался: а у кого из персонала отеля был или есть свободный доступ к аквалангам?

Глава тридцать пятая Вечер пятого дня. Можно ли обмануть свою судьбу? Или чужую?

*Случайность — всего лишь иная форма судьбы...
возможно, более привлекательная,
но и более неизбежная.*

Эрих Мария Ремарк

После ужина вся наша компания собралась возле бара. Инна уже была в полном порядке. Для успокоения публики я рассказал о том, что «Костик» сам свалился со скалы в состоянии опьянения. Какого рода было опьянение, не упомянул — кому нужны излишние подробности после того, что было сказано утром? Как всегда, я не соврал — просто не всю правду сообщил. Ольгу предупредил заранее — она тоже промолчала о своих открытиях после откровений «Костика-Тараса».

Как ни странно, моему рассказу нашлось объективное подтверждение. По какой-то неясной компьютерной причине, после того как предыдущей ночью все легли спать и уровень потребления электроэнергии снизился, включились камеры видеонаблюдения. И на одной из записей было хорошо видно, как «Костик» — уже под утро — шарахается возле ограждения и в конце концов валится со скалы вниз, размахивая руками, как будто-то собрался взлетать. «Икар» обдолбанный... Видеозапись мне показал Ван, и он же тем вечером подтвердил всем мой рассказ. Дамы наши повеселели, ибо не было больше тайны смерти Костика и можно было отмечать возвращение Инны «городу и миру».

Но зато вспомнили про Аллу Петровну, которая продолжала квасить, не выходя из домика. Я на третий день попросил Вана не ограничивать ее в алкоголе, но приносить в домик максимально слабые и дешевые напитки. Отель своим запоем Алла,

конечно, не разорит, но зачем добро зря переводить? Питьевую воду ей тоже приносили вместе с такой едой, которая не могла быстро испортиться. Но запойная практически ничего не ела. Ну, может быть, немного похудеет с такой диетой...

Николая теперь все жалели, как милого и доброго человека, будто и не был он старым алкоголиком. Насильственная смерть облагораживает жертву в глазах окружающих?

— Не понимаю, зачем убивать, — сказала Надежда, — если можно так расстаться. Овчина выделки не стоит. Я вот три раза разводилась, не считая других расставаний.

Еле заметные взгляды, которые бросили друг на друга Сан Саныч и Виктор после слов Надежды о трех разводах, я бы не заметил, если б не знал, о чем они подумали и сам бы не смотрел на них в тот момент.

— В жизни все сложно, — задумчиво сказал я, посмотрев через бокал с красным вином на свет фонаря. — Кроме наших желаний существует еще миллион случайностей, которые мы не можем контролировать. Как не можем и предусмотреть события, из-за которых мы оказываемся в определенном месте и в определенное время. А ведь часто эти события меняют нашу жизнь или приводят к смерти. Вот свежий и хороший, на мой взгляд, пример с... — я практически в последний момент проглотил слово «наркоманом» и после микропаузы продолжил: — Пример с Костиком.

Сан Саныч, Виктор и Ольга поняли, какое слово я пропустил, а остальные, похоже, ничего не заметили... Все молчали, и я продолжил:

— Рассмотрим самые обыденные ситуации. Юноша опаздывает на вечернюю электричку, целый час ждет следующий поезд, в вагоне защищает девушку от пьяного хулигана, потом провожает ее домой. В благодарность за избавление от хулигана девушка приглашает юношу к себе домой «на чашку чая», потом

— спонтанный секс. Через полгода они женятся, а еще через год, после рождения ребенка, расходятся. Тут все случайно — опоздание на электричку, случайный выбор вагона, где ехали пьяный хулиган и девушка, да и секс тоже был случайным. А вот развод супругов мне кажется уже закономерным...

Девушка на первом курсе в мединституте случайно увидела невысокого и худенького еврейского мальчика, еще не достигшего восемнадцати лет. И тут же она сказала подругам: «Я выйду за него замуж». Всю жизнь муж ей изменял, но при этом придерживался принципа: «Пусть будет сто любовниц, но жена на первом месте». Он умер через пятьдесят три года после той — судьбоносной — их встречи на первом курсе, а горюющая вдова продолжает чтить и любить мужа.

Большая компания встречает Новый год. Все веселы и переполнены ожиданиями всего самого наилучшего, так всегда бывает в первые минуты нового года. Через час одна супружеская пара собирается идти домой. Их отговаривают, ссылаясь на отсутствие такси и холодную погоду, предлагают продолжить праздник. Но супруги неумолимы и уходят домой пешком. За два квартала до дома они встречают кого-то, и этот неизвестный двумя ударами ножа в сердце убивает и мужа, и жену. Преступление так и осталось нераскрытым. Могли супруги в ту ночь остаться у друзей до утра или хотя бы на час или два позднее пойти домой? Могли... и случайная встреча с убийцей могла бы не состояться. Кто управляет этими случайностями? Точно знаю только одно — это не мы.

— Не хочешь ли ты сказать, что все убийства случайны? — спросила Надежда.

— Послушать тебя, так все мы безвольные куклы, — поддержала ее Инна.

— Ни в коем случае... Не все убийства случайны, — ответил я сразу обеим. — И часто воля человека направлена именно

на лишение жизни кого-то другого. Но, на мой взгляд, процентов девяносто так называемых бытовых убийств обусловлены случайностями — кто-то не вовремя пришел или ушел, кто-то выпил больше, чем надо, и приревновал «на пустом месте», а кто-то обиделся, неправильно поняв собеседника. В понятие «бытовые убийства» я не включаю заказные, а также совершенные при разбойных нападениях и в местах лишения свободы... ну, и другие в таком же духе. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

Замолкнув, я подождал от присутствующих предложения сменить тему. Но народ молчал и видимо ждал продолжения. И сделал глоток вина, продолжил свой рассказ.

— В жизни довелось мне встретить трех мужеубийц. И уж так судьба распорядилась, что одна из них была молодой, вторая — старой, а третья — средних лет.

Молодая совершила убийство не в порыве гнева или по неосторожности. Нет, она все обдумала, заготовила длинный электропровод от газовой зажигалки, оголила концы, увела маленьких детей в дом своей матери... А когда пьяный муж уснул, обмотала проводами горло и левое предплечье, воткнула вилку в электророзетку... «Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал». Потом женщина вышла из дома, добрела до будки телефона-автомата, позвонила в милицию и сказала: «Приезжайте, я убила мужа». На следствии выяснилось, что в тот вечер, вымогая у жены последние деньги на водку, муж поднял свою двухлетнюю дочку за ногу и пригрозил: если денег сейчас не даст — он ребенку голову о радиатор отопления размозжит... Мать за спасение дочери отдала последние деньги, на которые рассчитывала еще неделю — до своей зарплаты — прожить всей семьей.

— Еще в Паттайе прочитал этот рассказ, — продолжил за меня Сан Саньч, — и вам советую, как доберётесь до интерне-

та. «Холодок под солнечным сплетением» называется. И, уже обращаясь ко мне, попросил: — Давай теперь про «старую» и «не старую» расскажи.

— А в тех случаях всё было по-другому, — продолжил я свой печальный рассказ. — Бабушка, «божий одуванчик», двух лет не дотянула до «золотой свадьбы» — прошла топором по дедушкиной голове и шее. Как смягчающее обстоятельство надо указать, что бабушка крепко спал, после того как выпил бутылку самогона, то есть не страдал перед смертью и не мучился. Случайность? Наверное, да... Мог бы дедушка в тот день самогон не пить и не ссориться с бабушкой? Хотя вся жизнь у них в таких ссорах прошла. Или бабушка могла в это время в больнице лежать — для лечения и облегчения своих многочисленных хворей... Или могли бы дети с внуками приехать в гости на всю неделю. В конце концов, могло не оказаться в доме топора, который накануне соседи брали да вовремя вернули.

Вот третий случай для меня самый непонятный. Вроде была обычная, как говорится, средняя семья. Ни муж, ни жена ранее не судимы и даже к административной ответственности не привлекались. Законопослушные обыватели, не подверженные влиянию преступной среды. Несколько лет брака... уже нет любви, но нет и особой ненависти. Так — глухое недовольство и раздражение друг от друга. Во время обеда вспыхнула ссора по какому-то очень незначительному спору — то ли какую программу по телевизору смотреть, то ли из-за уровня громкости телевизора. Жена взяла со стола обычный кухонный нож и с одного удара в сердце «завалила» мужа. И ничем свой поступок потом объяснить не смогла. Я долго следователя пытал — хотел разобраться в мотивах обвиняемой. Но и он ничего сказать толком не мог — кроме того, что «вину не отрицала, обстоятельств не скрывала», на работе и в быту характеризуется положительно.

Ольга тяжело вздохнула и сказала:

— Получается, что вся наша жизнь — это какая-то нескончаемая последовательность случайностей... И каждая из них влияет... или может повлиять... на другие случайности... причем совершенно неожиданно, непредсказуемо, а иногда — смертельно губительно. И как теперь в Бога верить?

— А причем здесь Бог? — удивился я. — Бог, как мне кажется, хочет от человека со-творчества. И если человек уклоняется от такого со-творчества, то сам губит свою жизнь, а Бог просто не вмешивается в его судьбу. «Костику»... не нужна была жизнь... и другим он вред причинял. Вот и не поддержал его ангел-хранитель, когда тело качнулось над скалой. И потом — не всё так плохо в этом мире. Миллионы людей живут счастливо, а умирают, достигнув внушительного преклонного возраста, в полном покое. Может быть, прав старик Вольтер, что случайностей вообще не существует и всё на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвестие. Впрочем, я в своих рассказах не один раз писал про это... Сейчас повторяться не время и не место. Кому будет интересно, почитайте «Утраченные воспоминания ученика бога Тота» — это философские миниатюры, и «Беседы с Ангелом-хранителем» — сборник рассказов, написанных на основе реальных событий. А сейчас давайте выпьем за то, что мы живы, здоровы и на свободе, за то, что своей жизнью будем распоряжаться правильно. И синие птицы удачи ежедневно будут клевать свой корм с наших рук.

— Умешь ты, философ, красиво говорить, иногда зависть берет, — улыбнулся Виктор, — рассказы твои почитаю, может, логика будет быстрее «включаться»...

Все женщины с недоумением посмотрели на Виктора, и Сан Саныч тут же отреагировал:

— Милые дамы, не обращайтесь внимания на некоторые слова и выражения — это мы о своем, о мужском — выработали «птичий язык» для субъективного отражения текущей

реальности. Давайте и правда выпьем и, может быть, не один раз, чтобы больше ничего не случилось...

Все, кроме Инны, выпили, а потом общий разговор раздробился на несколько частей. Виктор о чем-то беседовал с Надеждой, Сан Саныч и Бажена слушали проповедь Инны про здоровый образ жизни, который может исключить многие болезни и случайности, если не пить алкоголь и не есть мясо.

При этом мне на мгновение показалось, что Сан Саныч, слушая Инну с самым серьезным видом, но не прекращая при этом потягивать виски, поглаживает под столом руку Бажены, лежащую на ноге... или ногу возле руки... Интересно, окажутся они сегодня в одной постели или нет? И что привлекательного Сан Саныч нашел в тощей Бажене? Как говорила про нее Ольга? Двигается с грацией аиста или скелета... Не уверен я, что у скелетов есть грация, но женщинам виднее. А может быть, у Сан Саныча никогда не было таких худых, и тянет на «экзотику»?

Ольга поднялась, сказала, что устала за этот долгий день и пойдет отдыхать, пожелала всем спокойной ночи и ушла. Я еще немного поинтриговал Инну и Бажену рассказом о рецепте древнегреческих гетер для сохранения здорового и красивого цвета лица и тела, пообещал, что открою его перед отъездом с острова, и тоже попрощался. Спать хотелось со страшной силой...

Но как пелось в старой песне: «Покой нам только снится».

Глава тридцать шестая

Ночь между днями пятым и шестым.

Разговоры о перистых облаках и о «Красоте в глазах смотрящего»

*У нее было прекрасное выразительное лицо
и немислимо красивая фигура, от которой
завелся бы даже испорченный будильник.*

Джеймс Морроу

Приход Ольги я уже легко определял по тихому стуку в дверь. Обернувшись большим полотенцем, я вышел из ванной комнаты, открыл входную дверь, жестом показал, чтобы она проходила в комнату, закрыл дверь, повернул ключ замка на два оборота и снова направился в душ. Напор воды был сильным, и струи с шумом летели вниз. Внезапно погас свет, я услышал, как раздвигаются дверцы душевой кабины, а через мгновение теплые руки Ольги уже обнимали меня за шею. Ну вот... явление тонкое, вездесущее, загадочное, многоликое... и это всё сказано про секс... и женщину.

Я повернулся к Ольге лицом, прижал ее обнаженное тело и чуть отодвинул от потока воды. Теперь душевые струи били лишь по моей спине, не попадая нам на лица. Целуя закрытые глаза и губы, я чувствовал, как твердеют ее соски, а руки скользнули вниз... Ах ты, юная шалунья... Сейчас я тебе покажу, что старый конь борозды не портит. И что в моей жизни — это не первый секс под струями воды... Молодость против опыта. Повернув девушку спиной к себе, обнял и стал ласкать ее груди, слегка покусывая за правую мочку уха...

Мы лежали в постели, спокойные, удовлетворенные, расслабленные. И спать не хотелось. За собой знаю такой грех — хороший и радостный секс наполняет энергией, отгоняет усталость и сон. И так было с юности. Похоже, что и Ольга такая же...

— Я думала, не дождусь сегодня окончания вечера, — тихо сказала Ольга, — черт тебя дернул вести длинные разговоры об убийцах... могли бы уже два часа валяться в постели.

— Это я групповую психотерапию проводил — чтобы народ не паниковал. Людям всегда интересны кровавые и сексуальные подробности, и, услышав об убийствах других, они подсознательно успокаиваются — ведь это же не с ними произошло.

— К черту всех убийц и все убийства. Расскажи лучше о себе. Ты кто?

— Однако, какой лобовой вопрос. Я — каждый восьмой. Ты же как банковский аналитик должна это знать...

— Опять придуриваешься? *Причем здесь банк? И что такое или кто такой «каждый восьмой»?*

— *Дорогая, сейчас на планете каждый восьмой житель — в возрасте старше шестидесяти лет. Я уже вошел в эту группу. Свой возраст никогда не скрывал и не скрываю. Седина бобра не портит!*

— У тебя правда красивая седина, а вот у Сан Саныча — некрасивая.

— «Красота в глазах смотрящего» — старик Шекспир не зря это глаголил.

— А ты когда сесть начал?

— В двадцать лет.

— Серьезно? Быть не может!

— Абсолютно серьезно — тревожная молодость, тяжелая работа, систематическое сексуальное измождение, первая седина...

— Да ну тебя... Я с тобой серьезно разговариваю, а ты дурака валяешь.

— Как можно несерьезно говорить о сексуальном измождении? Ну сама подумай...

— Я сейчас подумала о другом. На курсах по психологии личностного роста один из лекторов приводил цитату из Ницше. Точно не передам, но смысл такой: много рассказывать о себе — это один из способов скрывать правду о себе.

— Так я о себе и рассказываю не много, а это значит, что ничего не скрываю. «Я весь как открытая книга — читай не хочу».

— С тобой невозможно серьезно говорить — я к тебе всей душой...

— А ты лучше на меня всей грудью... а потом — повернулась бы спиной...

— Ты меня за полную дуру держишь?

— Я держу тебя за правую руку.

— Олег, ну серьезно, расскажи мне о себе... Как ты жил раньше?

— Назло врагам, на счастье женам.

— Олег, я с тобой третью ночь в одной постели... Днем тебя вижу и вслушиваюсь, как ты с другими говоришь... что о тебе другие говорят... и понимаю, что, несмотря на всё это, ничего о тебе не знаю — как будто сейчас первый раз увидела тебя на пирсе возле яхты. Я тебя не понимаю. Такого со мной еще не было. Кто ты?

Кто я — простой вопрос, на который сложно ответить. Даже мысленно и только себе. Сейчас — одинокая птица в ночном безмолвии на морском просторе. А этот остров нынче — наша жизнь и чья-то смерть. Но зачем девушке это знать? Поговорим с ней о другом...

— Я хочу тебя... — продолжала Ольга, прерывая мои мысли.

— И это прекрасно — хотеть именно меня! Так и должны делать все красивые девушки — блондинки, брюнетки и шатенки.

— Я хочу тебя понять... и немного боюсь.

— Не бойся, Красная Шапочка, я тебя обязательно съем. Вот только пусть бабушка переварится... Старушка оказалось жестковатой... Но это вполне объяснимо активной деятельностью Пенсионного фонда и уровнем зарплат его руководителей. Это я тебе как честный российский пенсионер говорю.

— И как только тебя жены терпели? С тобой же разговаривать невозможно!

— Так они и не терпели — развелись сразу, как только семь или четырнадцать лет пройдет. Цикличность — это великое дело! И каждый цикл завершается кризисом и ведет к следующему этапу — так психологи утверждают. Или к новому браку... который тоже перерастал в новый кризис. Вообще-то я собираюсь после возвращения домой перечитать жития святых. Говорят, по молодости лет некоторые крепко блудили. Что же взять с меня, грешного? Моя биография точно не станет основой для жития. Но я никогда никому не рассказывал о своих женщинах.

— Ты правда сейчас не женат?

— Правда. Это правда, одна только правда и ничего, кроме правды.

— А какие они были — твои жены?

— Умные, красивые и сексуальные — как ты... А теперь предлагаю остановиться, забыть про моих жен и поговорить о чем-нибудь высоком — например, о перистых облаках. Ты что-нибудь знаешь о перистых облаках? Если нет, то я готов до утра читать тебе лекцию об этом удивительном природном явлении и о визуально-инструментальных методах изучения перистых облаков самолетами-лабораториями для гидрометеорологических исследований.

— А давай лучше вина выпьем. Хочу холодного красного вина, — мечтательно продолжила Ольга, — потом целоваться будем...

— Вот как с тобой на серьезные темы говорить можно? Если ты только для того, чтобы уклониться от «лекции о высоком», готова ночью пить вино и целоваться со стариком... Какое падение нравов и удивительное отвращение к знаниям!

— Да... ты еще тот старичок... Завидую тем, с кем ты в молодости спал. Расскажи про свою первую любовь.

— Ты этого действительно хочешь? Тогда обязательно расскажу.

— Правда? — Ольга слегка удивилась, видимо, помня мои недавние слова, что о женщинах никогда не распространяюсь.

— Правда. Перистые облака — это моя первая любовь. Тогда я хотел быть лётчиком...

— Ты невыносим!

— А зачем меня выносить? Мне и здесь — с тобой в постели — хорошо. Не надо меня никуда выносить.

— Знаешь, ты мне сначала не понравился, — Ольга поторопилась поправиться, — ну, то есть не то чтобы не понравился, просто внимание на тебя сначала не обращала. Потом... потом услышала одну фразу, и как-то незаметно стала присматриваться, прислушиваться, сравнивать. Наблюдала, как ты с женщинами общаешься... прикидывала, кто может твой интерес вызвать. Понятно, что дура Бажена и долбанутая «здоровым образом жизни» Инна вряд ли могут тебя заинтересовать. А вот Надежда... На нее ты очень внимательно смотрел после «вечера поэзии» — пьяный был в хлам, еле языком ворочал, рассказывая нам про свои кулинарные способности... Но как смотрел!

— Рецепт коктейля «Бурный секс»⁵³ не обещал? Не рассказывал, как его читают люди, не выговаривающие букву «р», заменяя ее на «й»? Так это значит, что я еще трезвый был!

— Не перебивай меня ерундой. В тот вечер ты нам с Наде-

⁵³ Рецепт коктейля «Буйный секс» опубликован в интервью Олега «Без Бахуса Венера зябнет», можно найти в интернете (примечание публикатора).

ждой хвастался своими кулинарными способностями, которые проявляются один раз в двадцать лет. Я была почти трезвая и с насмешкой наблюдала за пьяным трепом... Пока не увидела, как ты смотрел в глаза Надежды. Ты что-то говорил, а сам смотрел на неё... смотрел и говорил... И мне даже показалось, что ты ее гипнотизировал. Надежда — она, кстати, тогда тоже хорошо коктейлями побаловалась — словно замерла после твоего ухода, правда, затем встряхнулась, как будто что-то для себя решила. Ты отошел и чуть стол не опрокинул — хорошо, что Сан Саныч тебя вовремя поддержал.

«Неужели Надежда что-то заподозрила в тот вечер?» — молча встревожился я, вполуха слушая Ольгу.

— Потом — утром у бассейна — видела, как ты мужиками командуешь... со страшного похмелья. Гаркнул так, что некоторые из присутствующих присели. В армии, наверное, командирский голос тренировал?

— Никогда не служил в армии. Хотя в молодости три раза призывался. Но это не интересно. Давай лучше поговорим о тебе.

— Нет, подожди. Еще я смотрела, как ты танцевал с Баженой... Думала, что она исцарапает тебя своими костями. Но ты был джентльменом и даже не отстранялся от этого ходячего скелета. Потом ты пил со всеми, включая Костика. Признайся, что ты в тот вечер «нажрался в хлам».

— Признаюсь. Дневная усталость, голодное детство, наследственный алкоголизм и грустные воспоминания о рухнувшей империи сделали свое черное дело — я немного опьянел...

— Немного?! Повторяю, что ты был пьян до безобразия. Все боялись, что ты упадешь между столиками во время своих перемещений.

— Боялись этого все трезвые или все пьяные?

Я слушал Ольгу и мысленно материл себя за самонадеянность последними словами: «Вот так тебе, старая вешалка, и надо... Никто не заметил, что присматриваюсь к Надежде... как же... Ты кого обмануть хотел? Женщин? Так они нас видят насквозь и на полметра глубже. С кем решил тягаться? Да еще в пьяном виде или с похмелья... С женщинами? У них чутье работает, даже когда мозгов не хватает. И совсем другая ситуация, когда мышление острое, как зубы акулы. Пьянь ты, проклятая... вот потому и не смог правильно понять взгляды Ольги и Надежды. И что теперь Надежда? Замкнется? Будет что-то подозревать и сторониться?»

— Зато утром присел за наш столик, «весь белый и пушистый», — продолжала Ольга, которая, конечно, не знала о моих мысленных причитаниях, — доброжелательный и вежливый. Как будто не ты три часа назад у бассейна матом орал на бедного Вана. И опять что-то говорил и смотрел в лицо Надежды... И она к тебе все время приглядывается, — продолжала Ольга. — Ты ее, случайно, не трахнул где-нибудь когда-нибудь мимоходом и спьяну? Так, что даже друг друга не запомнили... Не смущайся — секс не повод для знакомства.

— Милая девушка, меня поражает цинизм молодого поколения, наследников сексуальной революции девяностых годов. За незаслуженный комплимент выражаю, конечно, особую благодарность. Но, увы, не имел счастья трахать каждую красивую женщину в пределах моей досягаемости. Впрочем, честно надо сказать — и не всегда стремился к этому. И с Надеждой у меня никогда ничего не было. Вернись к рассказу о себе...

— А что рассказывать о себе? Взяла вечером бутылку шампанского и решила — «Будь, что будет» — пойду поговорю с Олегом Петровичем, не понравится разговор — уйти смогу в любой момент!

— Ты, словно бабочка к огню, стремилась так неодолимо...

— Это ты написал?

— Девушка, милая, Бога побойтесь! Это стихи Марины Цветаевой! Им уже, наверное, сто лет... Понимаю, что страна переполнена жертвами ЕГЭ, но Вы-то как в их число попали?

— Ну вот... оскорбления начались, вино отельное зажал... пусть умная и красивая от жажды умирает... недоцелованная. Грустно и печально... Поговорим тогда про другое...

— Поговорим о другом... или о других, а то мне мысли о смерти умных, красивых и не зацелованных девушек оптимизма не добавляют. И о чем же мы будем глаголать в обнаженном виде?

Похоже, что Ольга не уловила иронии последних фраз. Ну и слава Богу...

— Ты обратил на себя мое внимание в первый вечер... после поэтических выступлений, когда процитировал фразу из той старой пьесы бразильского автора... фамилию забыла... который написал «Эзоп. Лиса и виноград».

И снова я мысленно удивился. Да что ей дался тот «Эзоп»? Признаться надо честно, я совершенно не помнил, чтобы Ольге или еще кому-то цитировал слова из той пьесы. Но не говорить же сейчас, что алкоголь стирает память. Надо с этим разобраться — тут не должно быть случайностей. Мысли мои не успевали за развитием разговора.

— Да-а-а... и что же я процитировал?

— Любимую фразу моей мамы, когда она обращалась к отцу: «Разве ты не видишь, что красив, отражаясь в моих глазах?»

Стоп, мои мысли, мои скакуны! И вообще это, как мне помнится, парафраз шекспировской «Красота в глазах смотрящего»... Надо девушку поподробнее расспросить об этом моменте.

— Твой отец был некрасив? Глядя на тебя, этого не скажешь...

— Отец был умен и красив суровой мужской красотой, без пошлого и приторного глянца. И мама красавица. Просто у них с мамой была своя игра в цитаты. И, может быть, тот спектакль был им чем-то особо дорог.

— Да, бывает и такое.

— Я больше никогда и ни от кого не слышала этой фразы... И вдруг ты ее произнёс, и я обратила на тебя внимание.

— Старик Тютчев однажды написал: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Это я сказал вслух, а вот остальное прозвучало уже только в моей голове. Там, в ленинградской постановке, была еще одна интрига — Эзоп отказался наслаждаться телом своей хозяйки, и она обещала ему за это кару. Что-то в духе: «Я предлагаю тебе наслаждение, а ты отвергаешь его. Раб, ты заслуживаешь наказания!» Ну вот что творится в женских головах, когда они слышат из мужских уст что-то редкое или хотя бы нестандартное?

Между тем Ольга продолжала болтовню без всякой видимой связи с только что сказанным:

— Знаешь, я люблю дома обнаженной ходить, когда никто не видит...

— Психологическая склонность к самолюбованию? Тяга к комфорту? Протест против оков цивилизации? Подготовка к тому, что ты сейчас встанешь и обнаженной пойдешь через всю комнату доставать из холодильника бутылку вина?

— Олег Петрович, официально заявляю Вам — Вы совершенно невыносимы!

— Повторяешься, дорогая! И я с удовольствием повторюсь — не надо меня выносить. По крайней мере, пока с тобой в постели хорошо. Более того, ты меня сильно возбудила своими разговорами. И я немедленно хочу... Да что там «хочу»?! Меня захлестывает вожделение... я просто жажду... полстакана холодного вина!

— Я тебя сейчас искусаю! Больно! Очень больно! Вот ведь знаю уже, что окончание фразы по смыслу не будет соответствовать ее началу и продолжению, а все равно жду и надеюсь услышать от тебя что-то хорошее, ласковое, возбуждающее. А впрочем, желание искушать тоже можно считать возбуждающим?

— Молодец! Быстро учишься адекватно реагировать на слова! Вот за это мы сейчас выпьем красное сухое...

— Ну вот — опять шутишь. Третью ночь сама прихожу к тебе, слушаю, что-то говорю, но не понимаю тебя. После первой ночи с тобой я почему-то вспомнила картину моего друга. Мы вместе с ним в детскую художественную школу ходили. Сейчас он модный питерский художник. Небольшой пейзаж... Вершина вулкана, покрытая снегом... Вулкан под снегом. Потом поняла — под маской спокойствия и ехидной иронии у тебя бурлит сексуальная лава.

Вот как? И это интересно... Может быть, мне все это только кажется болтовней? Откуда такое настойчивое желание узнать меня получше? Эти вопросы звучали только в моей голове, а вслух было сказано иное:

— О звезда его очей! Не терзайся понапрасну. Пусть тебя успокоит, что некоторые люди — в том числе мои жены — годами жили рядом, а понять не смогли. Натура я совершенно загадочная и высокохудожественная, а также многогранная и многосложная, как банковский процент или налоговая ставка. Вот за это предлагаю выпить по стакану сухого красного холодного. И в завершение этого разговора два вопроса. Кто из нас продемонстрирует прекрасную обнаженную женскую фигуру по дороге к холодильнику? И что ты говорила о множественных оргазмах?

Мы, выпили бутылку вина... долго целовались и ласкали друг друга... уснули перед рассветом. Негаданная страсть на одиноком острове в теплом южном море. Мои надежды на

легкий флирт без сексуальных контактов развеялись, как горный туман, уже на второй день. И последними мыслями в мозгу, затуманенном усталостью, вином и сексом, был вопрос: «Что же делать с этой девушкой, желающей узнать меня получше? Это желание — тревожный признак. Так уже было — и печально закончилось».

Глава тридцать седьмая Утро шестого дня. Тайник с винтовкой и «сломанная хризантема»

Облетели цветы, догорели огни.

Семён Надсон

После завтрака Сан Саныч, Виктор и я пошли искать место стрельбы по катеру. Виктор определил примерно сектор поиска и, пока мы туда добирались, провел мини-лекцию о стрельбе в горных условиях. Я с интересом узнал, что стрелок кроме расстояния должен учитывать множество других факторов: характер оружия и боеприпасов, *угол места цели, высоту над уровнем моря и ветер*, атмосферное давление, влажность и температуру, плотность воздуха и даже рост стреляющего.

А вот Сан Саныч, похоже, и сам мог бы кое-что дополнительно рассказать. Такое впечатление у меня сложилось после того, как послушал их спор об эффективности использования в полнолуние ночных прицелов и приборов ночного видения. «Век живи — век учись». И хотя ни воевать, ни охотится с применением приборов я не собирался, но интересно было узнать о достижениях человеческой мысли в деле уничтожения живых существ.

Когда вышли на одну из вершин нашего острова, с которой открывался вид на пирс и тот участок моря, где затонул катер, Виктор определил два места, подходящих, с его точки зрения, для прицельной стрельбы. Сан Саныч с интересом наблюдал за ним — похоже, его больше интересовало не место стрельбы, а методы Виктора.

— Ну что, «отец-командир», доволен? — спросил меня Виктор с нотками ехидства в голосе.

«Это он мне за вопросы по Конституции», — сообразил я, но сделал вид, что вообще ничего не замечаю.

— Передаю руководство на местности более опытным бойцам. Скажите-ка, братья-славяне, на какое максимальное расстояние в зависимости от типа оружия может вылететь гильза и в каком направлении? Может быть, ничего и не найдем, но попробовать надо. Чтобы не было мучительно горько за бесцельно потраченное время. Не верю в то, что стрелок терпеливо искал здесь отстрелянные гильзы, — не было у него на это времени.

— Какие странные желания бывают у коллекционеров графики и живописи, — опять съехидничал Виктор, — это, наверное, созерцание нежной акварели рождает извращенное желание искать гильзы.

Но тут меня поддержал Сан Саныч:

— Конечно, мы не знаем из какого оружия стреляли, и гильзы могли разлететься куда угодно. Но похоже, что все мы ребята удачливые, а это значит, что шансы не равны нулю. «Включаем логику» и начинаем. Я беру левую точку, Виктор, ты бери правую, а «коллекционеру акварели» разрешаем свободный поиск и размышления над текущей реальностью. Ты согласен? — спросил меня Сан Саныч.

— Согласен. Во-первых, не с моим слабым зрением исследовать взглядом большие участки, а при поиске «в наклон с поясничным хандрозом» через полчаса выйду из строя. Во-вторых, честно скажу — не совсем понял, куда должны гильзы лететь. Зачем мне с крутыми асами тягаться?

Напарники хмыкнули с превосходством (на что я и рассчитывал) и взялись за поиски. А я сел на камень и стал думать — что стрелок мог или не мог делать после выстрелов? Мог ли он тащить оружие отсюда с риском, что его кто-то увидит?

Гильзы мы не нашли. Но Виктор нашел английскую снайперскую винтовку L96A1. При этом тайник он вскрыл очень

аккуратно — не оставляя видимых следов. Хорошее все-таки образование давали в нашей стране... в военных училищах. Не я оказался самым умным в нашей маленькой компании. Выяснилось, что Виктор одновременно с поиском гильз сразу начал поиск тайника для оружия, обоснованно предположив, что стрелку не было смысла шарахаться по острову днем с оружием в руках. Винтовка была завернута в полупрозрачную воздушно-пузырьковую пленку и какой-то пакет из толстого черного пластика. Спора о марке оружия и стране производства при осмотре между Виктором и Сан Санычем не было.

Как «истинный джентльмен» я всегда ношу с собой два носовых платка (один для протирания очков). Онигодились при осмотре винтовки — никогда бы не простил себе, если бы кто-то из нас оставил там свои следы. Вообще не люблю оружие, а уж с отпечатками своих пальцев не люблю втройне.

Споры возникли у нас по другим вопросам: что делать с находкой? Надо ли сообщать о ней Вану? К тому времени я уже рассказал мужикам, как методом исключения устанавливал, кто не мог стрелять по катеру. Виктор предлагал винтовку забрать с собой и спрятать в наших домиках. Я возражал, предвидя проблемы в случае обнаружения оружия у кого-то из российских туристов. Убедил, что «это не есть будет карошо», если снайперскую винтовку найдут у кого-то из нас — ведь не будем же мы прятать ее в домиках у женщин. Сан Саныч предлагал винтовку перепрятать в скалах в другом месте, но не нашел ответа на мой вопрос: «А для чего это делать?». Потом у Виктора родилась шальная идея — установить в тайнике сигнальную ракету с растяжкой — из запасов тайного склада. Тот, кто будет забирать винтовку, потянет и «растяжку» ракеты и...

И он не нашел ответа на мой очередной вопрос: «А для чего это делать?»

— Виктор, будь у тебя в подчинении группа захвата, это, мо-

жет быть, имело бы смысл, а так... Представь, ты спишь ночью, вдруг взлетает сигнальная ракета — ясно, что кто-то взял винтовку из тайника. А дальше что? Ты срываешься с постели, бежишь сюда? В лучшем варианте здесь никого не будет — есть время скрыться, в худшем — ты натыкаешься на человека, вооруженного винтовкой, и получаешь пулю, а твой труп летит вниз на скалы. Оно тебе надо?

— Ладно, убедил, — неохотно согласился Виктор, — вряд ли любимая жена и дочь обрадовались бы такому варианту. В охотничьем азарте погорячился и «херню-с спорол».

— Петрович, — сказал Сан Саныч, — критика наших идей вполне обоснована, но мы не слышали от тебя никаких предложений. Я разочарован, ибо для «философов» это не характерно.

— Понимаете, философы всё же не боги и дар предвидения им не дан. Пределом моих мечтаний было обнаружение гильзы, и в надежде на это взял два бумажных конверта из своего стола. То, что стрелок спрячет здесь винтовку, — это было за пределами личного опыта. И поэтому мое предложение мизерно — отрезать аккуратно кусок пленки и полоску пластика и упаковать в конверты. Что-нибудь острое с собой есть?

Увы, ножи в этот раз с собой никто не взял. Пришлось рвать упаковку руками. Потом Виктор снова замаскировал винтовку в том же тайнике.

Мы вернулись к отелю, сели возле бара, но не успели и жажду утолить холодным пивом и вином, как увидели бегущую Нгок Бич.

— Куда это «нефритовая девушка» с таким выражением лица понеслась, — удивился Сан Саныч.

Он один запомнил в первый день, когда Ван представлял обслуживающий персонал, что Нгок Бич означает «драгоценный нефрит», а Ким Кук — это «золотая хризантема».

— Судя по направлению — в кабинет Вана, — ответил Виктор.

Мы посмотрели друг на друга. Не знаю, что они подумали или почувствовали, но я понял — нас ждет новая проблема, а скорей всего — это очередная смерть...

— Даже если она за нами наблюдала издалека и видела, как мы винтовку нашли, — это еще не повод носиться по острову, как волк за косулей, — сказал Виктор, — ну, видела и видела... стукнула бы тихонько своему начальнику и всё.

— Сан Саныч, — задумчиво промолвил я, ставя на стол свой бокал с недопитым красным вином, — а может тебе что-то срочно понадобится именно сейчас в кабинете Вана? И вдруг, перед тем как постучишь в его дверь, ты совершенно случайно что-то услышишь?

Сан Саныч поняливо кивнул и пошел в кабинет управляющего. Но эта хитрость не понадобилась. Когда он подходил к дверям, из кабинета вылетел Ван с белым перекошенным лицом и, увидев Сан Саныча, стал что-то кричать на вьетнамском языке, сильно размахивая руками...

Еще через сорок минут мы снова все собрались в кабинете Вана. Тело несчастной Ким Кук уже было отправлено в холодильную камеру. По моему мнению, она была задушена подушкой и перед смертью, вероятно уже в агонии, поцарапала своего убийцу. Основания для такого вывода у меня имелись — под двумя ногтями Ким Кук были следы крови и частицы, очень похожие на содранную кожу.

Осмотр комнаты и трупа (если не считать следов под ногтями девушки) не дал никакой нужной информации. Скорей всего, убийца открыл дверь комнаты запасным ключом, придавил лицо девушки подушкой и тихо ушел, ничего не трогая. Видимых признаков изнасилования не было. Время смерти невозможно было определить даже примерно — окна и двери

комнаты были плотно закрыты, а кондиционер работал при максимально низкой температуре и на полную мощность.

Попытка растолковать Вану, что надо попробовать незаметно осмотреть руки всех сотрудников отеля, ни к чему не привела. Он был практически в состоянии невменяемости и, по-моему, не слышал нас, а если слышал, то не понимал.

С помощью Сан Саныча еле удалось «выжать» из Нгок Бич, что живую Ким Кук видели накануне утром — Ван разрешил ей уйти отдыхать и не выходить на работу на следующий день. Я долго пытался выяснить причину такого бережного отношения к «человеческому капиталу», но до конца это так и не удалось. Если Сан Саныч правильно понял Нгок Бич, то погибшая накануне или заболела, или плохо себя чувствовала, и управляющий разрешил ей отдыхать, так как работы было мало. Тогда и мелькнула у меня мысль, что Ван был в сексуальной связи с погибшей.

— Сан Саныч, — спросил я, — можешь выяснить у Нгок Бич, был ли у Ким Кук период менструации?

Он добросовестно попытался это сделать, но совершенно безрезультатно — девушка или не понимала вопроса, или, по каким-то национально-психологическим причинам, не хотела говорить с посторонними мужчинами на эти темы.

Окружающие почти сутки считали, что Ким Кук отдыхает или болеет в своей комнате, и не волновались, не видя ее. Нгок Бич что-то понадобилось спросить у Ким Кук, и, зайдя в ее комнату, она обнаружила холодное тело с подушкой на лице...

Глава тридцать восьмая День шестой. Песни о красивой любви и разговоры о плотских желаниях

*Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжёт, и губит!
Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

Александр Блок

Я лежал в бассейне, предназначенном, по замыслу архитектора или ландшафтного дизайнера, для вечерних медитаций на уходящее солнце. Лежал и с грустью думал, что мне ни разу не удалось проводить солнце в море, спокойно взирая на закат. Из телефона тихо доносились звуки бывшего шлягера Ирины Аллегровой «Неоконченный роман».

Красивая любовь — мы отдали ей дань безумства.
О, боже, как была к лицу тебе твоя весна...
Но осень на дворе, деревья в серебре.
Увы, привычка, охладил нас...

Послышался шорох, потом наступила тишина. Я снял с лица свою оранжевую шляпу и посмотрел вокруг. Не то чтобы боялся кого-то, но на звуки надо реагировать, тем более, когда ты трезвый. Но слышалась только песня. И было странно под горячим солнцем в порывах морского ветра представить себе, как на ресницах таяли снежинки...

Снежинки на ресницах таяли,
И зачарованно читали мы
Красивый, незаконченный роман
Про любовь без измен.
Но все когда-нибудь кончается,
Так от судьбы давай уйдем сейчас,
Оставив незаконченный роман
В парке на скамье...

Снова раздался шорох — как будто кто-то на камнях переступил с ноги на ногу. Я стал шумно подыматься из бассейна, и в этот момент из-за скалы вышла Ольга. «Песню слушала, — догадался я, — интересно, что скажет?» Она присела на край бассейна и молча слушала продолжение. Я снова погрузился в воду, плеснув ее через край.

Немало между нами радостных воспоминаний,
Но я бы не хотела знать агонию любви.
Расставшись, мы с тобой
Спасем свою любовь
От сложных разговоров и обид...

— Только сейчас вдруг поняла, что завтра мы покинем этот проклятый остров и всё закончится, — прозвучал голос Ольги, — дневная жара и вечерняя прохлада, загадки и подозрения, неожиданные смерти и страх, сжимающий сердце, разговоры с умными мужчинами и вынужденное общение с невыносимыми дурами...

— О звезда его очей! — я выбрал один из привычных стилей общения с женщинами. — В свободное время сядь на ковер раздумий и, положив в рот пальцы удивления, задай себе простые вопросы: «Может быть, только от самой женщины

зависит, будет она в жизни общаться с умными или глупыми? И какое значение при общении с умными людьми имеет пол или возраст? Главное — роскошь человеческого общения».

— Ты знал много умных женщин?

— Знал и знаю. Есть умные, перед которыми я в любой миг готов «встать и снять шляпу». Это — образное выражение, но ты понимаешь, что хочу сказать.

— Ты? Перед женщиной?! «Встать и снять шляпу»... Удивительно! Господи, хоть бы раз взглянуть на такую женщину!

— Да что тут удивительного? Мир полон умных женщин и мужчин. Открою тебе страшную тайну — есть даже умные дети, девочки и мальчики. Но вот беда — чтобы стать умными взрослыми, им надо без значимых потерь пройти период полового созревания. Много лет я общался со студентами и мог бы привести массу примеров трудностей этого периода. Но ведь ты пришла не за тем, чтобы слушать мои байки про изменения умственных способностей студентов в период гормональных бурь, спермотоксикоза и первых сексуальных опытов. Хотя, насколько я знаю, у многих первые опыты начинаются еще в школе. Но ты же не об умных женщинах пришла поговорить? Что еще случилось на этом Богом забытом острове?

— Ничего не случилось. Мы завтра уезжаем...

— Так это же произойдет не сегодня. Как говорила одна красивая женщина: «Я подумаю об этом завтра». Знаешь, как полностью звучит эта фраза?

— Нет, — Ольга печально улыбнулась, — скажи.

— Читать надо больше произведений классической литературы. «Я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра». Прием из «техники отложенных решений» — аналог нашего «Утро вечера мудренее». Живи здесь и сейчас! Этот остров наглядно продемонстрировал многим здесь присутствующим, как хрупка человеческая жизнь... и как близка неожиданная смерть.

— А ты сам также поступаешь? Следуешь своим советам?

— Конечно. Тем более что мне осталась только половина жизни... И очень надеюсь, что это будет лучшая половина.

Ольга внимательно посмотрела на меня, наверное, пытаюсь понять — шучу я или нет. Видимо, у нее это не получилось, и она со вздохом сказала:

— Не понимаю я, когда ты шутишь, а когда говоришь серьезно.

— И это прекрасно! В шестидесятилетних мужчинах должна быть какая-то загадка, чтобы тридцатилетние женщины чаще вспоминали их мудрые советы. Например, «день без секса — время, вычеркнутое из жизни». Но секс должен быть радостным, безопасным и качественным.

— Да ну тебя... Всё издеваешься над бедной доверчивой девушкой? Где я каждый день найду такой секс? А впрочем, — Ольга лукаво улыбнулась, — я подумаю об этом завтра.

— Молодец! Мудрее становишься прямо на глазах! Однако от этих разговоров у меня пробуждаются плотские желания. Не пора ли перекусить как следует?

— Ах, ты... Ты, наверное, не исправим, и ничего романтического от тебя не услышишь... Скажи мне что-нибудь хорошее...

— Я лучше всех!

— Тьфу на Ваше каменное сердце.

— Да за что? Ты же просила сказать тебе что-нибудь хорошее? Я сказал тебе хорошее — что я лучше всех... Надо признать честно, что я выполнил твою просьбу.

— Я помню, что в Древней Греции слово «софист» было почти ругательством...

— Ну, с софистами не все так односложно... и не все так однозначно. Если тебе не нравится слушать про хорошее, то могу ли я еще что-нибудь предложить?

— Предложи девушке аперитив — прямо сейчас и в своей постели.

— А вот это предложение заслуживает обдумывания уже сегодня. Пойдем?

— Подожди... А ты что-нибудь про любовь писал? Или про секс?

— Конечно писал, потому что это часть человеческой жизни.

— На примерах из личного опыта?

— Ну что ты... Примеры из чужой жизни гораздо интереснее для нормального литератора. Однажды в исковом заявлении о компенсации морального вреда прочитал великолепную фразу: «Меня насильовали в ночь с двадцать третьего февраля на восьмое марта...» Потом, лет через десять, рассказ написал на эту тему⁵⁴. Называется «Всё началось с изнасилования». Истица была «знойной женщиной и мечтой поэта» — цитирую Остапа Бендера.

— Все! Срочно идем к тебе — «там тишина, там ром, там ледяная кола» — и ты мне там немедленно расскажешь, как можно проводить «ночь с двадцать третьего февраля на восьмое марта». А после удовлетворишь свои плотские желания — набьешь желудок сухими морепродуктами... и зальешь сухим белым вином.

⁵⁴ Здесь Олег вспоминает о своем рассказе «Всё началось с изнасилования...».

Глава тридцать девятая Вечер шестого дня. Языковые игры и разбитый бокал

Разбился стакан — это к счастью.

Разбилось счастье — это к стакану.

Слова неизвестного автора

Если что-то не складывается, лепите!

Джулиана Вильсон

Вечером после ужина все туристы собрались на коктейль-вечеринку по случаю окончания нашего «тревожного отдыха». Вана не было, весь персонал «забился в углы» по своим комнатам, а может быть, наоборот, где-то собрались все вместе... Но нам сейчас и не нужна была обслуга. Какое-то облегчение души и сердца чувствовалось у всех наших. И это чувство никто не скрывал от окружающих. Кроме, наверное, Аллы Петровны, по-прежнему пребывающей в запое. Мы ее так больше и не видели с памятного вечера и «сеанса разоблачений».

Разговор начала Надежда:

— Всё, кончился «смертельный отдых», завтра придет яхта, — сказала она, — надеюсь, что в этом «раю» больше никто не погибнет. Так я и не закончила свою книгу и даже толком не писала. Но, впрочем, это совершенно не удивительно — тут количество трупов на квадратный километр как на большой войне. Виктор, поухаживай за женщиной — налей мне вина.

— Вот услышать бы такие слова да от Инны, — пошутил Сан Саныч, — и улыбка сползла с лица Бажены.

Виктор налил вино Надежде и вопросительно посмотрел на Ольгу, но она отрицательно покачала головой. Зато Сан Саныч, заглаживая эффект от своей шутки, тут же щедро плеснул рому в бокал Бажены и для приличия добавил немножко колы.

Ольга пребывала в печали... «О чем кручинишься, знойная девушка?» — подумал я, но тут же переключился на задачу № 1 сегодняшнего вечера. Пора было выполнять обещание, данное Виктору во время «дружеского разговора под холодное пиво». Но для этого надо было как следует напоить Надежду.

— Костика жалко, — вдруг без всякой связи с предыдущими разговорами сказала Инна, — такой хороший мальчик был...

Все, кто знал правду про «Костика-Тараса», посмотрели на Инну с достаточно выраженной неприязнью на лицах, но промолчали.

«Однако, — подумалось мне, — а ведь это неплохой шанс начать разворот текущей ситуации в нужную сторону».

— Давайте выпьем за Костика, — сказал я, — может быть, простит его Господь за грехи тяжкие. Выпьем до дна.

Вот теперь Сан Саныч, Виктор и Ольга с удивлением смотрели на меня.

— Виктор, не забывай ухаживать за Надеждой — у неё опять пустой бокал.

И кажется тут Виктор начал правильно понимать мои намерения. А я продолжал:

— Сан Саныч, а ты следи, чтобы Бажена не была обделена и обижена и у Инны сок был постоянно. За Ольгу не беспокойтесь — не дрогнет у меня рука, наливаяючи ей пьянящие напитки. Всё... пьем до дна!

Как это ни странно, но все, кажется, выпили до дна. А Сан Саныч, дождавшись полного поглощения этой дозы алкоголя, добавил: «Природа-мать мудра, да сын безмозглый».

— Сан Саныч, я тебя умоляю, давай сегодня будем говорить только о хорошем, — сказала Надежда.

— Или хотя бы о чем-нибудь нейтральном, — подержала её Ольга.

Инна и Бажена в знак согласия закивали головой.

— В такой вечер надо говорить о любви и жизни, — задумчиво промолвила Ольга.

«Да, что же это с ней сегодня? — подумал я. — Как минорное настроение девушке исправить?»

— У Ольги отличная мысль — предлагаю выпить за жизнь и за любовь! Парни, налейте девушкам и себя не забудьте. А я попробую вспомнить стихи моего доброго друга Иннокентия Сентябрьского — он писал про любовь и про жизнь.

Полногрудые гурии ждут меня в небесах.

Я надеюсь, что милость проявит Аллах...

Но прошел я всего половину пути...

О Аллах, ты прости прегрешенья мои...

И тут совершенно неожиданно, и для меня, и, наверное, для всех присутствующих, «блеснула» Бажена:

— А вот французы говорят: «То, что входит в ладонь, — то грудь, а остальное мясо».

— Так это смотря на то, какая ладонь, — с ехидной усмешкой ответила Надежда.

— Девушки, вы отвлекаетесь на ненужные споры, вместо того чтобы пить за жизнь и за любовь, — примирительно сказал Сан Саныч, — выпьем до дна.

«Какой молодец! Уловил мои замыслы и создает ситуацию? Или действительно хочет, чтобы алкоголь у всех снял подспудную тревогу? В любом случае, ты молодец, Сан Саныч», — мысленно похвалил я его.

— Если никто не возражает, — продолжил я выполнение плана, — то прочту еще одно четверостишие Инока про чашу вина.

Народ, уже пребывавший в состоянии легкого алкогольного опьянения, не возражал.

Манит грешного чаша вина... и забыто ученье...
И улыбки подруг разжигают хмельное веселье...
Может, Истина в свитках иль в книгах ученых...
Может, в кубке стеклянном... иль в сердце влюбленных...

Вечер покати́лся к полуночи — с шутками, добродушными «подколами», веселыми историями. Я кратко пересказал свой рассказ о заявлении, в котором истица написала, что ее «насиловали в ночь с 23 февраля на 8 марта». Это вызвало новый взрыв веселья. Нервное напряжение прошедших дней и ночей смывалось алкоголем, и все женщины, кроме Инны, «хорошо употребили». Затем я подробно рассказывал, как правильно надо готовить коктейль «Сибирские ночи», и о том, как при этом надо правильно целоваться на ковре у камина...

За это тоже выпили. Сан Саныч и Виктор предлагали свои тосты с хорошими пояснениями, почему за это грех не выпить. Я терпеливо ждал... и дождался.

— Ой, мальчики, что-то я лишнего сегодня выпила, — сказала Надежда, поднимая бокал. — Хотя на таком «отдыхе», когда обслуживающий персонал и отдыхающие мрут, как тараканы от отравы, нервы издерганы. Переволновалась. Всё равно — это последний раз, больше пить не буду...

«Пора, — сказал сам себе, — больше такого случая может сегодня и не подвернуться». Я повернулся лицом к Надежде, поднял свой бокал, широко улыбнулся и сказал:

— Люба...

Ее бокал выпал из руки, грохнулся на гранитную плитку и разлетелся на мелкие осколки. Напряженная тишина сменила веселье.

— Я не Люба... Почему ты меня так назвал? — Надежда разом побледнела и губы с яркой помадой сильно выделялись на ее лице. Все смотрели на нее, а Виктор просто впился глазами в лицо Надежды.

«Явно фиксирует вазомоторные реакции... И он тоже молодец», — с удовлетворением подумал я. Ну что же... обещание одного джентльмена, данное другому джентльмену, выполнено. Можно и на покой отправляться. Хотя будет ли у меня сегодня покой? Придется еще Ольгу утешать... захандрила девушка перед расставанием. Однако мысли мыслями, но надо было отвечать на вопрос взволнованной Надежды.

— Я? Я тебя назвал Любой?! — мое удивление было искренним и безграничным. — Надежда, ты точно перенервничала. Тебе надо еще выпить, а потом хорошо выспаться. Я лишь хотел сказать, что любая на твоём месте волновалась бы... Да и так все волнуются на этом острове... даже мужики.

Закончил я свою речь с широкой и обаятельной улыбкой:

— И потом... «Почему не любую должен Любой звать?»

Женщина всё-таки взяла себя в руки. «Молодчина, Люба-Надежда!» — я ей мысленно аплодировал. Если бы не ее нервное напряжение и ударная доза алкоголя, не удался бы мой фокус.

— Извини, Олег, что-то я правда перенервничала, — вымученно улыбнулась она, — долго еще в Азию на отдых меня тянуть не будет. Спокойной всем ночи. Виктор, ты проводишь меня?

— Сан Саныч, а Вы меня проводите? — с нервной усмешкой спросила Бажена.

Джентльмены уже встали и делали последние глотки из своих бокалов. Последней ушла Инна. Мы остались с Ольгой наедине и молчали.

Наконец она не выдержала:

— «Почему не любую должен Любой звать?» Языковые игры? «Черта ловят на жужалку?..» Ты... вы... все тут какими играми развлекаетесь? Или, может, будешь мне тут вкручивать, что случайно Надежду Любой назвал?

— У каждой случайности есть своя цель, у каждого случая есть свой смысл. «Не случайная цепь совершенно случайных

событий», — так однажды написал мой друг. И я с ним полностью согласен.

— Олег... я тебя боюсь, не понимаю и боюсь... Ты мгновенно меняешь маски, ты можешь говорить практически на любые темы, но невозможно предугадать, чем ты закончишь начатую речь. Я не знаю, «кто есть ху» в этой пестрой, случайно собравшейся компании и поэтому теперь боюсь ещё больше. Половина из оставшихся в живых не похожа на нормальных туристов... А может, и больше, чем половина. Я поняла, что реальность — это не то, что мне видится. Это все мне только кажется.

Надежда... или как ее зовут на самом деле — наверное, тут самая умная из нас... Умная и осторожная, но ты ее легко заманил в словесную ловушку. Блестящий пример «языковой игры». Я видела, как Виктор смотрел на нее после твоих слов. Не знаю, зачем он пошел её провожать? Го не думаю, что сейчас они там будут трахаться. Наверное, только Сан Саныч с Баженой нынешней ночью... А может, и он с «дурочкой играет»? Я говорила тебе про «вулкан под снегом». Но теперь мне кажется, что ты — только снег. Мягкий, но холодный... А иногда — колючий и секущий лицо... и душу.

Ольга решительно встала, помолчала несколько мгновений и сказала:

— Спокойной ночи. Пойду, попробую уснуть после такого прекрасного вечера. Не провожай меня!

Было ясно, что пытаться провожать или останавливать ее не было смысла. Я спустился на пирс, постоял несколько минут, слушая, как волны бьются о берег, и думая о прошедших событиях.

Могли эти ребята — Сан Саныч и Виктор — втемную использовать меня, как лоха? Безусловно могли, особенно если они работали в паре. Однако, что это меняет? Нельзя убивать... или предавать... безнаказанно. Всё равно я бы втянулся в эту историю с неясными обстоятельствами... сразу после смерти Николая Сидорова.

Каждый день надо делать по одному доброму делу... можно и бесплатно. Если я кому-то помог — то пусть Создатель учтет это, когда на «тех весах» будут взвешивать мои грехи. Делай, что должно, и будь что будет.

Хорошо сказала умная девушка Оля: «Блестящий пример «языковой игры»». Шестьдесят лет — это, конечно, рубеж. Но и за рубежом жить можно... Кое-что еще могём...

Что подумала Люба-Надежда, я, конечно, могу только предполагать. Но она точно поняла, что с ее лица «сдернута маска». А это значит, что и личность ее установлена. А дальше она сама должна додумать, что каким-то образом ее тщательно скрываемые планы стали известны заинтересованным лицам. Страх способствует движению мыслей в определенную сторону.

Я еще раз посмотрел в небо, но не увидел никаких птиц. Не было никаких птиц в ночном небе... Только темнота за цепочкой светильников на пирсе и шум прибора.

Прав, однако, старик Кант: «*Одна из несомненных и чистых радостей есть отдых после труда*». Пойду и отдохну с чистой совестью. Кто может сделать больше — пусть делает.

Я потихоньку три раза стукнул в дверь домика Ольги. Она открыла почти сразу. Мокрые волосы, полотенце на шее, запахнутый халат, на ногах отельные тапочки. Наверное, только что вышла из ванной... Не заходя в прихожую, молча взял ее за руку, вытянул на галерею, потом достал ключ из замочной скважины, закрыл дверь, а ключ опустил в карман ее халата.

Также молча довел до своего жилища, в прихожей сбросил туфли, поднял Ольгу на руки и понес в комнату. Положив ее на постель, тихо шепнул в ушко: «Жди, я сейчас».

Трехминутный холодный душ взбодрил меня. Обернувшись полотенцем, вернулся в комнату, отбросил его и лег рядом с Ольгой. Она тоже была обнажена. Мы прижалась друг к другу, и Ольга нашла мои губы...

Глава сороковая День седьмой.

«Мы разошлись, как в море корабли...»

*Наверное, в конечном счёте, вся жизнь —
это череда расставаний, но больней всего бывает,
если с тобой даже не удосужились проститься.*

Пи Патель

*Наступила пора прощаний.
Наступила пора прощений,
Неисполненных обещаний,
Неудавшихся воскрешений.*

*Неизвестно, какие утраты
Нам еще предстоят в пути.
Даже если ты виновата,
Все равно говорю: «Прости».*

Дмитрий Мизгулин

Яхта пришла за нами рано утром. На этот раз она была без туристов. Ван через бортовую радиостанцию вызвал полицию. Видимо, его сообщение о событиях на острове повлекло нешуточную реакцию высокого начальства, поскольку через три или четыре часа прилетели два больших полицейских вертолета, на борту которых, кроме пилотов, находились шесть офицеров. В каких они были чинах, я не понял, но Сан Саныч тихо присвистнул, увидев знаки отличия на мундире одного из них. Сначала прибывшие допросили Вана и Сан Саныча, а потом — используя их же в качестве переводчиков — всех нас. Сан Саныч показал полицейским тайник с винтовкой, а Ван — склад с оружием в скале. Я рассказал о своих предположениях, отдал бутылку с остатками колы, все предметы, найденные в домике Костика, и перекачал файлы с нужными фотографиями.

Естественно, всё, что касалось только наших дел и отношений, прилетевшим осталось неизвестным.

Потом полицейские взялись за отельную службу. Видимо, какая-то информация у них была еще до прилета на остров, потому что уже через полчаса мы увидели **Цзинсуна**, идущего в наручниках в сопровождении двух офицеров.

Перед тем как наша яхта покинула остров, полицейские на лодке отправились к подводному тайнику с наркотиками, на который им указал Виктор. Потом изъятые пакеты погрузили на один из вертолётов, и вместе с двумя офицерами и арестованным **Цзинсуном** он улетел. Остальные полицейские остались на острове. Ван сказал мне, что за телами умерших и Аллой Петровной придет специально оборудованный полицейских катер... или судно береговой охраны. Ну, это было и «ежу понятно» — без холодильных камер в таком теплом климате транспортировка трупов на большие расстояния просто невозможна. А «веселая вдова», наверное, должна была изображать «почетный конвой» трупов в сопровождении конвоя обычного, но предназначенного уже только для нее. Кто знает, какой юмор у азиатов?

Во время последнего обеда царили смешанные чувства — с одной стороны, все мы были рады покинуть остров, с другой — воспоминания о погибших не способствовали проявлению сильного удовольствия. Наши вещи заранее были собраны, упакованы и давно перенесены на борт яхты. Мы попрощались с Ваном, поблагодарили оставшихся в живых служащих отеля и по лестнице спустились на пирс.

— Ван, прости за подозрения, — сказал я, перед тем как шагнуть на трап. — Трудно верить всем, не зная языка и в такой необычной обстановке. У меня была тревожная молодость, и в течение определённого срока — примерно с двадцати до тридцати лет — я твёрдо усвоил, что человеческая жизнь... и

смерть — это цепь событий, в которой причины и следствия не всегда ясны. И, уяснив эту простую истину, с тех пор не всем верю на слово. Прощай, и не дай Бог тебе еще такого туристического сезона. Удачи!

Ван печально улыбнулся, крепко пожал мне руку и сказал, видимо, запутавшись в русских выражениях:

— К черту!

А может быть, он и не путался, а свернул пожелания до одного слова?

Яхта легла на курс, а мы, столпившись на корме, смотрели на удаляющуюся скалу — «Остров неясных смертей». Когда он почти скрылся из глаз, все отправились в судовой бар. Я придержал Инну за локоть и попросил остаться. Она испуганно вздрогнула, а я засмеялся:

— Боишься, что в подводный гарем к Нептуну отправлю?

— Дурацкие у тебя шутки, — ответила Инна.

Ольга задержалась на палубе и молча смотрела на нас.

— Иди, — махнул я ей рукой, — сейчас мы к вам присоединимся.

И она спустилась внутрь яхты. Помолчав, я сказал:

— Инна, ты умная женщина. Подумай о своей жизни, пересмотри взгляды, займись чем-то серьезным и настоящим. Не жри ты сама себя изнутри и не мучай мужа. Иначе это плохо может кончиться. Для тебя — серьезной болезнью, а он — от усталости — может найти себе другую. Поверь человеку, любившему своих жен и пережившему два развода. Помогай мужу в делах, для души займись чем-нибудь. И не важно, что именно это будет — твой личный бизнес или благотворительная деятельность, учеба или литература. А может быть, художественная фотография... Ведь у тебя получают интересные пейзажные снимки — я видел их — а это значит, что есть чувство кадра. Хватит тебе растрачивать свою жизнь

по мелочам в неосновательных тревогах и в умственной жвачке придуманных проблем. Ты умная женщина, и половина жизни еще впереди. А теперь пойдем в бар — ты выпьешь какой-нибудь полезный сок, а я — «вредное» вино. На берегу с легким сердцем я помашу тебе вслед, потому что сказал всё, что хотел.

Очень надеюсь, что Инна задумалась над моими словами, ибо какая женщина в душе не считает себя умной? Зачем я это сделал? Простая мужская солидарность — помоги незнакомцу, если можешь... Делай, что можешь, и будь что будет.

И еще два коротких разговора состоялись, пока яхта шла по спокойному морю. Бажене, с глазу на глаз, предварительно собравшись, что был рад знакомству и высокого мнения о ней, как о личности, посоветовал переоценить себя и не гоняться за мужиками.

— Можно еще долго прыгать из кровати в кровать, — говорил я, стоя рядом Баженой на носу яхты, — но молодость быстро проходит, подрастает конкурирующее поколение, и однажды можно ощутить свою неостребованность. Знаю одну даму, полностью растратившую себя на случайных мужиков. Сейчас перед сном поглаживает разноцветные вибраторы — черный, красный, белый и желтый — и засыпает в сильной неудовлетворенности. Подумай над моими словами — это я тебе почти по-отцовски говорю, хотя не каждый отец может на такие темы говорить с дочерью.

Если Бажена полная дура, то может пренебречь моими словами. Если нет — сделает правильные выводы. «Каждый хозяин своей судьбы. И доли своей кузнец». ⁵⁵ И делай, что можешь...

Надежде я не стал сообщать, что знаю ее настоящее имя и часть биографии. Зачем? В баре, подняв бокал и поочередно глядя на всех, торжественно провозгласил:

— Свободный пилот и свободный философ Ричард Бах

⁵⁵ Фрагмент песни из фильма «Последняя реликвия» — советской историко-приключенческой ленты. Съемки фильма проходили в Эстонии в 1970 году.

однажды правильно сказал: «В своей жизни мы можем найти себе оправдание, а можем найти здоровье, любовь, понимание и счастье. Мы создаем свою жизнь силой своего выбора». Очень надеюсь, что в ближайшее время каждый из нас сделает правильный выбор, — в этот момент я специально посмотрел в глаза Надежде, — и будет рад этому до конца жизни. Сколько бы этой жизни ни осталось. Выпьем за правильный выбор, ибо только он является залогом счастья. *Sapienti sat!*⁵⁶

Все молча выпили, и надеюсь, что каждый осознал серьезность моего призыва.

Через полтора часа яхта вошла в залив у Паттайи. В порту заказанные такси уже ждали своих пассажиров. Мы выгрузились на пирс.

— Ну что, товарищи офицеры, будем прощаться? — мой вопрос был обращен к Сан Санычу и Виктору.

— Ты так и не рассказал, как вычислил, что я майор, — улыбнулся Виктор.

— А еще он не рассказал тебе анекдот, как две группы юристов спорили на коробку коньяка, — добавил Сан Саныч.

«Ты смотри-ка, — мелькнула мысль, — как Сан Саныч элегантно уклонился от скрытого вопроса про «товарищей офицеров» и переключил внимание Виктора. Ох не прост Сан Саныч, ох не прост».

— Напишу Виктору письмо с анекдотом, как только получу коньяк, выигранный на пари, — отшутился я.

— Юристы в своем репертуаре, — прокомментировал это Сан Саныч и вручил свою визитку.

Мы пожали друг другу руки, пожелали всего наилучшего. Виктор на прощание сказал, что не зря он здесь «так отдыхал» — есть польза и будет благодарность. Польза, понятно, у него, а

⁵⁶ *Sapienti sat* — латинское крылатое выражение, означающее в переводе: «умному достаточно», или: «для понимающего достаточно», и соответствующее русскому аналогу «умный поймёт».

вот кому благодарность будет? Сан Саныч помахал рукой, и оба уехали.

С Баженой, Инной и «Надеждой» я попрощался еще на яхте, выпив с ними по бокалу шампанского, — Инна чокнулась с нами бутылочкой минеральной воды. Они тоже уже разъехались. Осталась только Ольга — она стояла в стороне и, казалось, чего-то ждала. Подойдя, улыбнулся и обнял ее, потом поцеловал в лоб и сказал:

— О звезда его очей! Ты молодая, умная, красивая и богатая. Постарайся теперь быть счастливой. Прощай...

На ресницах Ольги дрожали слезы, но она пыталась улыбаться:

— Прощай и ты, «старый импотент». Я буду счастлива, обязательно буду! Многому ты меня научил... меньше, чем за неделю. И наконец-то я поняла смысл выражения: «Самый сексуальный орган мужчины — это его мозг». И ты будь счастлив... сколько сможешь...

Дойдя до такси, Ольга оглянулась, помедлила, будто чего-то ждала... или хотела сказать, но потом решительно открыла дверцу и села в салон. Глядя на разворачивающееся такси, я испытывал сложные чувства. Красиво расставаться — великое искусство!

«И жизнь удалась, если коньяк, который ты пьёшь, старше женщины, с которой ты спишь. Или спал», — горькой усмешкой блеснула шальная мысль...

Эпилог

Два письма с неожиданными предложениями

*Над землю птицы белые летят,
Собирает их в большие стаи осень.
А за нею холода идут опять —
Наше счастье гуси-лебеди уносят...
Из песни «Любовь останется»⁵⁷*

С теми, кто был на острове, я больше не виделся и ничего про них не знаю. Надеюсь, что Алла Петровна ответила за все сделанное — если не перед людьми, то перед Богом. Сначала ей запретили выезд из страны, а через неделю после возвращения с острова взяли под стражу. Результаты анализа крови погибшего Николая и колы из заботливо сбереженной мной бутылочки доказывали факт отравления. Как говорится, мастерство не пропьёшь. Но это я не про экспертов, а про себя, любимого.

Инна и Бажена, если честно сказать, меня не интересовали. Перевернутые страницы прочитанной книги из ушедшего времени...

Пару раз в течение следующего (после возвращения) месяца звонил Сан Саныч, рассказывал окончание нашей печальной истории. О ней много писали в местных и центральных газетах и на интернет-ресурсах нескольких азиатских стран. Но у меня после разговоров осталось стойкое впечатление, что Сан Саныч пользовался не только информацией из прессы. Впрочем, это не удивительно, если вспомнить широкий круг его знакомых в самых разных учреждениях и средствах массовой информации.

Если подвести краткий итог, то вырисовывались две версии. По официальной — опубликованной полицией в газетах — выходило, что убийства бармена Хонгсавана и Вейдуна, пытавшегося скрыться с острова на катере, совершил Цзинсун.

⁵⁷ Песня «Любовь останется». Музыка В. Гаврилина, слова Б. Гершта.

Преступления были результатом столкновения интересов двух преступных кланов, пытавшихся взять остров под свой контроль для последующей контрабанды наркотиков. Ким Кук погибла как случайный свидетель, на свою беду видевшая Цзинсуна, после выстрела спускавшегося с вершины скалы. Мое предположение оказалось правильным — Цзинсун ее задушил. Еще на острове я подсказал полицейским, что нужно направить на биологическую экспертизу подногтевое содержимое ее рук. Хотя, может быть, и не нужен был им совет?

По неофициальной версии, которую я сформулировал сам после аккуратных недомолвок Сан Саныча (не всё же он мог в открытую говорить по телефону), Вейдун был агентом полиции, внедренным в одну из группировок. Когда и на чем он «засветился», было не ясно, но, видимо, почувствовав опасность, он решил бежать с острова. Наверное, лично я никогда не узнаю всех подробностей тех печальных событий. Впрочем, иногда всех деталей не знают даже лица, проводившие официальное расследование. А про убийство бармена я просто забыл спросить.

Сан Саныч, видимо, поддерживал контакт с Виктором. От него узнал, что «Надежда не умерла последней» и Виктор теперь «на хорошем счету у своих деловых партнеров». Значит, удалось нейтрализовать замыслы «Надежды-Любы». А может быть, она сама от них отказалась. Умная женщина сообразила, что денег может быть много, а вот жизнь — только одна. Со слов Сан Саныча также знаю, что у Вана все нормально — он продолжает руководить отелем.

Было еще кое-что интересное. Как выяснилось, Сан Саныч не соврал мне на острове — он действительно работал (а может быть, и до сих пор работает) в крупном российском научно-технологическом холдинге. Размах исследований этой структуры впечатляет. Например, создание лекарств и технологий, которые

доставляют эти лекарства в «одну, конкретно взятую» клетку человеческого организма в нужной дозе и в нужное время. Оказывается, это уже не фантастика!

Поэтому я позднее не удивился, узнав, что подразделение Холдинга (буду назвать его так) работает на прорывном направлении лечения канцерогенных и сердечно-сосудистых заболеваний. А другое подразделение создает квантовые компьютеры и применяет их в шифровании и дешифровании. Натолкнулся я на эту информацию совершенно случайно. Искал информацию о разных жаргонах, сделал опечатку и на экране домашнего компьютера увидел сообщение о комплексе технических средств «Аргон-Э». Искренне считаю, что «случайность — это не понятая нами закономерность», поэтому стал читать про российский «Аргон».

Эта «штука», оказывается, цитирую: «сохраняет дальность связи при воздействии помех, превышающих по мощности его собственный сигнал в 10 000 раз. Даже я, начисто лишенный знаний о современных техниках связи, понимаю, что это «чистая фантастика». И еще «Аргон», снова цитирую: «обеспечивает одновременную передачу речевой информации и данных в открытом режиме и с использованием встроенных средств криптографической защиты». В сообщении прямо не было сказано, что спецы Холдинга участвовали в технической разработке «Аргона», но вот часть идей явно была оттуда... Впрочем, это — мое «ничем не обоснованное заключение», сделанное при тренировке интуиции. Надеюсь, что вы понимаете, что имеется ввиду. Может быть, Холдинг еще что-то делает, но об этом интернет-источники не сообщают.

Однако после сбора информации о Холдинге из открытых источников я стал сильно сомневаться, что Сан Саныч ограничивался в своей деятельности в Юго-Восточной Азии только маркетинговыми исследованиями. Про его туристический

бизнес я уже и не вспоминал. Как говорится, дом без крыши — не дом, а специалист по региональным маркетинговым исследованиям без маленького туристического агентства — это тоже «дом без крыши». Одно слово — классический «покрышечник».

Да, чуть не забыл. Как-то поздно вечером мне позвонил Виктор и сказал, что в период летнего отдыха он и еще несколько энтузиастов туристических походов хотели бы поискать в наших северных краях «Серебряную бабу». Вот тут я чуть телефон из рук не выронил.

Дело в том, что «Золотую бабу» (как и «золото Колчака») на российском севере не искал только ленивый. Но о предполагаемом существовании «Серебряной бабу» почти никто не говорит и не пишет. Может быть, потому, что искавшие ее как-то очень быстро умирают... после начала поисков. Я, конечно, сказал Виктору, что знать не знаю ни про какую «бабу» — ни про золотую, ни про серебряную, ни медно-никелевую или бронзовую. И после этих слов Виктор заверил меня, что это была только шутка. Ага... лучше бы он шутил о своих и чужих бабах — о живых или мертвых. А мне нравится анатомическая целостность моего немолодого и не очень здорового организма. Короче, пусть голова и задница не будут отделены друг от друга.

Я вспоминал тот далёкий остров в южном море, а «Белый орел» пел «Дорогую пропажу» Александра Вертинского:

Самой нежной любви наступает конец,
Бесконечной тоски обрывается пряжа...
Что мне делать с тобой и с собой, наконец,
Как тебя позабыть, дорогая пропажа?!

Не в первый раз слушая прекрасный поэтический текст, думал — насколько обоснована версия, что Вертинский был звездой

довоенной советской разведки в Юго-Восточной Азии. Его послевоенная биография в СССР наводит на разные мысли...

Когда звучал проигрыш после первого куплета, компьютер подал сигнал, что пришли электронные письма. В одном — на фирменном бланке «Агентства маркетинговых исследований» — Виктор, в очень вежливой форме, задавал вопрос о возможности консультаций его сотрудников по отдельным вопросам, связанным с текущими делами. Достойное вознаграждение гарантировалось...

Второе письмо было сугубо личным. Ольга писала, что на новую работу она пока не устроилась — нет интересных предложений с высокой доходностью... Поэтому «занимается самообразованием и серьёзно подумывает получить еще одно высшее...».

«Молодые женщины, даже если они красивы и очень богаты, должны работать. Праздная жизнь развращает, а безделье, как известно, мать всех пороков и кузница Дьявола», — подумал я, прочитав эти строки.

— Но что же там еще интересного? — хмыкнул я и продолжил чтение.

«Я нашла в интернете ту песню, слова из которой ты неправильно цитировал в день нашего первого серьезного разговора... — писала Ольга. — Того, который так некстати прервала Инна своим предложением идти купаться. Это «Красное вино», поет Татьяна Кабанова. И я поняла, почему ты на ходу изменил авторский текст. Песня меня оставила равнодушной... кроме одного куплета. Знаю, что ты не любишь ненужного употребления иностранных слов, поэтому вычёркиваю термин «сэмпл» . Послушай аудиофайл — это четыре строчки из песни...»

Я включил файл и услышал чуть грассирующий и хрипловатый голос Кабановой:

Просто что-то к горлу подкатило —
На душе и в сердце разнобой.
Вспомнила, как я тебя любила,
Ночи сумасшедшие с тобой...

«Вот, значит, как... вот, значит, как...» — стучала в моей голове простая и глупая, ничего не выражающая фраза.

Заканчивая письмо, Ольга довольно сухо сообщала, что ознакомилась почти со всем «опубликованным» мной в интернете. Но «отдельные аспекты литературного творчества конкретного автора всё же не были понятны до конца», и поэтому «есть предложение обсудить их в Праге в рождественские каникулы».

Изысканно выразив надежду на правильное понимание ее предложения, Ольга добавила, что номер в хорошем отеле на тихой улице в центре Праги уже забронирован, билеты куплены, вылет из Москвы вечером 22 декабря...

И еще была приписка: «Там... на пирсе, я обещала тебе и себе... быть счастливой. Но, увы, без тебя это пока как-то плохо получается...»

Я надеюсь — ты меня услышишь...
И предложишь красного вина...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3	Глава пятнадцатая	
Глава первая		День третий. Милое общение в маленьких бассейнах	95
«Рай на реке Квай»	5	Глава шестнадцатая	
Глава вторая		День третий. «Воспоминанья о минувших днях...»	104
Утро первого дня. Морское путешествие на маленькой яхте	14	Глава семнадцатая	
Глава третья		Вечер третьего дня. О вреде рассказов про массовые убийства	109
Полдень первого дня. Тридцать секунд для первого впечатления	21	Глава восемнадцатая	
Глава четвертая		Очень поздний вечер третьего дня. У одинокого оптимиста кровать наполовину занята	112
День первый. Послеобеденные разговоры с ленинградским вьетнамцем	32	Глава девятнадцатая	
Глава пятая		Утро четвертого дня. Нужно ли пожилому джентльмену заглядывать в мусорную корзину?	127
Вечер первого дня. «Встреча с поэзией» и другие не плотские развлечения	34	Глава двадцатая	
Глава шестая		Полдень третьего дня. «Уже не персик, но ещё не курага»	134
Вечер первого дня. Несколько слов об аксиологии	47	Глава двадцать первая	
Глава седьмая		Вторая половина третьего дня. Рассуждения Сан Саныча о геополитике и воспоминания о различных «насекомых»	143
Поздний вечер первого дня. Коварство незнакомых коктейлей	51	Глава двадцать вторая	
Глава восьмая		Вторая половина четвертого дня. Воспоминания о моей молодости, прерванные стрельбой и взрывом	154
На рассвете второго дня. Первая смерть	56	Глава двадцать третья	
Глава девятая		Вторая половина четвертого дня. Размышления об объёме сосудов	158
Утро второго дня.	60	Глава двадцать четвертая	
О пользе бумажных салфеток и о ненужных размышлениях большой головы	60	Вторая половина четвертого дня. «Вам не надо брать в руки это оружие...»	163
Глава десятая		Глава двадцать пятая	
Утро второго дня. Миролюбивые беседы над обрывом	63	Вечер четвертого дня. О пользе изучения философии и логики	170
Глава одиннадцатая		Глава двадцать шестая	
День второй. Последствия ночной бури	75	Поздний вечер четвертого дня. Дружеские беседы под холодное пиво	178
Глава двенадцатая		Глава двадцать седьмая	190
День второй, до обеда. Как не надо падать с лестницы...	78	Поздний вечер четвертого дня.	190
Глава тринадцатая		О бытии маркетинговых фирм и сложностях М&А в российских условиях	190
Вечер второго дня. Длинный рассказ про отпечатки пальцев	82	Глава двадцать восьмая	
Глава четырнадцатая		Очень поздний вечер четвертого дня. Объяснение в чувствах в условиях цейтнота	197
Вечер второго дня. Результаты «подставы»	90		

Глава двадцать девятая	
Очень поздний вечер четвертого дня. Об искусстве заключения вынужденных сделок	201
Глава тридцатая	
Ночь между днём четвертым и днем пятым. Короткий разговор в состоянии сильной усталости	207
Глава тридцать первая	
Утро пятого дня. «Каждый счастья своего хозяин, доли своей кузнец»	210
Глава тридцать вторая	
День пятый, после завтрака. Как правильно вводить в заблуждение...	218
Глава тридцать третья	
День пятый, после обеда. «Море, море, шум прибоя...»	224
Глава тридцать четвертая	
День пятый, перед ужином. Версии, рожденные на пирсе	229
Глава тридцать пятая	
Вечер пятого дня. Можно ли обмануть свою судьбу? Или чужую?	236
Глава тридцать шестая	
Ночь между днями пятым и шестым.	
Разговоры о перистых облаках и о «Красоте в глазах смотрящего»	243
Глава тридцать седьмая	
Утро шестого дня. Тайник с винтовкой и «сломанная хризантема»	254
Глава тридцать восьмая	
День шестой. Песни о красивой любви и разговоры о плотских желаниях	260
Глава тридцать девятая	
Вечер шестого дня. Языковые игры и разбитый бокал	265
Глава сороковая	
День седьмой. «Мы разошлись, как в море корабли...»	272
Эпилог	
Два письма с неожиданными предложениями	278

Олег Яненагорский

Остров неясных смертей

Отпечатано в полном соответствии
с предоставленным электронным оригинал-макетом
в ООО «Печатная Мастерская РАДОНЕЖ»
603002, Нижний Новгород, ул. Интернациональная, 100
Тел. +7-910-006-35-27
E-mail: rad.nnov@mail.ru